

Огнём и мечом

МИХАИЛ выдающийся русский военный теоретик,
историк и педагог

ДРАГОМИРОВ

Разработал систему «развития мозговой деятельности» для солдат

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. 1866 год

Пруссия выросла и растет за счет Австрии. Между ними вопрос победы или поражения есть вопрос жизни или смерти; при таком положении борьба может окончиться только с совершенным низложением которой-нибудь из них.

М.И. Драгомиров

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. 1866 ГОД

Москва
«Вече»

УДК 355/359
ББК 63.3(0)52
Д72

Драгомиров, М.И.

Д72 Австро-прусская война. 1866 год / М.И. Драгомиров. —
М. : Вече, 2011. — 320 с. : ил. — (Огнем и мечом).

ISBN 978-5-9533-5203-1

Кто объединит Германию — дряхлеющая Австро-Венгерская империя или молодое и агрессивное Прусское королевство? В 1866 году ответ на этот вопрос дали пушки и винтовки. Пруссаки вместе с итальянцами наголову разбили австрийцев и определили всю последующую историю Европы. Представителем России при Прусской ставке был Михаил Иванович Драгомиров — видный военный педагог, теоретик и историк. По следам событий он в 1872 году опубликовал книгу «Очерки Австро-пруссской войны 1866 года», которая в России не переиздавалась больше ста лет.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)52

|

ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ К ВОЙНЕ

Борьба между Пруссией и Австрией началась не в 1866 г. и едва ли можно сказать, что она этим годом закончена. Пруссия выросла и растет за счет Австрии. Между ними вопрос победы или поражения есть вопрос жизни или смерти; при таком положении борьба может окончиться только с совершенным низложением которой-нибудь из них.

Эпоха Фридриха Великого была первым проявлением того роста Пруссии, который на наших глазах поставил Австрию на край гибели. Но обстоятельства благоприятствовали Пруссии и до того необыкновенным образом. Ей все пошло впрок: и тщеславие Фридриха I, деда Фридриха Великого, и склонность его отца, не говоря уже о его собственной гениальности, и, наконец, впоследствии, даже революционный погром.

Понятно, что одни счастливо сложившиеся обстоятельства не могли дать результатов, достигнутых Пруссией, если бы сама прусская раса не представляла сильных задатков на успех. Позволю себе отметить более резкие черты этой расы: в ней много есть такого, чего не представляет чисто немецкий характер. Отличительная черта пруссаков — это

непоколебимая юношеская уверенность в своих силах и превосходстве, доходящая в сношениях с чуждыми элементами до полной бесцеремонности. Это непривлекательно, но дает большой шанс на успех, ибо, пока противник озадачен этим, приобретается возможность обделывать, между тем, свои дела. Это струнка чисто практическая, не свойственная немецкому характеру и объясняемая в пруссаках историческим путем: прусская народность возникла из немецкого выселка в землю чуждую; эмиграции¹ всегда составляются из людей энергических, которые получают тем более крепкий закал, чем в более трудной борьбе находятся с природой и людьми; в таком положении нельзя замечтаться, поневоле станешь практичным. Это — общий закон, применимый ко всякой эмиграции: верен он и относительно североамериканцев, верен также и относительно великорусского племени в ту эпоху, когда оно сформировалось на финском востоке и оттуда пошло на объединение России: та же непреклонная настойчивость в ассимиляции чуждых племён; та же удаль и способность рисковать во всех тех случаях, где этому риску не мешают свои же руководители. Если и есть разница, то разве только в манере, с которой та или другая национальность берется за дело.

К этим, если можно так выражаться, грунтовым задаткам на практичность и энергию присоединились два начала, способствовавшие развитию той и другой в высокой степени: разумею отношения в Пруссии к закону в гражданской жизни и лютеранство. Уважение к закону вошло в сознание пруссака, *к какому бы он сословию ни принадлежал*. Кому не

¹ Разумея это слово в обширном смысле.

известен анекдот о Фридрихе Великом с мельником? Кому не известна педантическая неподкупность прусских чиновников? Кому не известен порядок прусских финансов? Кому не известно, наконец, то, что военная повинность ложится на пруссаков более тяжелым гнетом, нежели на кого бы то ни было, а между тем страна процветает? Все это плоды одного и того же корня — чувства законности. Впоследствии увидим, что оно пригодилось пруссакам и на войне, ибо сознание воинского долга есть не более, как частное проявление того же чувства законности. Лютеранство заставило народ читать; а относительно масс безусловно верно то, что *где большие читают, там большие и думают, масса же, сильная в мысленной работе, всегда будет быть та, которая в этой работе слаба.*

Исключения из этого закона могут иметь место в том только случае, если слабо развитая масса отличается запасом первобытной необузданной энергии и если она сталкивается с массой хотя и развитой, но не имеющей никакой энергии. Но у пруссаков развитие, вследствие сказанных условий, не исключило энергии. Они понимают очень хорошо его значение, и у каждого из них беспрерывно вертится на языке, что сила их заключается в интеллигенции и в том, что они не запутаны в долгах. И эти претензии на интеллигенцию, несмотря на то, что проявляются несколько, может быть, хвастливо, очень и очень основательны: в настоящую минуту едва ли многие из европейских государств могут похвалиться таким количеством даровитых людей, каким обладает Пруссия, начиная от Бисмарка и кончая его противником Вирховым.

Обратимся к началу борьбы между Пруссией и Австрией. Первый сигнал к ней подал Фридрих Великий, который от-

хватил Силезию под предлогом прав, выведенных при помо-
щи натяжек. Затеялась война, окончившаяся тем, что Силезия
перешла к пруссакам в 1742 г. и, несмотря на последующие
войны, осталась за ними.

Из этих войн остановлюсь на кампании 1757 г., интерес-
ной потому, что она представляет во многих отношениях
весьма большую аналогию с последней кампанией. Та же
конфигурация театра войны, разграниченная между против-
никами Рудным и Судетским хребтами, отчасти тот же план
вторжения, показавший, что потомки Фридриха не утра-
тили завещанного им этим великим человеком понимания
австрийцев. В 1757 г. Фридрих вторгается разом с четырех
сторон в Богемию: двумя массами из Саксонии, по левому
берегу Эльбы, двумя по правому — от Герлица и Глаца. Для
двух левых масс, шедших по тем самым направлениям, кото-
рые избраны пруссаками в 1866 г., пунктом соединения было
назначено пространство между Турнау и Гичином; то же ви-
дим и в прошлом г.

В 1757 г. смелый подход к неприятелю в разрозненных мас-
сах, по горным дефилю; в 1866 г. то же самое радикальное от-
ступление от совета теории — не назначать пункта сосредото-
чения там, где нас может предупредить противник — и тот же
успех этого блестательного по своей дерзости маневра.

Погром 1806 г. должен был, по-видимому, окончательно
подорвать только что начинавшую усиливаться Пруссии; на
деле же он принес ей энергическое пробуждение националь-
ного инстинкта, народную армию, обязательную для всех
сословий государства военную повинность, освобождение
крестьян, нравственный авторитет в Германии, в качестве
государства, восставшего в ней первым против наполеонов-

ского ига, и, в заключение, значительное территориальное расширена.

Войны начала нынешнего столетия привели и к другому, весьма важному для Пруссии, последствию: подняв ее авторитет в германском мире, они в то же время уронили авторитет Австрии; двуличное поведение последней в 1813 и 1814 гг. осязательно для всякого немца показало, в какой мере можно рассчитывать на нее, как на надежную представительницу германских интересов. А между тем, по венскому трактату, Австрия осталась официальной представительницей германских интересов, не имея прозорливости добровольно и заблаговременно отказаться от того, чего не была в состоянии за собою удержать. Нетрудно представить себе тот склад отношений, который должен был, вследствие этого, возникнуть между нею и Пруссию. Он не замедлил обнаружиться при первых взрывах, бывших следствием реакции, которая налегла на Европу с низложением Наполеона.

Впрочем, прежде нежели дошло до открытой вражды, Пруссия делала попытки, и небезуспешно, утвердить мирным путем нравственный свой авторитет. К числу мер, наиболее к тому способствовавших, конечно, должно отнести таможенный союз. Но все подобные меры по необходимости должны были вести, в одно и то же время, и к расширению прав народа, и к стеснению прерогатив германских владельцев. Понятно после этого, что если Пруссия выигрывала в народном расположении, то вместе с тем она должна была возбуждать антипатию к себе в германских властителях. Эти последние душой и сердцем лежали к Австрии, которая по собственному своему составу видела спасение только в стро-

гом консерватизме, а следовательно, должна была поддерживать его и в сопредельных землях.

События 1848 и 1849 гг., казалось, должны были утвердить наконец гегемонию Пруссии в Германии; но это не состоялось. Пришлось ожидать нового случая; но за ним дело никогда не станет, если народ чувствует себя призванным достигнуть известной цели. События последних десяти лет еще более утвердили в Пруссии веру в то, что призвание ее — объединение Германии. Принцип национальностей, провозглашенный в Италии, при содействии Наполеона III, был достаточным поводом к тому, чтобы сделать попытку применения его и к Германии, тем более что мечта о немецком единстве бродит уже давно. Недоставало только человека, который был бы в состоянии провести ее в жизнь. Этот человек явился в лице графа Бисмарка, назначенного первым министром ныне царствующего прусского короля, в сентябре 1862 г.

Идея германского единства имеет в графе Бисмарке давнишнего и настойчивого адепта: знаяшие этого замечательного человека прежде утверждают, что он проводил ее совершенно открыто задолго до того времени, когда стал в положение перейти к практической попытке ее осуществления. Железная настойчивость, способность не останавливаться ни перед чем на пути к поставленной цели и такая дипломатическая ловкость, несмотря на резкость тона, в которой он в настоящую минуту едва ли имеет себе равного, — вот отличительные черты характера Бисмарка. Ему все служит для достижения цели: и принцип национальностей, несмотря на то, что он революционный; и крайний консерватизм прусской дворянской партии, опираясь на который Бисмарк проводит вопросы высшего государственного интереса, не-

постижимые, положим, и для благонамеренного, но близорукого либерализма нижней палаты; и хитрость французских государственных людей, попадающих в собственные сети; и продажность французской прессы, и, наконец, революционная партия венгерской эмиграции. Из этого уже видно, что непопулярность его, как крайнего абсолютиста и консерватора, едва ли верна. Консерваторского не много во всем том, на что указано выше. Вероятнее предположить, что это человек, который в данную минуту пользуется тем орудием, которое ему пригодное для достижения цели. Он не из тех людей, которые служат партиям, но из тех, которые их употребляют. Бывшую непопулярность его, сколько мне кажется, скорее следует приписать не тому, что он проводил, а манере, с которой проводил. Отвечал он своим противникам почти всегда саркастически и не останавливался при этом ни перед какими резкостями. Он не спорит, не возражает; он бьет словом, и вдобавок бьет не убивая, а только дразня. В подтверждение этого укажу на тот случай, как он применил однажды к палате депутатов закон о дерзости слуг против господ, и на депешу по адресу Австрии перед войной, о которой буду еще говорить и в которой он заявляет, что Австрия желает войны, чтобы или поправить финансы прусскими контрибуциями, или же извинить банкротство неудачей войны.

Повод к началу объединения Германии подали герцогства Шлезвиг и Гольштейн, давно искушавшие Пруссию, представляя превосходную морскую позицию; благовидный предлог к войне представлялся и в двойственности положения Гольштейна, как датской провинции и члена Германского Союза, и в том, что настояла необходимость защитить немецкое население Шлезвига, якобы угнетаемое датчанами.

Но Австрия понимала виды Пруссии и решилась стать им в разрез тем, что приняла участие в шлезвиг-гольштейнской войне. Австрийские государственные люди рассчитывали, что уже самый факт совместного завоевания даст им возможность сделать из герцогств самостоятельное государство Германского Союза и не допустить Пруссию до захвата. Но вышло не так, потому что в Пруссии бесстрашно смотрели на могущее возникнуть столкновение, желали его и были к нему готовы. Австрийские дипломаты не совсем, кажется, поняли Бисмарка, считая его своим собратом в том отношении, что он будет переговариваться сколько угодно, но от слов не решится перейти к делу.

Считаю небезынтересным сделать краткий очерк шлезвиг-гольштейнского столкновения, ибо оно послужило поводом к австро-пруссской войне.

По заключении мира с Данией, 30 октября 1864 г., Австрия и Пруссия вступили во владение герцогствами, оставив там оккупационный корпус из прусских войск (6 полков пехоты, 2 кавалерии и 3 батареи) и австрийских (бригада Калика — 7 батальонов, 2 эскадрона, 1 батарея).

Вскоре по заключении мира, Австрия предложила Пруссии уступить герцогства Фридриху Аугустенбургскому; но здесь и обнаружилось, что Пруссия вовсе и не думала отказываться от завоевания. Австрия, опираясь на свои права как завоевателя и на франкфуртский сейм, думала застрашать Пруссию громкими словами вроде того, что «союз не должен терпеть, чтобы в его состав мог быть введен несамостоятельный член». Но Пруссия отвечала на это, что бранденбургский дом имеет также права на завоеванную территорию, и

что самый факт завоевания уничтожает какие бы то ни было посторонние наследственные права.

Впрочем, в конце февраля 1865 г. Пруссия сообщила австрийскому кабинету те условия, на которых она может согласиться на уступку герцогств кому-либо из претендентов, имея в виду свои и общегерманские интересы. По мнению прусского кабинета, эти интересы требовали: 1) Чтобы вооруженные силы герцогств, сухопутные и морские, составляли нераздельную часть прусской армии, а железнодорожное и телеграфное управления были слиты с прусскими; вместе с тем Шлезвиг-Гольштейн вступает в таможенный союз. 2) Чтобы содержание вооруженных сил было предоставлено Пруссии, за известное ежегодное вознаграждение, которое должны уплачивать герцогства. 3) Чтобы система обороны герцогств была определена по соглашению их правительства с прусским, но на основании общих военных целей и потребностей, признанных Пруссией. 4) Чтобы Пруссии, за защиту герцогств, были уступлены: а) Зондербург с пространством по обоим берегам Альсзундэ; б) пространство для обеспечения кильской гавани и крепости Фридрихсорт; в) пространство при устьях проектированного канала и надзор на протяжении его. Видно и без объяснения, что, при подобных условиях Шлезвиг-Гольштейн пользовался бы только nominalной, а не действительной самостоятельностью. В Австрии не могли, конечно, согласиться на подобные условия, и Менсдорф, в начале марта, довольно решительно заявил это несогласие, прямо заметив, что требования, поставленные таким образом, имеют в виду не германские, а собственно прусские интересы.

Переговоры на некоторое время были прекращены, не только не уяснив положения, но сделав его еще более натянутым. Австрия не могла, конечно, оставить этого дела таким образом, ибо не могла и думать, и по отдаленности, и по недостатку средств, об утверждении в герцогствах такого влияния, которое преобладало бы над прусским или по крайней мере равнялось ему. Вследствие этого она решилась действовать чрез сейм; большинство его членов, как представителей мелких владений, государям которых ясно было видно, что участь, постигшая Шлезвиг-Гольштейн, рано или поздно ожидает и их, было совершенно расположено поддерживать австрийское предложение о кандидатуре принца Аугустенбургского. Вследствие этого, в апреле 1865 г., в сейм поступило предложение о том, чтобы он высказал «полное надежды ожидание, что правительства Австрии и Пруссии благоволят передать герцогства принцу Аугустенбургскому; о решении же относительно герцогства Лауэнбург не откажут сообщить союзу». Предложение это было принято большинством голосов. Имел ли средства сейм поддержать это решение, и речи быть не может; он этих средств не имел: определения его, как некогда определения амфиктионова судилища, тогда только могли иметь значение, когда их желали слушаться. Это одно уже показывает, что эта меттерниховская организация совершенно лишена была жизненной силы, и если не развалилась ранее, то благодаря только искусственной поддержке.

При меньшей решительности Бисмарка и при менее ясном понимании того, чего Пруссия может ожидать от сейма, подобное заявление, может быть, несколько и запугало бы пруссаков; но Бисмарк, став на ту точку, что призвание Прус-

ции заключается в объединении Германии, видел совершенно ясно, что, кроме оппозиции, ничего и не может встретить в сейме. Главное, чего Пруссия могла опасаться в случае открытого столкновения, это, конечно, иностранного, и именно французского, вмешательства; но с этой стороны Бисмарк обставил себя превосходно. Он умел усыпить французский кабинет, не связав себя в то же время никакими положительными обязательствами. Может быть, это ему и не удалось бы, если бы не общераспространенное во Франции убеждение, что пруссаки будут побиты в случае столкновения с австрийцами. При этом убеждении французскому кабинету не только не было интереса останавливать пруссаков, а, напротив, представлялось выгодным по возможности расположить их к столкновению. Предполагая неудачный исход этого последнего, можно было бы явиться посредником в самую критическую минуту, конечно, за известное вознаграждение со стороны Рейна. Правда, это только гипотеза; но мы не можем объяснить себе того спокойно-созерцательного положения, в котором оставались во Франции до самой кениггрецкой битвы, ничем иным, как только тем, что там рассчитывали на поражение пруссаков. Не менее ловко обставил себя Бисмарк и с другой весьма важной в наше время стороны: со стороны так называемого общественного мнения. Что это в наше время большая сила — в том и спора быть не может; но что оно бывает нередко силой слепой, которую можно направить газетами в какую угодно сторону, то это тоже едва ли подлежит сомнению. Пусть припомнят, как ловко, при помощи французских газет, было подготовлено общественное мнение Западной Европы против нас в эпоху польского восстания, и, вероятно, согласятся с нами.

Пруссаки, предпринимая завоевания, и притом в центре Европы, распорядились так ловко, что об этом французские газеты почти не говорили в момент исполнения; а когда некоторые из них начали кричать, дело было уже покончено.

Итак, и правительство, и общественное мнение во Франции если не восторгались, то, во всяком случае, и не перечили стремлениям Пруссии, тем более что исход их никому и в голову не мог придти.

И в этом случае нельзя не отдать справедливости гениальной ловкости, с какой Бисмарк умел обставиться со всех сторон. Всем памятно, вероятно, как, при начале столкновения, говорили, что оно затевается для того только, чтобы отвлечь внимание пруссаков от внутренних дел; сами пруссаки верили в это; вероятно, по личному опыту, верили в это также и во Франции. При такой обстановке, кому же могло придти в голову, что дело окончится слитием большей части Германии?

Обратимся к Шлезвиг-Гольштейну. Столкновения между австрийскими представителями власти и прусскими шли своим чередом. Они были неизбежны, ибо Пруссии хотелось во что бы то ни стало овладеть герцогствами, хотя бы даже и с ограничениями; Австрии же хотелось не допустить этого захвата, в какой бы он форме ни состоялся.

Это должно было заставить антагонистов войти в новые переговоры. В искреннем расположении уладить дело не было недостатка, доказательством чего служит то, что государи Пруссии и Австрии лично съехались для соглашения в Гаштейн; но рядом с этим расположением было не менее, если не более, сильно и стремление с каждой стороны добиться задушевных своих целей, диаметрально противоположных друг другу.

Тем не менее соглашение, хотя призрачное только, состоялось в форме гаштейнского трактата, ратифицированного 20 августа 1865 г.

Для Пруссии он был положительной победой, ибо сводил Австрию с точки той строгой последовательности основным постановлениям Германского Союза, которой до того она старалась держаться.

По этому трактату управление герцогствами было разделено между Пруссией и Австрией: первая взяла Шлезвиг, вторая Гольштейн; но вместе с тем в принципе признавалась общность владетельных прав обеих держав над всей завоеванной территорией. Пруссия и Австрия обязывались в то же время предъявить сейму о необходимости заведения союзного флота, а в ожидании утверждения этого предложения со стороны германского сейма кильской гаванью могут пользоваться одинаково как прусский, так и австрийский флот¹; но командование, полицейский надзор и все территориальные права, необходимые для всестороннего обеспечения этой гавани, предоставляются Пруссией. Остальные пункты касаются этапных дорог для Пруссии по Гольштейну, телеграфных линий и железных дорог, объявления Рендсбурга союзной крепостью, устройства северного канала; последний пункт, относительно герцога Лаэнбургского, гласил, что император австрийский передает свои права на него королю прусскому за 2 500 000 талеров. Таким образом, присоединение земли, составлявшей собственность Германского Союза, началось.

Гаштейнский трактат поднял немалый шум: не говоря уже о германских мелких владетелях, против него протесто-

¹ Только как было попасть последнему в эту гавань?

вали Франция и Англия. Как кажется, там начали понимать, что едва ли они поступили расчетливо, допустив разыграться шлезвиг-гольштейнской войне. Кроме того, национальная партия видела в этом деспотический захват союзной территории. Наконец и прусская палата также изъявила неудовольствие на присоединение Лауэнбурга без согласия камер, ибо прусский король по конституции не может быть владельцем чужих земель, и из-за обладания которыми могут возникнуть затруднения для Пруссии.

Но к оппозиции палат уже привыкли; привыкли также и к тому, чтобы не обращать на нее внимания. Не касаясь вопроса о том, в какой мере конституционны подобные отношения к представительству страны, нельзя не заметить, однако ж, что они мотивировались в значительной мере отсутствием государственного такта и прозорливости со стороны представителей по многим вопросам, и в особенности по вопросу о реорганизации армии, о котором скажу ниже.

Король прусский уплатил условленную сумму из своей кассы, и 18 сентября пруссаки заняли Лауэнбург.

Вместе с тем пруссаки очистили Гольштейн, губернатором которого назначен Габленц; в помощь ему по гражданскому управлению оставлен Гальбгубер; губернатором Шлезвига назначен Мантейфель и при нем, во главе гражданского управления, Цедлиц.

Первое время по заключении гаштейнского трактата сулило согласие между союзниками: они единодушно адресовали угрожающую ноту сейму, в ответ на протест против гаштейнского трактата; с таким же единодушием они отвечали отказом на предложение сейма о скорейшем созвании чинов

Голштейна для решения его судьбы и о содействии включению Шлезвига в состав Германского Союза.

Но это единодушие не было продолжительно. Вскоре возобновилось то же, что было и до гаштейнского трактата, только с некоторыми вариантами. Между тем как в Пруссии вопрос о праве владения подвергли обсуждению кронюристов, которые признали, что все права на герцогства истекают из мира 30 октября, которым право аугустенбургского дома уничтожено, если бы оно даже и существовало, австрийские власти в Голштинии продолжали не только допускать, но даже поощрять агитацию в пользу принца Аугустенбургского, несмотря на заявление Бисмарка, что подобная агитация должна быть рассматриваема как измена, ибо направлена против верховых прав на герцогства австрийского и прусского государей. Взгляд этот был выражен в ноте от 20 января 1866 г., в которой был даже сделан намек, что поведение голштейнской администрации может повести к уничтожению добрых отношений, установившихся между обоими кабинетами.

Бисмарк не остановился на этой ноте: собрание шлезвиг-голштейнского ферейна в Алтоне, позволившего себе самые резкие выходки против Пруссии, подало повод к новой ноте. В этой ноте Бисмарк, напомнив о прекрасных днях Гаштейна и Зальцбурга, когда он увлекался мыслью, что Пруссия и Австрия будут действовать заодно против революционных тенденций, приходит к разочарованию в этой надежде.

«Если в Вене расположены спокойно смотреть на революционное перерождение издавна известного своим консервативным смыслом превосходного голштинского населения, то

Пруссия принимает окончательно решимость не действовать таким образом».

«Гаштейнский трактат, — продолжает Бисмарк, — только временно допустил разделение герцогств; но Пруссия имеет право требовать, чтобы Австрия, в течение этого переходного периода, сохранила *status quo* в Голштинии на столько же, сколько обязана сохранить его Пруссия в Шлезвиге. Прусское правительство просит венский кабинет обратить внимание на это обстоятельство и действовать сообразно с ним. В случае получения уклончивого или отрицательного ответа, Пруссия будет приведена к убеждению, что Австрия, *под влиянием традиционного антагонизма*, не рассчитывает долгое время идти с нею по одному пути. Убеждение это было бы, конечно, крайне тягостно; но Пруссия должна же наконец уяснить себе истину. Если, таким образом, ее лишат возможности действовать заодно с Австрией, то она должна тем самым приобрести *полную свободу* в делах своей политики и пользоваться ей сообразно своим интересам».

Дело, кажется, становилось ясно. На столь решительное заявление Австрии, кажется, проще всего было бы ответить, что она не намерена допустить утверждения власти Пруссии в герцогствах и будет противодействовать этому всеми зависящими от нее средствами; но прямые ответы не в привычках австрийских дипломатов. Ответ от 7 февраля последовал уклончивый. Австрийский кабинет отклоняет от себя ответственность в том, что эльбские герцогства находятся еще в неопределенном состоянии; он считает себя в деле управления Голштинией на весь переходный период совершенно свободным и не может допустить в этом отношении чьего бы то ни была контроля, и т.д. Бисмарк не отвечал на эту ноту:

таким образом, Пруссия в делах своей политики получила полную свободу.

Молчание это не могло, конечно, не встревожить Австрии; несколько времени спустя это беспокойство обнаружилось в виде дружественного осведомления, с которым обратился австрийский посланник в Берлине, граф Кароли, к Бисмарку относительно того, что этот последний разумеет под свободой политики. Бисмарк отвечал на это осведомление, что это значит, что Пруссия и Австрия становятся в такие отношения, в каких они находились до 1864 г.

Симптомы были настолько тревожны, что необходимость быть готовым на всякий случай начала ощущаться весьма сильно, тем более что и неосторожные слова Ламарморы в палате, 8 марта, заставляли подозревать тайное соглашение между Пруссией и Италией. Император Франц-Иосиф собрал в Вене, для совещаний, командиров армий и корпусов и некоторых других генералов. Результатом совещаний была решимость приступить к вооружениям, ибо Австрия, по своей военной системе, нуждается в большем времени для приведения войск на военное положение, нежели Пруссия. Приготовления к нему были сделаны еще в феврале 1866 г.; вместе с тем приступлено к переговорам, в одиночку, с более дружественными из второстепенных германских государств, с тем чтобы обеспечить себе и их содействие.

В марте месяце вооружения в Австрии и в мелких владениях приняли такой характер, что Пруссия не могла не обратить на них внимания и решилась сделать запрос о том, какие причины побуждают Австрию прибегать к ним.

Ответ получен странный: вооружения были мотивированы жестокими преследованиями жидов чешским населе-

нием; тем более странный, что полки сосредоточивались к прусской границе, где и помина не было о преследовании жидов.

Пруссия отвечала на мобилизацию войск приказом, определявшим тяжкие наказания за всякое покушение к подрыву власти в герцогствах короля прусского и императора австрийского. Это подало повод к новому осведомлению графа Кароли: не хочет ли Пруссия силой разорвать гаштейнский трактат? Бисмарк отвечал отрицательно, но прибавил, что в делах такого рода словесные объяснения ничего не значат, ибо они неверно понимаются и дурно истолковываются, и что если австрийскому посланнику угодно получить более обстоятельное объяснение, то не соблаговолит ли он письменно формулировать свой вопрос. Этого сделано не было, а между тем вооружения принимали все более и более угрожающий характер.

Дело, казалось, достаточно назрело под покровом интриг и дипломатической тайны для того, чтобы перевести его в область открытого разрешения, вооруженною силою. Подходило время противникам посчитать свои силы.

Австрия, враждебная всякому ходу вперед, понимающая основным условием своего существования безусловный консерватизм, совершенно удовлетворяла тенденциям немецких партикуляристов и, следовательно, могла рассчитывать на их содействие в случае борьбы. Она являлась естественной защитницей установившегося в Германии порядка и потому была уверена в сочувствии всех мелких владетелей Германии, за исключением тех только, которые находились, по географическому положению своих владений, под непосредственным влиянием Пруссии.

И, сколько можно судить, в расчеты австрийского кабинета входило, как немаловажное условие успеха в борьбе, содействие этих мелких владетелей и то, что Пруссия очутится изолированной в германской среде. Но Австрия ошиблась в одном: эти мелкие владетели, как не призванные ни к какой политической роли, не были николько заинтересованы в мирное время держать свои вооруженные силы в удовлетворительном состоянии; от этого мобилизация сказанных сил могла быть произведена не иначе, как с большими проволочками. Притом же, эти владетели, даже предполагая соединение их ввиду общей опасности, не могли совершенно отрешиться от соперничества между собою. Одним словом, рассчитывать на то, чтобы их контингенты могли скоро сбраться, составить что-нибудь целое, представляющее одну душу и одно тело, было полнейшей иллюзией. При этом можно подивиться одному только, именно тому, что австрийские государственные люди забыли затаенную цель установления Германского Союза, высказанную их же праотцом Меттернихом, которому принадлежит и идея его создания. «Они (члены Германского Союза) могут копошиться сколько угодно, но никогда ничего не сделают». Организация была сообразена в этом смысле действительно превосходно: большая часть членов Германского Союза ничего сделать не могли; и странно, что Австрия думала теперь найти силу там, где прежде хлопотала о развитии бессилия.

Пруссия не сомневалась во враждебном отношении к себе мелких владетелей; но это ее не заботило. Бисмарк из тех людей, которые прямо смотрят на вещи; он не только не боялся этой вражды, но желал ее: чем открытее она обнаружилась бы, тем более будет основания не церемониться впоследствии

с теми, кто ее обнаружит. Пришлось поискать союзников вне Германии. В продолжительность союза с Австрией Бисмарк плохо верил и, на случай разрыва, заранее озабочился, чтобы Пруссия не осталась одна против соединенных сил Австрии и Германии. Союзник представлялся вполне искренний, ибо союз был и в его интересах: это была Италия. Дело было начато издалека: в половине 1865 г. Пруссия вступила с Италией в переговоры о заключении торгового трактата между ею и таможенным союзом. Непосредственным последствием этих переговоров было признание Итальянского королевства мелкими германскими владетелями, входившими в состав таможенного союза, и вслед за тем торговый трактат, состоявшийся 31 декабря 1865 г. После этого в поводах к сближению не было недостатка; кончилось тем, что, в случае войны с Австрией, обе стороны не только обязались единодушно действовать против общего врага, но и положено было, что ни одна из них не имеет права без согласия другой заключать не только отдельного мира, но даже и перемирия. Окончательно состоялось это дело в марте 1865 г., через графа Говоне.

Между тем, благодаря инициативе Австрии, Пруссии можно было приступить к вооружениям и у себя дома. Перед началом вооружений в Пруссии заговорили уже совершенно открыто о том, к чему она имеет в виду стремиться. В депеше от 24 марта Бисмарк заявил мелким и средним государствам о необходимости, в которую поставлена Пруссия вооружениями Австрии, принять и со своей стороны меры к охранению Силезии. Вместе с тем, дабы уяснить положение, он спрашивал помянутые государства: на что Пруссия может рассчитывать с их стороны ввиду могущих возникнуть

столкновений. К этому прибавлено было, что в настоящем своем устройстве союз не достигает цели; что, в случае нападения со стороны Австрии, Пруссия может рассчитывать на поддержку не союза, а отдельных государств, которые решились бы оказать эту поддержку вопреки духу союза. Желая знать, от кого она может ожидать этой поддержки, Пруссия предупреждает в то же время, что, каков бы ни был ответ на этот вопрос, она будет настаивать на необходимости политической и военной реформы союза.

Капитальную часть этой депеша составляла, конечно, угроза реформы союза, не могшей нравиться мелким владельцам, так как она могла иметь только один исход — стеснение их самостоятельности, в ожидании полного ее уничтожения.

Мелкие государства ответили на этот запрос 11-й статьей союзного акта, в силу которой союзные государства обязываются ни в каком случае не воевать друг с другом, а все могущие между ними возникнуть распри повергать на решение сейма, который принимает меры к соглашению противников, а в случае неудачи произносит приговор об исключении виновных из Союза.

Между тем Пруссия, декретами 27 и 29 марта, предписала начать переход на военное положение. Батальоны в провинциях, угрожаемых опасностью, предписано привести в усиленный мирный состав. Полевая артиллерия также поставлена на военную ногу и приступлено к вооружению крепостей. Это подало повод к дипломатической полемике, тон которой все менее и менее становился парламентарным. Она представляет неизбежное почти явление перед началом каждой войны и состоит из взаимных упреков на ту тему, кто

первый начал вооружаться, из предложений разоружиться, из возражений в том роде, что нельзя разоружиться, когда и не думали вооружаться, что Австрия вооружается не против Пруссии, а против Италии, и притом во имя не одних своих, но и германских интересов, и проч., и проч. Поэтому, не останавливаясь на подробностях этой переписки, которая никогда не вела к тому, чтобы уладить дело, укажем только на главнейшие фазы ее до того времени, когда она привела между Пруссией и Австрией к окончательному разрыву.

Депешей, давшей новый толчок развитию событий, было обращение Менсдорфа к Бисмарку еще раз серьезнее обдумывать шлезвиг-гольштейнское дело, что в переводе значило отдать Шлезвиг-Гольштейн принцу Аугустенбургскому, не делая в то же время уступок Пруссии, которых последняя требовала в своих и германских интересах. В ответ на это Бисмарк решительно заявил волю Пруссии держаться венского мира и гаштейнского трактата, которыми всякое вмешательство третьего, а следовательно, и Германского Союза, исключается. Вместе с тем Австрия приглашалась действовать заодно с Пруссией в реформе союза. Ответ можно было предвидеть.

При этом было прибавлено, что Пруссия готова вступить в переговоры о том, на каких условиях Австрия может отказаться от своих прав на Гольштейн.

Предложение о реформе Союза действительно было сделано 9 апреля. Не буду останавливаться на нем, ибо вскоре последует повторение его, только более энергическое. Замечу только, что сейм сделал попытку отделаться от этого предложения, пустив его на обсуждение возможно длинным путем. Довольно сказать, что комиссия для его разбора назначена была только 21 апреля.

Так как вооружения продолжались, то Пруссия вслед за тем обратилась к Саксонии, как к ближайшей соседке, с запросом, в каком положении находятся ее вооружения, и требовала, чтобы они были приостановлены. Бейст отвечал на это предложение просьбой к сейму, «не blaugodno ли будет ему постановить решение о предложении Пруссии, чтобы союзу был дан покой на основании 11-й статьи союзного акта». Предложение это было принято 24 мая, несмотря на протест прусского посланника против применения статьи 11-й, так как Пруссия на Саксонию не нападала; ответ на предложение требовался к 1 июня от обеих сторон.

К этому же времени относится попытка первостепенных держав уладить дело путем конференции — то же явление, которое входит как бы в привычку европейской дипломатии, хотя и служит более к потере времени, нежели к чему-нибудь положительному.

Настало 1 июня; полемика, тянувшаяся уже так долго, повторилась еще раз перед лицом сейма.

Австрийский посланник объявил, что Австрия зашла в уступках относительно Пруссии так далеко, как только позволяли достоинство Австрии и право Германского Союза.

Пруссия становилась в своих требованиях все притязательное и стремилась осуществить их, несмотря ни на что. Подобно тому, как после венского мира она угрожала вынудить очищение герцогств от союзных войск, в подобном же духе она действовала и против Австрии в вопросах о герцогствах, обратив его в вопрос силы и опираясь на иноземную помощь. Это обнаружилось еще в эпоху гаштейнского трактата и возобновилось с той минуты, как Австрия отказалась управлять Голштинией на основании принципов политики присоединительной.

Угрожаемая с двух сторон, Австрия не могла не приступить к вооружениям, но готова прекратить их против Пруссии тотчас же, если будет гарантировано, что она не подвергнется нападению ни в своих землях, ни в союзных.

Относительно дела о герцогствах она первая стояла за то, чтобы повергнуть его на усмотрение Союза, но, несмотря на все усилия, не могла склонить к этому Пруссию. Она предписала созывание голштейнских чинов, дабы знать мнение населения и принять его в уважение.

На это прусский посланник при Союзе, Савиньи, возразил, что мобилизация прусских сил вызвана вооружениями Австрии и что эти силы будут приведены на мирное положение только в том случае, если не только Австрия, но и прочие члены Союза отменят свои вооружения и станут к Пруссии в менее угрожающее положение.

«Если же, паче чаяния, сейм не в состоянии гарантировать мир, и если члены Союза будут сопротивляться столь необходимой и всеми признанной реформе, то из этого факта Пруссия должна будет вывести то заключение, что устройство Союза, в его настоящем виде, не соответствует его задаче, и что она будет поставлена в необходимость положить это убеждение в основание всех последующих своих решений». К этому прусский посланник прибавил обычные оправдания Пруссии по вопросу о герцогствах.

Во всех действиях Австрии Бисмарк видел окончательный разрыв гаштейнского трактата: он тотчас же обратился по этому предмету с протестом в Вену и вместе с тем адресовал ко всем уполномоченным Пруссии при европейских дворах известную депешу от 4 июня, в которой обвиняет Австрию в вызове на войну, мотивируя этот вызов намерением улучшить

положение своих финансов или путем прусских контрибуций, или же почетным банкротством, под предлогом вынужденной будто бы войны. Едва ли летописи европейской дипломатии представляют документ более решительный за весь период со времени Наполеона I. В этом документе Бисмарк совершенно отрешился от изворотливости и осторожности, составляющей общую черту европейских дипломатов.

Одновременно с этой депешей было предписано губернатору Шлезвига, как только Габленц созвал голштейнские чины, немедленно занять Голштейн, предоставляя австрийцам занять гарнизоны в Шлезвиге, как было до гаштейнского трактата. На 5-е июня Габленц назначил собрание голштейнских чинов, а 7-го пруссаки вступили в Голштинию, и Мантифель обратился к Габленцу с предложением организовать совместно с ним управление Шлезвиг-Голштейном.

Австрийцы не хотели возвращаться в положение догаштейнского трактата, и так как со слабой бригадой Калика нельзя было и думать о сопротивлении, то Габленц, сосредоточив войска в юго-западном углу Голштинии, отступил через Гамбург в Ганновер. По герцогствам разрыв состоялся.

Австрия, конечно, должна была употребить старания, чтобы свое дело сделать общим германским. 11 июня назначено было экстраординарное заседание, на котором австрийский посланник объявил, что поведением Пруссии в герцогствах уничтожен гаштейнский трактат и нарушен союзный мир; потребовал для восстановления последнего мобилизации союзной армии в течение 14 дней; вместе с тем предложил озаботиться о том, чтобы резервные части были в порядке и чтобы приняты были все меры для приведения армии в возможность действовать.

Прусский посланник объявил на это, что он не уполномочен отвечать на столь новое предложение.

Вместе с тем австрийский посланник настаивал на возможно скорейшем решении. В противность обычаям сейма, в силу которых самое ничтожное дело решалось не менее как в три заседания, здесь положено было дать Австрии ответ не позже 14 июня: так велики были опасения, внушаемые Пруссиею. Этого довольно было Бисмарку, чтобы и относительно Союза стать в открытое положение. Еще от 10 июня он препроводил к немецким правительствам окончательное предложение о реформе, которое было заготовлено заблаговременно, в предвидении давно желаемой и так ловко подготовленной минуты, для того, чтобы пустить его в ход.

Первая статья этого предложения включала в состав Союза все до того находившиеся в нем земли, *за исключением императорско-австрийских* и королевско-нидерландских. В следующих пунктах, кроме устройства дел общего интереса, предлагалось: завести немецкий флот с общим бюджетом и союзными гаванями в Киле и Яде, *под верховным заведыванием Пруссии*; сухопутные силы разделить на две армии: северную и южную. Начальство над первой в мирное время принадлежит прусскому королю; над второй — баварскому. Каждая из них должна иметь свой общий бюджет, определяемый по соглашению с представителями нации. Каждая из армий управляемся, под верховной властью помянутых главнокомандующих, особым военным советом, составленным из представителей государств, дающих контингенты в ту либо другую армию. Этот совет должен ежегодно отдавать отчет в своих действиях *парламенту*. Расходы по содержанию армии несет каждое из государств, пропорционально

выставляемому контингенту. Экономия в военном бюджете составляет собственность военно-союзной кассы.

Понимается само собою, что союзный, по официальной редакции, парламент и союзная армия должны были на практике обратиться в прусский парламент, в прусскую армию. В какой мере этот проект мог понравиться мелким государям, из которых всякий привык считать себя самостоятельным властителем и иметь хотя и крошечную, но свою армию — видеть нетрудно. Что же до отношений Союза к немецким владениям австрийского императора, то проект предлагал определить их впоследствии, по собрании парламента.

Вместе с тем Бисмарк говорит, что так как предложение 9 апреля не имело успеха и настоящее положение переговоров не оставляет даже надежды на то, чтобы оно получило решение, то обстоятельство это побуждает Пруссию обратиться с последним предложением прямо к своим союзникам и просить их решить раз навсегда: расположены ли они, в случае, если война разрушит нынешние союзные отношения, заключить союз с Пруссией на высказанных основаниях.

Роковой для Германии день 14 июня наконец наступил: будет ли принято или нет предложение Австрии? Прусский посланник протестовал против всякого делопроизводства по этому предмету, ибо по форме и содержанию австрийское предложение противоречило всем условиям Союза. Пустили дело на голоса: большинство оказалось в пользу Австрии.

Тогда Савиньи объявил, что он обязан предъявить сейму решение Пруссии: предложение Австрии противоречит устройству Союза и должно быть принято *за прекращение его*. Права Союза против членов простираются не далее экзекуции, для которой предписаны свои формы, пренебрежен-

ные в австрийском предложении. Притом же и поведение Австрии в Голштинии ни в каком случае не может считаться состоящим под покровительством союзных трактатов.

По мнению Пруссии, сейму следовало вернуть предложение Австрии как неправомерное, но:

«так как это не было сделано,

так как Австрия в течение трех месяцев вооружается и возбуждает к тому же и остальных членов Союза,

так как вследствие всего этого о значении § 2 союзного акта, поставляющего целью внутреннюю и внешнюю безопасность Союза, не может быть и речи,

так как в основании всех действий Австрии лежат тайные соглашения с прочими членами Союза,

то *Пруссии остается признать уничтожение Союза за совершившийся факт*.

Такого оборота дела австрийские дипломаты, по всей вероятности, не ожидали: восстановление Союза против Пруссии разрешилось уничтожением Союза. Но это значило как бы идти против общего отечества. Бисмарк слишком был опытен в дипломатической борьбе, чтобы дать противникам этот шанс. Объявление свое об уничтожении Союза Савиньи закончил следующим образом:

«Тем не менее, Пруссия не только далека от мысли считать разрушенными национальные основы, на которых зиждется Союз, а, напротив, намерения ее заключаются именно в том, чтобы придерживаться их и единства немецкой нации, стоящего выше всех преходящих форм, и объявляет, что она готова, на основании проекта реформы от 10 июня, заключить новый союз с теми из немецких правительств, которые будут к тому расположены».

В заключение прусский посланник, заявив о неприкоснovenности прав Пруссии на собственность ее в Союзе и на распоряжения союзными суммами без согласия Пруссии, оставил собрание.

Дипломатическая кампания этим закончилась: от слов пришло время перейти к делу. Должно отдать справедливость Бисмарку: ходы были рассчитаны так искусно, что ни одна дипломатическая уловка Австрии и ее приверженцев не застала его врасплох. Пользуясь слабыми сторонами Союза, он вел его от одного нерасчетливого шага к другому, показал все его бессилие, которое вполне оправдывало последний удар его существованию.

II

СИЛЫ ПРОТИВНИКОВ

Перед войной прусское королевство имело 5094 кв. миль и 18 500 000 населения. Ежегодные доходы его простирались до 144 000 000 талеров; расходы обыкновенно не превышали доходов. Государственный долг, по сведениям 1864 г., не превышал 280 000 000 талеров; запасный капитал простирался до 80 000 000. На содержание армии шло 39 300 000 талеров; на флот — 2 300 000 талеров.

Нынешняя прусская военная организация, получившая радикальное улучшение в 1860 г., зиждется на принципах, возникших еще после погрома 1806 г. Обязательство содержать не более 40 000 войск, импозированное Пруссией Наполеоном по тильзитскому миру, поставило тогдашних ее государственных людей в необходимость сообразить систему комплектования так, чтобы, при столь малой постоянной

армии, иметь в массе населения возможно больший запас людей, подготовленных к военной службе. Задачу эту можно было разрешить только при том условии, чтобы, сделав сроки службы возможно менее продолжительными, проводить через постоянную армию всю молодежь населения. При такой системе организаций, постоянные войска являются более кадром учителей для образования армии, нежели действующей вооруженной силой.

Подобная организация представляла и другую слабую сторону: постоянная армия обращалась, по самому роду своих обязанностей, в сословие школьных педантов, в котором мало могло быть военного духа. Это явление было неизбежно с вдоворением продолжительного мира, вследствие которого люди, выдавшие войну и обучавшие молодежь военному делу под влиянием боевых впечатлений, заменились мало-помалу мирными личностями, которые, естественно, стали налегать в обучении не на то, как бить врага, а на выправку, ловкое исполнение приемов и стройность движения. Положим, что это вещи также необходимые, но они не только не исключительные, но даже и не главные в военном ремесле.

Последствия всего этого понятны: молодой человек, едва поступив на службу, более расположенный был мечтать о том, скоро ли он из нее выйдет, нежели о том, чтобы изучить ее основательно; члены кадра должны были дойти до взгляда на мелочи военного быта и службы как на важнейший отдел этой службы; наконец, люди, отслужившие свой термин в действующей армии, расположены были думать, что они уже исполнили свой долг, и относиться, конечно, с неудовольствием к тем случаям, вследствие которых им снова приходилось возвращаться на службу.

Прусские государственные деятели, и во главе их сам король, ясно сознавали эти недостатки организации армии, вполне обнаруженные мобилизацией 1851, 1854 и 1859 гг.. Опыт показал при этом, что ландверы были очень тяжелы на подъем: неохотно расставались они с домашним очагом. Король, проникнутый идею высокого назначения, которое по праву принадлежало Пруссии в германском мире, не мог не быть озабочен тем, чтобы привести ее вооруженные силы в положение, соответствующее этому назначению, и достиг своей цели в 1860 г., несмотря на оппозицию буржуазно-либеральной палаты депутатов.

До 1860 г. срок службы в действующих войсках определен был в 12 лет, а именно: 3 г. в постоянной армии, 2 г. в резерве, 7 лет в ландвере 1-го призыва. Армия была организована так, что в каждой дивизии были одна действующая и одна ландверная бригады. Преобразование 1860 г. заключалось в том, что действующая армия увеличена на 117 батальонов, 72 эскадрона, 31 артиллерийскую, 18 инженерных рот и на 9 обозных батальонов; ландвер же отделили от действующей армии, дав ему на значение ее резерва. Вместе с тем изменины и сроки службы: всякий пруссак теперь должен прослужить, начиная с 20-летнего возраста, 3 г. в действующих войсках, 4 в резерве, 4 в ландвере 1-го призыва и 5 лет в ландвере 2-го призыва.

Итак, срок службы во всех разрядах армии, которые могут быть обязаны подвижной службой в случае войны, увеличен на четыре г., и численность постоянной армии, в особенности пехоты, доведена до той цифры, которая прежде определена была для действующих войск и для ландверных 1-го зова, вместе взятых. Благодаря этой реформе, армия выиграла не

только в численности, но и в боевой годности, ибо кадры всех частей, которые в Пруссии признано за необходимое иметь в военное время, существуют и в мирное, так что, в случае мобилизации, остается только пополнить число рядов резервистами.

Прусская армия комплектуется по корпусам, что, впрочем, никакого не ведет к развитию в войсках вредного провинциализма.

Перед открытием кампании прусская армия имела следующий состав:

Пехота: 9 гвардейских полков и 2 стрелковых батальона, 12 гренадерских, 8 фузилерных, 52 пехотных полка и 8 стрелковых батальонов; всего 81 полк или 243 батальона и 10 стрелковых батальонов.

Пруссия удержала традиционное разделение пехоты на гренадеров, фузилеров и мушкетеров; это разнообразие наименований поддерживается подбором людей и тем, что фузилеры (равно как и стрелки) имеют ружья несколько короче, нежели другие роды пехоты; притом стрелки со штыками обоюдоострыми.

Вся пехота в 1858 г. была вооружена игольчатыми ружьями. Отличительное свойство их — чрезвычайная быстрота заряжания, а следовательно, и возможность сделать в данный промежуток времени большое число выстрелов. Но этой возможностью пруссаки пользуются, строго придерживаясь суворовского принципа: «стrelять редко, да метко». В меткости и дальности прусские ружья значительно уступают существующим в Европе системам, которые заряжаются с дула, что, впрочем, происходит не от заряжания с казны, а

составляет невыгодную принадлежность прусской системы¹. Каждый солдат снабжен 60 патронами; кроме того носит в ранце 30 гильз с готовым ударным приспособлением, дабы можно было, в случае надобности, делать патроны в войсках, раздав им порох и пули. Полки трехбатальонного состава. В полках гвардейских, grenadierских и линейных третьи батальоны фузилерные. Они составляют нечто среднее между стрелками и линейной пехотой в том смысле, что формируются в каждом полку из людей более поворотливых и здоровых и употребляются для исполнения назначений легкой пехоты. Так, например, их преимущественно перед другими войсками посылают в авангард и на такие места, где требуется действие врасыпную.

Стрелковые же батальоны собственно имеют если не исключительной, то предпочтительной специальностью дальнюю и меткую стрельбу. Стрелки раскомандировываются большей частью поротно, так что организация их в батальоны обусловливается не тактическими соображениями, а чисто потребностями хозяйства и управления. Будучи предназначены почти исключительно для такой односторонней специальности, как стрельба, они входят в состав корпусов в самой незначительной соразмерности — одного батальона из 29. Батальоны все четырехротного состава. В военное время для каждого полка положено формировать один запасный батальон, а для стрелкового батальона — роту.

В батальоне по штату военного времени полагается 1025 человек, в том числе 22 офицера. Всего в 253 батальонах действующих, по штату, 260 000, в 83½ резервных 85 000.

¹ Далее 800 шагов действительность прусского ружья ничтожна.

Пехота строится в три шеренги, за исключением стрелков, которые строятся в две. Впрочем, и в пехоте трехшереножный строй удержался по форме более, нежели по духу, ибо третья шеренга составляет, как в нашем прежнем уставе, двухшереножные застрельщицы взводы, и так как они в бою почти всегда остаются сформированными, дабы быть в готовности к действию, то выходит, что пруссаки, оставаясь, так сказать, официально при трехшереножном строю, фактически перешли к двухшереножному. Правда, это представляет неудобство в том отношении, что усложняет устав; но пруссаки чрезвычайно осторожны в своих нововведениях.

В пехоте все ротные командиры верхом, что в высшей степени рационально: и потому, что ко времени получения батальона офицер приучается быть на коне более или менее хозяином, и потому еще, что в походе он менее утомляется и, следовательно, по приходе на ночлег или бивуак будет иметь более расположения и возможности лишний раз наведаться в роту. В бою все пехотные верховые чины батальона спешиваются.

Кавалерия: гвардейской тяжелой кавалерии 2 полка, драгун — 2, гусар — 1, улан — 3; армейских: кирасирских — 8, драгунских — 8, гусарских — 12, уланских — 12. Итого 48 полков.

Все полки 4-эскадронного состава, за исключением 4 уланских и 4 гусарских, которые имеют по 5 эскадронов. Эскадрон, по военному положению, состоит из 5 офицеров и 155 нижних чинов; кроме того, на каждый полк формируется один запасный эскадрон, в 200 нижних чинов в тяжелой и 250 в линейной кавалерии.

Итого в действующей кавалерии по штатам военного времени полагается 32 000 рядовых, в резервах 10 750.

Артиллерия по числу корпусов организована в одну гвардейскую и восемь армейских бригад, каждая из двух артиллерийских полков — полевого и крепостного. Полевой полк состоит из одного конного и трех пеших отделений, каждое в четыре батареи орудийного состава. Ко времени последней войны пруссаки не успели всех медных орудий прежнего образца заменить стальными нарезными, вследствие чего артиллерия каждого корпуса состояла из шести батарей 4-фунтовых нарезных, четырех батарей 6-фунтовых нарезных и шести 12-фунтовых гладких. Следовательно, на 96 орудий корпусной артиллерии 60 было нарезных и 36 гладких; из них 72 пеших и 24 конных; последние все гладкие.

При приведении артиллерии на военное положение каждый полк формирует одно запасное отделение, в котором представлены все роды и калибры артиллерии; именно оно состоит из одной 12-фунтовой пешей, 12-фунтовой конной, 6-фунтовой нарезной и 4-фунтовой нарезной батарей 4-орудийного состава. Это отделение остается в месте расположения полка в мирное время, подчиняется командиру крепостного полка и занимается подготовкою рекрут.

Инженерные войска. Саперные батальоны состоят из одной роты pontонеров, двух рот саперов и одной минеров. В каждой роте полагается по военному положению 150 человек, со включением унтер-офицеров. Каждая рота носит 80 заступов, 30 кирок, 20 больших и 15 малых топоров; последние носят унтер-офицеры.

Для больших работ при каждой роте полагается инструмент, перевозимый на двух повозках, запрягаемых каждая четырьмя лошадьми. В одной из них перевозятся: столярный, плотничный и слесарный инструменты, а также инстру-

менты для промеров; в другой, кроме перечисленных родов инструмента, еще тот, который соответствует специальности роты.

В роте минеров имеется, сверх того, одна двухколесная телега для перевозки пороха и других, собственно минных, принадлежностей.

Тяжелый понтонный обоз полагается состоящим при 1-й роте. В нем считается 40 повозок с запряжкою в шесть лошадей и одна двухколесная для возки офицерских и запасных вещей.

Из числа этих повозок, на 32 перевозятся: понтоны, переводины, настилка, якоря и все то, что потребно для наводки моста от понтона до понтона; на двух перевозится все потребное для соединения моста с берегами; две повозки полагаются под кузницу; две для возки угля и железа; две для канатов, запасных колес и проч. Средства одного тяжелого понтонного парка достаточны для наводки моста длиною в 450 рейнских футов или $66\frac{2}{7}$ сажени.

При 2-й роте состоит легкий понтонный парк, из 12 повозок: в шести перевозятся козлы Бираго и все потребное для настилки между двумя соседними козлами; в четырех — по одному полупонтону Бираго, с принадлежащей к ним настилкой; в двух — различные запасные части для козел и запасный лес. Средствами одного легкого понтонного парка можно навести мост в 180 рейнских футов ($23\frac{4}{7}$ сажени) длиною.

Наводку этого последнего моста должны знать не только понтонная, но и обе саперные роты.

При 3-й роте состоит инструментальный обоз из шести фур, в четыре лошади, в которых перевозится инструмент

для больших фортификационных возведений. Так, например, в нем полагается иметь 2060 заступов, 800 кирок, 200 топоров и проч.

Обоз в Пруссии не составляет нераздельной принадлежности войск в мирное время, а придается им по мере надобности. Преимущества этой организации заключаются в том, что, во-первых, нестроевой состав лишен возможности разрастаться на счет строевого, что имеет иногда самое неблагоприятное влияние на число рядов; во-вторых, при центральных мастерских становится возможною экономия рук и труда, и, в-третьих, наконец, производство допускает участие различных механических приспособлений, например, машин, что немыслимо при существовании мастерских в каждом полку.

Обозные батальоны составляют особую организацию; в них поступают рекруты, не представляющие требуемых условий для службы в строю; они остаются в мирное время на службе в батальоне не более шести месяцев, в продолжение которых их обучают езде, уходу за лошадьми и повозками; затем они отпускаются по домам, а на место их поступают новые. По военному положению, каждый обозный батальон состоит из 1229 человек, при 1566 лошадях.

Обоз — одна из самых тяжелых гирь на ногах армии. В Пруссии сделано все, чтобы его уменьшить; несмотря на это, он все еще страшно велик. Конструкция повозок соображена весьма удобно; в провиантском обозе отказались даже от строгого однообразия, определив только вместимость повозок и предоставив строить их сообразно с местными привычками и удобствами провинции, в которой известный корпус комплектуется. Так, например, в корпусах V (Познань) и

I (Восточная Пруссия) принятые плетеные кузова, на манер фурманок, которые в большом ходу и у нас в западном крае.

Одно из действительнейших средств к сокращению обозов представляет, конечно, неослабное наблюдение за тем, чтобы офицерский обоз не разрастался слишком сильно; но опыт показал, что это неослабное наблюдение в деле личного интереса — вещь почти невозможная, и потому прусские военные власти не задаются такой задачей, а решают ее проще, взяв на себя перевозку офицерского имущества. От этого выиграли и офицерство, и армия: первое в том, что имеет одной заботой меньше, а вторая в том, что офицерский багаж подчинен по весу и объему строго определенной норме, из которой при казенной перевозке выйти, конечно, нет возможности. Удобство от этого получилось громадное: весь офицерский обоз батальона нового образца состоит только из пяти двухколесных повозок, возимых каждая двумя лошадьми. В каждой из повозок помещается имущество офицеров роты и, кроме того, 10 пар солдатского платья и 30 пар обуви. Норма тяжести полагается весьма ограниченная; но ведь известно, что человек существование крайне покладистое и довольствующееся малым, если поставлен в невозможность давать простор своим прихотям. Впрочем, есть еще части, в которых сохранился обоз старой конструкции, по одной четырехколесной фуре на офицеров батальона: у пруссаков дослуживает свой век все, что может служить, но дослуживает, конечно, там, где это может быть допущено без ущерба удобству, именно в мушкетерских и grenaderских батальонах, на роты которых весьма редко приходится возлагать отдельные назначения.

Первый чин, имеющий право на отдельную казенную повозку, есть полковой командир; но и он обязан возить вещи

чинов полкового штаба. О распределении казенного обоза будет сказано ниже.

Материальная часть обоза во время кампании находилась в отличном состоянии: лошади здоровые, в теле; упряжь из свежей, надежной кожи; повозки в полной исправности.

Ландвер первого призыва представляет силу: 1) в 116 батальонов, организованных в трехбатальонные полки (исключая двух отдельных батальонов) — 118 900, 2) в 48 эскадронов (12 полков) — 7000 коней.

Пехотный ландвер не входил в состав действующей боемской армии, но кавалерийский служил наравне с кавалерийскими действующими полками.

Ландвер второго призыва состоит также из 116 батальонов, в 800 человек, что дает силу в 92 000; кроме того, в случае надобности, на каждый батальон может быть сформировано по эскадрону в 100 коней.

Подобная организация мыслима только при одном условии — при самом точном ведении списков как людям, обязанным поступать в ряды, так и тем, которые должны поставить лошадей по реквизиции. И эти списки ведутся исправно.

Из этого очерка видно, что в Пруссии сумели сочетать две, по-видимому, несовместимые вещи: высокую цивилизацию и военную систему, свойственную только низшим степеням цивилизации, при которой не только человек, но и имущество его, для военных целей пригодное, употребляется, в потребную минуту, для формирования вооруженной силы. Осуществление этой системы в народе цивилизованном возможно было именно только при самой строгой законности и при изумительном единодушии всех органов высшей администрации. В этом последнем смысле Пруссия представляет

явление исключительное: в ней различный ведомства поставлены друг к другу в такие отношения, которые во всяком другом месте повели бы к нескончаемым контрам и пререканиям. А там это сливается как бы в дружный стройный хор, направленный к преуспеванию общего отечественного дела.

Для примера укажу на организацию военного министерства: управление вооруженными силами представляет в Пруссии три совершенно независимые друг от друга отрасли: собственно *военное министерство*, заведующее хозяйством, комплектованием, одним словом — всем касающимся до материального благосостояния войск, в обширном значении этого слова; *кабинет короля*, заведующий производством в чины, наградами, переводом офицеров и т.п.; наконец, часть *генерального штаба* — передвижение войск, их образование, исторический и статистический отдел, и т.п.

Начальники помянутых частей независимы друг от друга, каждый из них имеет особый доклад у короля; а между тем ни о каких столкновениях слышно не было. Рядом с этим, между военным ведомством и администрацией железных дорог существует самая тесная связь; но из этого опять не выходило никаких недоумений.

ЗАМЕЧАНИЯ О ДУХЕ АРМИИ И О ХАРАКТЕРЕ ЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Чувство долга и исполнительность в служебных обязанностях, до последних мелочей, составляют отличительные черты прусской армии, от самых низших до самых высших степеней военной иерархии. С первого взгляда кажется, что эта исполнительность доходит до мелочного и ненужного

педантизма; но стоит несколько ближе взглянуться в отправления воинского организма, и тогда обнаружится, что это педантизм не безжизненный, что он у пруссаков дела не душит.

В солдатах прусской армии нет живости, отличающей француза, не столько, может быть, личной находчивости, порыва, способности к увлечению; но внутреннего порядка и упорства, стойкости даже и в тяжелых положениях, пожалуй, будет больше.

Первое, что поражает в прусской армии, это единство взглядов офицеров на все вопросы, касающиеся воинской нравственности. Что вам скажет один насчет данного вопроса дисциплины или известной служебной обязанности, то повторят десятки офицеров чуть не в тех же самых словах. Едва ли можно подметить в прусской армии прискорбное явление, которое иногда встречается в других армиях, что офицер, добровольно оставаясь на службе, в то же время как будто тяготится ею. О различии взглядов вследствие различия национальностей нет и речи, несмотря на попытки католических проповедников произвести его¹. Всякий офицер, из какой бы провинции он ни происходил, есть прежде всего офицер, для которого, пока он остается на службе, воинский долг стоит выше национальных или каких бы то ни было воззрений. В прусской армии не встречается также господ, которые полагают, что должны служить только на число получаемых талеров, предоставляя, конечно, себе право определять то количество работы, которое они могут дать за это число

¹ Так, уже к концу войны узнали, что некоторые из них убеждали солдат-католиков не стрелять в единоверных австрийцев и подавали другие советы в том же роде.

талеров. Всякий понимает очень хорошо, что есть вещи, которые не подлежат оценке на талеры, или если и подлежат, то в вербовочных, а не в национальных армиях.

В эпоху 1848 г. в прусской армии начали появляться офицеры и солдаты, которые, нося военный мундир, в то же время относились с презрением к военному сословию; но тогдашний начальник кабинета короля, генерал Мантейфель, вовремя подметил эту заразу и пресек ее в начале. С тех пор о подобных явлениях в прусской армии нет и помина. Если и бывают исключения, то они крайне редки, да и не существуют продолжительно, благодаря офицерским судам, которые вошли в нравы и способствуют поддержанию единства взглядов и убеждений в офицерских обществах.

Немало способствует этому и порядок производства в первый офицерский чин. Могущий претендовать на производство по образованию и по общественному положению своего семейства заявляет желание конкурировать на производство по поступлении в часть. Если по собранным справкам окажется, что он представляет достаточные ручательства на то, чтобы быть порядочным офицером, его помещают отдельно от солдат и дают возможность приготовиться к экзамену. По выдержании экзамена, офицеры решают вопрос: можно ли претендента принять в их общество? В случае утвердительного решения и если вакансии есть, его представляют к производству.

Прусский офицер, как я уже сказал, исполняет мелочную формалистику службы без малейшего отступления; но в то же время он не упускает из вида и существенных обязанностей: следовательно, обряд не убивает дела, по той простой причине, что этот обряд в Пруссии у себя дома, что он

есть произведение прусского национального духа. Здесь разгадка того, на первый взгляд, странного явления, что в Пруссии педантизм никого не возмущает, что он не поглощает там всего человека до такой степени, что за обрядом совершенно забывается дело. Рассматриваемый с этой стороны, прусский формализм является не чем-то напускным, взятым извне, а просто формой проявления закона в национальном костюме, если можно так выражаться. Всякий пруссак в душе педант, но педант последовательный, педант относительно не только других, но и себя, не только в том, что ему приятно, но и в том, что его лично стесняет.

В Пруссии и кондуктор железной дороги педант — то же знание дела, та же исполнительность и те же угловатые отрывочные приемы; и интендантовский чиновник педант, ибо он... не пользуется; и властный человек тоже педант, ибо, раз получив убеждение о вреде произвола, он не дает разгуляться и своему произволу в таких даже случаях, в каких француз, например, считал бы его совершенно естественным и даже необходимым.

Для примера приведу случай с генералом Б. Генерал Б. — человек весьма способный, особенно на моментальные вдохновения во время боя: качество громадное — найтись что делать, когда большинство теряет голову; но вместе с тем он человек впечатлительный, экспансивный, не отличающийся сдержанностью. Из Мериш-Трюбау он написал жене письмо такого содержания, что он-мол жизненный принцип и этой войны, как был и в шлезвиг-гольштейнскую, что Мольтке человек гениальный, но непрактический и не имеет понятия о подробностях направления больших сил на театре войны; что у кронпринца прекрасный симпатичный характер — совсем не то, что у прин-

ца Фридриха-Карла, и прочее в том же роде. Австрийцы перехватили письмо и напечатали со своими комментариями. Ну, разумеется, скандал. Последствия этого скандала, случись он в другой армии, для генерала Б. понятны. Посмотрим, как отнеслись к нему в Пруссии. Генерал Мольтке решил, что письмо это — частное; частная корреспонденция — дело неприкосненное, и что если австрийцы сделали нескромность, напечатав упомянутое письмо, то он не последует их примеру и не станет читать его. Тем и кончилось. Б. остался на своем посту до конца кампании и получил гогенцоллернскую звезду, которую прусский король дает чрезвычайно редко. В рассказанном случае генерал Мольтке поступил, как видите, тоже педантически: приняв известный принцип за истину, он не допустил от него даже такого отступления, которое большинство людей оправдало бы всеми возможными благовидными предлогами, начиная с дисциплинарного.

Еще пример:

Генерал Штейнмец имел прекрасную привычку пропускать мимо себя корпус на каждом переходе. Проходили мимо него, кто с цветком за гербом, кто в петлице, некоторые офицеры в пледах — на это внимания не обращалось; но заметит расстегнутый погон — сделает замечание, и довольно внушительное. Это педантизм не безжизненный: почему не позволить солдату или офицеру отступления от формы в том, что его веселит или происходит по необходимости? Но в то же время нельзя и не должно оставлять незамеченными таких отступлений, которые обнаруживают только небрежность. Другие в свободном отношении к формальной стороне дела пошли дальше. Так, в корпусах 1-й армии, вместо касок, ходили в фуражках, а каски носили на тесаке. Принц

Фридрих-Карл есть представитель новой школы генералов прусской армии: он оказал ей громадные услуги в смысле освобождения от стеснительных мелочей и распространения рациональных боевых взглядов.

Этот педантизм, который, после сказанного, я позволю себе назвать уже *добросовестным отношением к закону, отлившемуся в форму, сообразную с национальными особенностями*, отражается на всем: и на довольствии солдата, и на производстве офицера, и на отношениях всех степеней военной иерархии между собою.

Производство в прусской армии крайне тугое; производства за отличие нет; в полковники попадают, средним счетом, через 32 года службы. А между тем все довольны своим положением, находя, что иначе и быть не может. Дело объясняется совершенно просто: *в прусской армии из показанной 32-летней нормы исключений почти не бывает*. Для достижения этого уравнивают переводами из одной части в другую число чинов, вакансии которых слишком скоро почему-либо очистились. При этом соблюдается еще, что вакансия, очистившаяся за смертью, составляет в большей части случаев принадлежность полка, но очистившаяся вследствие какой-либо истории — непременно замещается переводом, по распоряжению кабинета короля. Последняя мера заслуживает особенного внимания и потому, что составляет как бы наказание тому обществу офицеров, которое не имело над своим членом настолько нравственного авторитета, чтобы не допустить его до проступка, и потому еще, что делает невозможным пополнование на очистку вакансий путем интриги.

Привычка к соблюдению строгой справедливости, основанной на законе, не только в производстве, но даже в назна-

чениях, укоренилась до такой степени, что даже и то возбуждает говор, если, например, кто-нибудь получит бригаду, не прокомандовав полком. Через роту же, батальон (или эскадрон) всякий должен пройти; даже офицеры генерального штаба не составляют исключения в этом отношении: они, попеременно, исполняют службу то в генеральном штабе, то, получив соответствующий чин, назначаются командовать ротой, батальоном, полком и частями, более крупными.

Отношения офицеров различных рангов между собою поражают тоном братства вне службы и глубоким сознанием подчиненности на службе. Штаб генерала Штейнмеца всегда обедал вместе с ним: в разговоре все чины штаба принимали одинаковое и совершенно свободное участие; но стоило кому-нибудь из присутствующих начальников обратиться со служебным приказанием к офицеру, который сидел рядом и за минуту перед тем иногда и спорил с этим начальником — собеседник исчезал и являлся подчиненный.

Черту, не менее заслуживающую внимания и свойственную, впрочем, не одним офицерам, но всем вообще пруссакам, составляет умеренность вкусов: она составляет весьма важное подспорье хорошему нравственному состоянию войска, ибо всякий доволен тем, что получает, а доволен потому, что получаемого достает на жизнь.

Манера обращения прусского офицера с не носящими военного мундира и с солдатами несимпатична, ибо запечатлена значительной долей высокомерия. С обыкновенными смертными прусский офицер говорит странно: какая-то отрывочная, командная речь из отдельных слов, произносимых скороговоркою и резким тоном. Нисколько не оправдывая этой черты, все же позволяю себе представить в извинение

ее одно облегчающее обстоятельство: именно то, что члены всякого общества, отличающегося единством духа, неизбежно имеют свои резкие, иногда неприятные даже, особенности. Должно, впрочем, заметить, что и эта особенность составляет преимущественную принадлежность пехотных и кавалерийских офицеров, и притом прусского происхождения. У артиллеристов и инженеров, равно у офицеров не чисто прусского происхождения, сказанная резкость замечается в степени несравненно меньшей.

В сношениях с солдатом офицер резок, даже груб; случалось замечать иногда и ручную расправу, хотя весьма редко.

Другая характеристическая черта отношений к солдату — это нескончаемые поучения: на всякой перекличке читается длинная наставительная речь. Это опять национальный прием, которой в прусской армии дает прекрасные результаты, ибо знакомит с делом молодого солдата и никого не тяготит, потому что это свое, родное. Немец не может говорить не длинно, без всех возможных «потому что» и «если»; понятно, что он должен оставаться таким и в военной службе. В применении к нам это бы вышло пиленье; а там очень хорошо. Не хочу этим сказать, чтобы можно было обходиться без поучений и толкований у нас, но утверждаю только, что они должны выливаться у нас в более резкую и по возможности краткую форму, в роде суворовских поучений.

ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

В прусской армии, в основание организации которой положено условие краткости сроков службы, письменные инструкции должны быть по необходимости полны и обстоя-

тельны, и по качеству поступающих рекрут, которые почти все умеют читать, это не может, конечно, никого особенно затруднить. Краткостью же сроков службы объясняется необходимость совершенно точных и определительных требований при обучении.

Приучение рекрут к дисциплине не представляет обыкновенно никакого затруднения, как по отсутствию живости в их характере, так и потому, что и всем складом жизни вне войска они подготовляются к уважению военных постановлений самым действительным образом.

Переходя к вопросу образования собственно, укажу: 1) на образование офицеров; 2) на образование нижних чинов по стрельбе, работе штыком, применению к местности и по строю. Долгом считаю заметить, что по краткости времени, проведенного мною в Пруссии, я не мог видеть на деле хода солдатского образования, и потому представляю относительно духа его только то, что удалось почерпнуть из расспросов.

То единство воззрений в офицерском сословии, на которое я уже указал выше, содействует наилучшим образом и к поддержанию в нем стремления к образованию по своей специальности. В прусской армии нет офицеров, которые не имели бы довольно основательных представлений о теории военного дела и которые не разбирали бы карты: нет потому, что и неслужебные разговоры зачастую касаются военных предметов, и оказавшиеся в подобных случаях слабыми не могут рассчитывать на снисхождение товарищей. При таких условиях, то, что было усвоено перед производством, не улетучивается, а, напротив, поддерживается и развивается. Человек — существо, в высшей степени зависящее от обстановки; людей, занимающихся делом по призванию, очень

мало; гораздо больше таких, которые занимаются им из личного интереса, понимаемого, конечно, не в тесном, денежном смысле. Организация прусских офицерских обществ тем именно и хороша, что создает человеку ту обстановку, благодаря которой он поставлен в необходимость заниматься: знания и добросовестное отношение к службе там более поднимают офицера в общем мнении, нежели другие качества, хотя и блестящие, но к военной специальности не имеющие никакого отношения. Это распространение теоретическим путем понятий о военном деле приносит весьма важный результат в том смысле, что педантически строгие требования в исполнении строевого устава в мирное время не производят того подавляющего влияния на деятельность мысли, каким подобные требования сопровождаются, когда офицерство кроме устава ничего не знает.

Это объясняется очень просто: человек, тактически знакомый с учебными формами строя, уже вследствие одного этого будет к ним относиться свободнее, ибо тактика ему подскажет, что в бою они не могут быть применены в своем мирном виде и что там не спасет от поражения никакая колонна в атаке или каре, если человек не делает усилий личного соображения и личной энергии, чтобы сломить врага.

В доказательство того, что это не одно только мое предположение, приведу факты: генерал Штейнмец принимает в своем корпусе двухротный строй, находя, что ротная колonna слишком слаба сама по себе и что к двухротному строю легко применить батальонный устав, приняв полувзводы за взводы. В других корпусах предпочитают ротные колонны в две линии, имея задние две роты вместе. Принц Фридрих-Карл в своей инструкции, написанной перед войною, сове-

тует для встречи кавалерийских атак двух или четырехшереножный строй; генерал Штейнмец держится того убеждения, что каре для той же цели лучше, и никому не приходит в голову приводить эти взгляды к единству, устанавливать для них какую-либо норму. Следовательно, в Пруссии понимают очень хорошо, что дело в том, чтобы цель была достигнута, а не в том, чтобы она достигалась именно в тех формах, которые составителю устава казались лучшими. Эту свободу отношения к форме, несмотря на педантическое отношение к ней в мирное время, и понимание того, что не она составляет самое важное в бою, я не могу себе объяснить ничем иным, кроме распространения в массе офицеров здравых тактических понятий.

Офицеры специальных родов оружия отличаются, конечно, высшей степенью образования; но и у них дело заключается не столько в массе сведений или в глубине учености, сколько в способности применять сведения к делу службы. Особенно я мог это заметить в офицерах генерального штаба. Они совершенно свободны от немецкой страсти к систематизации, а следовательно, к теоретической односторонности воззрений на военное дело вообще. Артиллеристы также чрезвычайно просто относятся к своей специальности.

Кампания не доставила случая судить о боевой практичности инженеров; но организация саперных батальонов, со всеми к ним принадлежащими обозами, отличается той практической законченностью и обдуманностью, которой не находим обыкновенно там, где в специальном роде оружия преобладает теоретическое направление.

Практичность офицеров генерального штаба проявлялась во всем: и в учреждении марша, и в редакции диспозиций, и в

суждениях о кампании, которые приводилось слышать. Причины этому коренятся в манере ведения прусского генерального штаба, заслуга установления которой преимущественно принадлежит генералу Мольтке. Выше я уже сказал, что там офицер генерального штаба поставлен в невозможность заключиться в чисто канцелярскую, или ученую, или, наконец, ученно-строевую специальность, ибо, сообразно прохождению чинов, должен последовательно прокомандовать ротой, батальоном и т.д. Независимо от того, в мирное время им дают назначения, приводящие их беспрерывно в столкновения как с военной, так и с другими специальностями с практической стороны. Так, ни одна из последних войн не проходила без того, чтобы не было в ней прусских агентов: они были, в числе нескольких офицеров, в итальянскую кампанию 1859 г., были в мексиканскую и в северо-американские войны. Соглашение с администрацией железных дорог по перевозке войск возлагается также на офицеров генерального штаба.

Школа, в которой сильно влияние Клаузевица, служит для них немалой подготовкой к тому, чтобы осторегаться какой бы то ни было односторонней теории.

Практичность корпуса артиллеристов обнаруживается и на принятии системы оружия, заряжаемого с казны; и на том, что орудия сделаны из литой стали, ибо у пруссаков это свой металл; и на том, что, не увлекаясь идеальным совершенством, они не только производили опыты, но и привели артиллерию к однообразию, весьма удовлетворительному для положения переходного; наконец, и на превосходно сопротивленной конструкции обоза.

ОБУЧЕНИЕ СТРЕЛЬБЕ

Пруссаки смотрят, и совершенно основательно, на меткую стрельбу издали как на искусство, доступное немногим, и потому посвящают ему только стрелковые батальоны собственно. В этих батальонах стрельбе обучают на возможные для игольчатого ружья расстояния со всей тщательностью. Но в линейной пехоте, хотя она и обучается действию в рассыпном строем, на огонь из этого строя смотрят как на придаточное, но далеко не первостепенное средство. В сомкнутом строем надеются более на залп, для которого заряжаемое с казны оружие, собственно, и хорошо. К стрельбе залпами дозволяется прибегать не далее, как за 200 или 300 шагов до неприятеля. На таком расстоянии можно, конечно, опасаться потери хладнокровия и беспорядочной стрельбы, к которой заряжаемое с казны оружие представляет такие удобства. На устранение этого пруссаками и было обращено особенное внимание с тех пор, как у них введены игольчатые ружья; при обучении стрельбе они заботились о том, чтобы совершенно отдать огонь в руки начальника, едва ли даже не более, чем о меткости. Давно уже известно, что всякое новое усовершенствование в военной технике не столько ведет к новостям в образе действия, сколько к тому, чтобы уяснить свойства уже давно известного, но дурно понятого. То же случилось и с оружием, заряжаемым с казны. Опасение слишком частой стрельбы невольно притянуло внимание к тому, чтобы не допускать ни в каком случае солдата до бесполковой трескотни, для которой быстро заряжаемое оружие дает все удобства. И пруссаки достигли этого, благодаря тому, что в большей части случаев ружье заряжается не заблаговременно, а перед самым выстрелом. Когда операция заряжания требовала около

$\frac{3}{4}$ минуты, этого сделать было нельзя, и, раз ружье заряжено, нельзя было, следовательно, рассчитывать, чтобы не нашелся в батальоне человек настолько нехладнокровный, чтобы выстрелить без команды, а за одним выстрелом последуют и сотни, и огонь обращается в ничто, да и прекратить его становится почти невозможным. Но раз ружье остается незаряженным до самого момента действия, такая случайность возможна гораздо менее, ибо осмелиться без команды зарядить и выстрелить гораздо труднее, чем только выстрелить. Таким образом, опасение слишком большой и пустой траты патронов при скорострельном оружии послужило, напротив, к тому, чтобы сберечь патроны: чтобы, одним словом, *стрелял редко, да метко*. Это было сказано давно, но в практику введено только теперь, и именно благодаря тому усовершенствованию оружия, которое, по-видимому, обещало сделать этот афоризм устарелым и несостоятельным. Вместе с тем скорострельное оружие показало всю иррациональность стрельбы рядами из сомкнутого строя. Опять не новость, а только более рациональное понимание духа сомкнутого строя, в котором ничто не должно быть исполняемо иначе, как по команде.

Правда, у пруссаков допускается и пальба рядами, но, во-первых, скорее как исключение, и, во-вторых, не все то хорошо, что принято у пруссаков.

Итак, пруссаки поняли, что частая стрельба мыслится только за минуту, много за две до свалки, и, как показало дело, добились мирным обучением того, что этот принцип, за весьма редкими исключениями, получал и в бою самое строгое применение.

В прусском обучении стрельбе обращает на себя внимание и другое обстоятельство: именно понимание того, что боевой

выстрел должен быть по возможности быстр, т.е. что прицеливание солдатское должно сделать более охотничим, и терять на него времени возможно менее. Достили они этой цели при помощи подвижных и так называемых выскакивающих мишеней. Мне кажется, что при помощи первого средства ускорение прицеливания достигается менее действительно, нежели при помощи учений с боевыми патронами. Но рациональность употребления выскакивающих мишеней в частях, в которых одиночная стрельба должна быть доведена до возможной степени совершенства, не подлежит никакому сомнению.

Обучение фехтованию запечатлено у пруссаков сильной дозой педантизма и перевесом оборонительного элемента над наступательным, и потому едва ли может представить многое поучительного.

Применение к местности преподается по известной методе Вальдерзее. В основание ее положены два совершенно рациональные начала: 1) рассыпному строю следует обучать исключительно на местности пересечённой, ибо обучение ему на ровной местности совершенно извращает верные о нем представления; 2) обучать следует одинаково и пассивному, и активному применению на местности, т.е. укрытию за препятствиями и ловкому их преодолению. Но осуществление этих начал является опять в национальном костюме, т.е. запечатлено излишней определительностью правил и приемов. Слова нет, если солдат молод и недолго остается на службе, то, может быть, эта точность и необходима; но едва ли не было бы лучше полагаться в этом на здравый смысл человека более, нежели на совершенство выучки. Успех последней кампании не служит еще этой системе оправданием, по той причине, что если подобная регламентация отдела, в

высшей степени прихотливого, и стеснила личную предприимчивость пруссака, то это не могло обнаружиться слишком вредно при столкновении с неприятелем, не имевшим никакой предприимчивости. Не должно забывать, что для успеха в борьбе требуется не полное отсутствие недостатков в армии, а только меньшее число их, чем у неприятеля.

Сколько могу судить, нехороша в этой системе и чрезмерная забота об укрытии, ибо она в отдельном человеке может пойти гораздо дальше, чем можно и должно во время боя, если на это укрытие слишком налегать в мирное время.

В способности переносить лишения прусская пехота показала себя превосходно в нравственном смысле: солдат был бодр и весел, не раскисал; но материально он не был к этому достаточно подготовлен, да и не мог быть, ибо, по прусской системе организации, войска не делают больших передвижений в мирное время; притом же солдат слишком молод.

Прусская кавалерия подготовлена преимущественно для сокнутого боя, но в одиночном едва ли ловка, что знают и сами пруссаки, хотя, конечно, прямо в этом не сознаются. В сторожевой службе она показала себя недурно, в боевой вполне удовлетворительно, в бережении лошадей тоже. Правда, потери в последних были довольно значительны, но это произошло отчасти от продолжительных маршей. Эскадроны в начале кампании имели по 17 рядов; к концу же в линейной кавалерии осталось по 14 и 13 рядов, а в легкой — 11¹. Лошади к концу кампании остались в хорошем теле, разумея, конечно, под телом не жир, а мускул и крепкое мясо.

¹ Впрочем, эти числа не дают верного заключения о потерях, ибо пруссаки комплектовались отчасти лошадьми, отнятыми у неприятеля и иногда забранными по реквизиции.

Прусская артиллерия стреляла метко, маневрировала хорошо; материальная ее часть в превосходном состоянии; но есть расположение придавать значение потере орудий слишком большое значение, и убеждение, что, при нынешней дальности и действительности, артиллерия может и не сопровождать другие роды оружия беспрерывно, а оставаться самостоятельно на задних позициях, содействуя оттуда пехоте и кавалерии.

Отдел образования, в наше время весьма важный — посадка на железные дороги — у пруссаков находился перед войною в блестательном состоянии: достаточно сказать, что батальон или эскадрон садится и выходит не более как в четверть и самое большее в полчаса. Для оценки этой быстроты по достоинству достаточно заметить, что для неумелой части, особенно кавалерийской, на эту операцию потребно не менее двух часов. Достигнуто было это тем, что и в мирное время передвижения войск делались не иначе, как в условиях военного времени: от железнодорожного ведомства требовали, чтобы перевозка была совершаема не в раздроб, а целыми строевыми частями; а от войск — чтобы садились и высаживались быстро.

ЗАБЛАГОВРЕМЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ

Пруссаки готовились к войне издавна и с той основательностью, которая их отличает во всем.

Второй великой мерой в деле заблаговременного приготовления к войне было преобразование армии и подготовка не только ее, но и всех сторон народной жизни к военным требованиям. В этом отношении заслуживает особенного внимания приведение в полный порядок списков как людям,

долженствующим поступить в армию в случае приведения ее на военное положение, так даже и лошадям, которые назначены были по реквизиции в ландверную кавалерию и обоз. Бесполезно говорить о громадности подобной работы: успех ее можно объяснить одним только — прусской пунктуальностью и настойчивостью и тем, что гражданские ведомства не только не мешали, а, напротив, всеми мерами содействовали этому делу. Специальные комиссии объезжали в каждом округе все местности для осмотра людей и лошадей и для распределения тех и других соответственно качествами. Эта работа была окончена не более, как за несколько месяцев до войны.

Другой, тоже весьма важной, мерой была подготовка железнодорожной администрации к возможно быстрой перевозке войск по железным дорогам. Остановлюсь на этом предмете несколько подробнее, ибо на него в наше время следует обратить особенное внимание.

В Пруссии с 1861 г. существуют: 1) инструкция о перевозке войск и тяжестей по железным дорогам, с приложением о перевозке больных и раненых; 2) правила для перевозки больших масс по железным дорогам.

В этих правилах, между прочим, определено, что перевозка войск должна быть исполняема без перемены вагонов в пути; что кондукторов и машинистов следует употреблять на тех линиях, на которых они служат и в мирное время. Число поездов в сутки определено от восьми до двенадцати.

На каждом поезде положено помещать: или батальон, или эскадрон, или шестиорудийную батарею, или две трети артиллерийской муниципальной колонны (22—23 повозки), что определяет состав поезда в 60—100 осей. Следовательно, на

ось приходится: около 16 человек, 3—4 лошади с прислугой (1 или 2 человека), $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ повозки. Скорость движения для военных поездов определяется от 3 до $3\frac{1}{2}$ миль в час; через каждые восемь или девять часов полагается остановка на час или на два часа, для снабжения людей пищей, лошадей фуражом. На пунктах остановок для войск должны быть устроены крытые помещения.

Все соображения по перевозке войск возложены на центральную комиссию в Берлине из трех штаб-офицеров генерального штаба и трех членов от министерства торговли, внутренних дел и от хозяйственного департамента военного министерства.

Один из офицеров генерального штаба и член от министерства торговли образуют исполнительную комиссию, которая в мирное время делает все нужные распоряжения для перевозки войск и имеет наблюдение за прусскими железными дорогами; в военное же наблюдает и за линиями, занятymi в неприятельской земле. В военное время может быть и несколько исполнительных комиссий.

Комиссии следят: чтобы перевозка производилась согласно положению; чтобы были приняты на соответствующих станциях меры для нагрузки и выгрузки поездов и для продовольствия войск; чтобы поезда составлены были должным образом и были готовы своевременно по диспозиции перевозки; чтобы между поездами сохранялись должные дистанции.

Для исполнения всего этого комиссии входят в соглашение с агентами управления линии и составляют распределение движения, которое, по утверждении центральной комиссией, сообщается всем, до кого относится.

Перед началом перевозки комиссия помещается на пункте, с которого отправляются более значительные массы войск.

На главных пунктах нагрузки и выгрузки и в местах, где войска снабжаются пищей, учреждаются этапные комиссии из одного штаб-офицера и одного обер-офицера.

Третьей мерой заблаговременной подготовки было собрание сведений о местности и средствах австрийских провинций, сопредельных Пруссии. Это сделано было весьма обстоятельно. Под предлогом путешествий все было осмотрено и замечено как нельзя лучше. Цель была достигнута тем действительнее, что пруссаки, не задаваясь обширными статистическими описаниями, отнеслись к делу спроста: свод донесений рекогносциров представляет у них только следующие данные: относительно жилых пунктов — население, число церквей, богатство или бедность, насколько последнее можно видеть, или разузнать, к какому племени принадлежит население, какого исповедания; относительно местности — качество дорог и состояние мостов, расстояние от пункта до пункта, выгодные позиции.

Некоторые скрытные меры, предшествовавшие непосредственно войне, заключались в собрании сведений о вооруженных силах неприятеля и в приготовлении карт.

Сведения о силах и расположении австрийцев достались пруссакам чрезвычайно легко, и притом в таком виде, в котором редко кто имеет подобные вещи перед началом войны. Полная дислокация австрийских сил, в половине июня нов. ст¹, с показанием штаб-квартир не только бригад, но даже от-

¹ Об этом было напечатано впоследствии в австрийских газетах.

дельных батальонов, эскадронов и саперных рот, досталась им совершенно даром.

Пруссаки не поскупились на планы театра войны: они распространяли их в армии в числе 2000 экземпляров, и имели полное основание это сделать, ибо нет лучшего провожатого, как хорошая карта, для того, кто умеет ее читать; а, как я уже сказал, в прусской армии едва ли найдется хоть один офицер, который не понимал бы топографической карты или плана.

Кроме штабных чинов, планы были разданы: командирам батальонов и выше в пехотных полках, командирам рот и батальонов в стрелковых и саперных батальонах, командирам эскадронов и выше в кавалерийских полках и, наконец, командирам батарей и выше в артиллерии.

Результатом было то, что войска во всю кампанию не нуждались в проводниках. И чему же прусская армия обязана подобной независимости от одной из самых неблагоприятных случайностей на войне, т.е. от блуждания? Опять-таки той же преданности и любви к своему делу офицеров! Не жаль раздавать планы тысячами, когда знаешь, что они принесут пользу.

Получили пруссаки столь огромное число экземпляров карты, почти топографической (в 1:144 000), с австрийского оригинала, весьма просто. Теперь открыт способ перевода гравированного оригинала, смоченного в известном составе, на литографический камень. С этого последнего можно уже получить сколько угодно оттисков обыкновенным литографическим способом. При этом оригинал не очень страдает относительно ясности: он только несколько рыжеет.

Достоинство такого способа относительно быстрого получения большого числа экземпляров неоцененно: доволь-

но сказать, что вся работа приготовления 2000 экземпляров была окончена приблизительно в шесть недель, и что большая часть этого времени ушла не на печатание, а на наклейку карт. К этому следует присовокупить, что некоторые листы были отпечатаны в Брюнне, т.е. уже во время кампании.

Вот некоторое факты подготовки пруссаков к войне. Не имею и в мысли претендовать на что-либо полное в этом отношении: что знаю, то и говорю. Но и сказанного достаточно, чтобы видеть, что со стороны пруссаков не было упущено ничего для обеспечения успеха.

ПРИВЕДЕНИЕ ВОЙСК НА ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ НА АРМИИ

Пруссия начала вооружения свои 15 (27) марта, т.е. в день появления приказа об укомплектовании до состава в 686 человек 5-й, 7-й, 9-й, 11-й и 12-й дивизий, расположенных во Франкфурте-на-Одере, в Магдебурге, Глогау, Бреславле и Нейссе, четырех гвардейских полков и 72-го пехотного полка, и об усилении состава людей и лошадей полевых артиллерийских полков корпусов гвардейского, III, IV и VI и одного отделения V корпуса. В то же время приступлено было к вооружению следующих крепостей: Виттенберга, Торгau, Глатца, Нейссе и Козеля, а несколько дней спустя Эрфурта и Глогау; одновременно с этим усилено было заготовление боевых запасов в Шпандау, Миндене и Кюстрине.

Почти месяц спустя, т.е. 12 (24) апреля, последовало распоряжение о приведении на военную ногу всей кавалерии и артиллерии, а равно и пехотных частей, находившихся в Силезии, Познани, Бранденбурге, Саксонии и рейнских провинциях, т.е.

VI, V, III, гвардейского, IV и VIII корпусов¹, о формировании в IV, V и VI корпусах ландверных батальонов, силой в 500 человек, и запасных батальонов и эскадронов, и о приведении на военное положение вышеупомянутых крепостей. Наконец, приказом 25 апреля (7 мая), вся остальная армия приведена была на военную ногу, а три дня спустя приступлено к формированию недостающих запасных частей и пехотных ландверных батальонов, равно как и незначительного числа ландверных эскадронов, число которых 5 (17) мая приказано было довести до 48. В этот же день появился приказ о формировании по военному положению интендантств, полевых лазаретов, полевой почты и т.п., потому что мобилизация армии уже была окончена. На приведение действующей армии, благодаря богатству всякого рода запасов, обилию железных дорог и другим благоприятным обстоятельствам, потребовалось не более двух недель, во время которых числительность одной действующей армии удвоилась, т.е. была доведена почти до 360 000, и, сверх того, призвано было до 200 000 ландвера. При этом выказалась и слабые стороны ландверной системы, весьма тягостной для страны. Перед началом войны усиленный призыв резервистов и ландвера возбудил много неудовольствий, доходивших, в некоторых местах, до открытого сопротивления. Это объясняется тем, что призыв отразился весьма вредно на ремесленной и фабричной деятельности, равно как и на положении значительного числа семейств, оставшихся без опоры.

¹ Разделение на корпуса существует в прусской армии и в мирное время. Корпус состоит из двух пехотных дивизий, со стрелковым и саперным батальонами и с кадрами для четырех ландверных полков (29 батальонов), одной кавалерийской дивизии (две бригады, по три полка в каждой), артиллерийской бригады и обозного батальона.

Последним актом вооружения был последовавший, в середине мая, сбор 50 ландверных батальонов 2-го призыва III, IV, V и VI корпусов. Формирование это, однако, встретило много затруднений, вследствие недостатка в людях, потому что недостающее число резервистов пополнялось из ландвера 1-го призыва, а сей последний — ландвером 2-го призыва.

Одновременно с мобилизацией распущены были учебные части, из которых сформировали конвойную роту для королевской главной квартиры, составленную вследствие сего из представителей всех пехотных и кавалерийских частей. Для увеличения числа офицеров закрыли военную академию и соединенную артиллерийскую и инженерную школу, обратив во фронт профессоров и слушателей, и произвели усиленный выпуск из кадетских корпусов, что доставило 450 офицеров.

Постоянное существование корпусов отразилось не совсем выгодно на организации армии для войны, несмотря на то, что оно не было вполнедержано на военное время: не все корпусные командиры были в одинаковой мере на высоте своего назначения. Мирная организация не вполне была удержанна в том смысле, что один корпус был составлен, вместо двух, из трех дивизий, а два корпуса (III и IV), которыми командовали в мирное время принцы, сделали кампанию без корпусных командиров, получая все распоряжения прямо из штаба армии. Этот порядок не отразился вредно в боевом отношении, благодаря удаче, неизменно сопровождавшей прусское оружие в эту кампанию; но едва ли бы это не затруднило распоряжений в случае неудачи. Во всяком случае, недостаток непосредственного надзора в двух корпусах отразился довольно сильно на внутреннем порядке.

Корпусный штаб представлял следующий состав: 1) командир корпуса; 2) начальник штаба (полковник генерального штаба); при нем два или три офицера генерального штаба; 3) четыре адъютанта, для заведывания различными частями, которые у нас сосредоточивались в прежних дежурствах; 4) начальник артиллерии с двумя адъютантами — по личной и технической частям; 5) начальник инженеров с двумя же адъютантами; 6) интендант с несколькими помощниками; 7) доктор; 8) священник; 9) аудитор.

Начальник штаба имеет в своем ведении преимущественно часть генерального штаба; по всем же вопросам, относящимся до личного состава, корпусный командир принимал доклады непосредственно от адъютантов, из которых старший (в чине капитана) распределял работу и пользовался перед другими одним только преимуществом: его не посыпали в главную квартиру за приказаниями. Начальники артиллерии и инженеров, а также корпусный интендант получал приказания также от корпусного командира, и в часть генерального штаба обращались скорее за справками, нежели за распоряжениями.

Сверх помянутых чинов, состояли еще три ординарца, прикомандированных из фронта, для рассылки с приказаниями...

При штабе корпуса состоят две команды: 1) так называемая штабная стража (Stabs-Wache); 2) жандармы. Из них первая состоит из конных ординарцев, употребляемых для посылки с офицерами, отправляемыми с каким-либо поручением, для передачи неважных приказаний и т. под.

Жандармы, набранные на время войны из числа жандармов, составляющих земскую полицию, исправляли военно-

полицейские обязанности. В сумме обе эти команды не превосходили численностью 40 человек. Охрана собственно корпусного штаба возлагаема была на одну из частей, квартировавших в одном с ним месте или поблизости.

Дивизионные штабы состояли из одного офицера генерального штаба и двух адъютантов, при начальнике дивизии; бригадные — из одного адъютанта, при командире бригады...

Главное, что обращает на себя внимание в составе прусских штабов, это ограниченность числа офицеров генерального штаба; но она становится совершенно понятною, если взять в расчет ту преданность и любовь к своему делу, которые проникают корпус строевых офицеров прусской армии, и тот уровень образования, на котором стоит большинство из них. При таком условии, конечно, состав генерального штаба может быть ограничен, ибо и каждый строевой офицер есть уже, в некоторой степени, офицер генерального штаба.

Факт, не менее заслуживающей внимания, представляется ограниченность средств для делопроизводства в штабах. Так, в корпусном штабе было всего девять писарей: из них по одному в отделениях генерального штаба, артиллерийском и инженерном и шесть в дежурстве. Причина та, что штабные чины пишут многое сами, что, сколько могу судить, составляет одно из действительнейших средств и к сокращению переписки, и к тому, чтобы офицеры четко писали.

Деятельность интендантства в течение всей кампании проявлялась только сбором реквизиций, следовательно, не представляла того правильного, основанного на постоянных законоположениях хода, при котором только и можно судить о достоинствах и недостатках этой отрасли администрации.

Все, что могу сказать о корпусе прусских интендантов, это что он отличается примерной честностью; в некоторых корпусах ощущаем был недостаток расторопности со стороны интендантских чиновников, вследствие чего в правой массе прусских сил самим войскам приходилось прибегать к фуражировкам до конца кампании, между тем как в тылу армии огромные запасы пропадали даром. Впрочем, причина этого заключалась также и в быстроте движения прусской армии, быстроте, при которой и самый опытный корпус интендантов едва ли бы сумел доставить вовремя все необходимое войскам.

По норме каждый прусский действующий корпус состоит из двух пехотных дивизий (девяти полков, из которых один фузилерный), одной кавалерийской, 12 пеших, четырех конных батарей, одного стрелкового, одного саперного и одного обозного батальона, что представляет силу в 29 батальонов, 24 эскадрона, 72 пеших и 24 конных орудия. Но этой норме не отвечал, по составу пехоты или кавалерии, ни один корпус. Так, в пятом корпусе недоставало двух полков пехоты и вместо шести полков кавалерии было всего два; в первом недоставало одного полка пехоты и одного кавалерии, и т.д. К каждой пехотной дивизии было придано отделение артиллерии (четыре батареи) и полк кавалерии.

Вследствие значения, приобретенного железными дорогами и телеграфами, при каждой армии учреждены железнодорожные команды и телеграфные отделения. Первые предназначены для исправления и порчи железных дорог; они состояли из одного обер-офицера инженерного, одного техника, двух старших и от 6 до 10 младших строителей, двух машинных мастеров и от 50 до 100 сапер. Обширные работы

предполагалось производить вольнонаемными рабочими; склады железнодорожных потребностей устроены на узлах железных дорог.

Телеграфные отделения служили для соединения главных квартир с постоянными линиями и между собой. Их было три: одно — при главной квартире короля, другое — при штабе II армии, третье — при штабе эльбской армии. Каждое состояло: из трех офицеров, 127 нижних чинов, из 12 повозок и 77 лошадей. Проволока и все потребное для установки телеграфа возились с таким расчетом, чтобы можно было набросить линию в 4 мили (28 верст). Кроме того, было 2 мили (14 верст) запасной проволоки.

Обоз корпуса составляют:

Обоз 1-го разряда, к которому относятся: патронные ящики при батальонах¹, зарядные при батареях, офицерский обоз при всех частях и аптечные ящики.

Обоз 2-го разряда может быть подразделен на: 1) обоз штабов, 2) артиллерийский, 3) инженерный и телеграфный, 4) провиантский, 5) лазаретный.

Обоз корпусного штаба — 18 повозок, дивизионного — 7 повозок, бригадного — одна повозка.

Артиллерийский обоз состоит из 9 муниципальных колонн (наши подвижные парки), каждая в 22—23 повозки; всего 201 повозка. В них перевозится: 549 450 простых, 34 830 взрывчатых патронов, 7536 артиллерийских снарядов различного наименования, что составляет, средним числом, около 74 патронов на ружье и от 66 до 98 снарядов на орудие.

¹ Перевозят: в пехотном батальоне 17, в стрелковом 30 патронов на ружье.

В сумме же число патронов на людях и перевозимых будет: от 151 до 164 на ружье; зарядов, перевозимых как при батареях, так и в парке: для 12-фунтовой облегченной — 215 снарядов, для 6-фунтовой нарезной батареи — 218, для 4-фунтовой — 237. Все заряды и патроны перевозятся в парках не в материале, а готовыми.

Артиллерийский обоз нового образца состоит из четырехколесных зарядных ящиков, передки которых совершенно той же конструкции, что и передки орудий. В некоторых частях остался еще обоз старого образца, состоящий из четырехколесных телег с длинными и узкими ящиками, имеющими двухскатную крышу.

Местные парки были учреждены: в I армии в Гердаце; потом в Турнау; для II — в Вальденбурге.

Провиантский обоз состоит из пяти колонн, каждая в 30 повозок; в нем перевозится трехдневная дача хлеба, водки, кофе, риса и всего прочего, исключая, конечно, говядину, на 30 000 человек. Солдат носил на себе тоже трехдневную дачу.

Независимо от провиантского обоза, к каждому корпусу было придано еще 350 повозок вспомогательного обоза, собранных по реквизиции в прусских провинциях; он был также разделен на пять колонн. Этот обоз употребляли для подвоза фуража из окрестностей, собираемого по реквизиции, для перевозки раненых и для других случайных назначений.

К провиантскому обозу должно отнести также хлебопекарную колонну (один офицер, два чиновника, 110 человек, при двух повозках).

Инженерный обоз показан в обзоре организации пионерных батальонов.

В заключение скажем несколько слов об устройстве госпитальной части в прусской армии. На каждую дивизию полагается один легкий полевой лазарет со всеми принадлежностями на 20 человек, который подразделяется на подвижное отделение и депо. При таком лазарете состоят: 1 главный врач, 12 младших медиков, 8 лазаретных помощников (наши фельдшера), 16 человек госпитальной прислуги, 2 фармацевта, канцелярия и обозные чины. В предвидении боя подвижное отделение учреждает перевязочный пункт, куда чины санитарной¹ роты, после первой необходимой помощи, сносят раненых. На перевязочном пункте их перевязывают более соответственно, и отправляют в депо, отстоящее на 10—15 минут от перевязочного пункта². В депо производились уже операции, после чего раненых транспортировали далее, в фургонах корпусного лазарета, состоящего из трех отделений, устроенных, каждое, на 200 человек. В этом госпитале полагалось: 1 старший врач, 13 младших, 15 лазаретных помощников, 32 человека прислуги и 3 аптекаря.

Из корпусных лазаретов раненые были транспортируемы, при первой возможности, в местные лазареты, этапные, военные или, наконец, резервные, которые были устроены в соответствующих помещениях на линиях железных до-

¹ Krankenträgert-Companie — 4 офицера, 3 чиновника, 203 строевых и 8 нестроевых нижних чинов. Они обучаются обращению с ранеными, поданию необходимой помощи и в случае боя раскомандировываются по дивизионным лазаретам.

² Для переноски и перевозки раненых имелось 25 носилок, одна повозка в четыре лошади на 12 легкораненых и четыре повозки в две лошади для тяжело раненых, каждая на пять мест: два лежачих и три сидячих. Недостаток этих средств предполагалось пополнять реквизицией.

рог. В общей сложности, средства всех помянутых лазаретов были рассчитаны на 21 600 больных.

В основание устройства местных военных лазаретов был положен тот принцип, что *огромное скопление раненых в одном пункте не только вредно, но в большинстве случаев даже смертоносно для многих из них*.

Кроме того, для предупреждения скопления раненых и больных в лазаретах, ближайших к тылу армии, учреждено было 97 госпиталей на прусской территории в следующих провинциях:

В Бранденбурге..... 34 на 10 580 чел.

— Силезии..... 21 — 10 280 —

— Саксонии..... 12 — 3030 —

— Познани..... 12 — 3180 —

— Восточной

и Западной Пруссии.... 6 — 1370 —

— Померании..... 6 — 1510 —

— королевстве

Саксонском..... 6 — 3230 —

97 на 33 340 чел.

В это число не включены еще постоянные госпитали, существующие и в мирное время.

Отправлением больных и раненых из постоянных военных лазаретов в резервные занимались больничные транспортные комиссии, состоящие из штаб-офицера, врача и чиновника: они располагались на станциях железной дороги, ближайших к армии, имели точные сведения о числе свобод-

ных мест в госпиталях и сообразно тому направляли прибывающих больных и раненых.

На каждого 100 больных полагалось от 13 до 15 товарных вагонов, один или два врача, два лазаретных помощника и 13 человек прислуги.

Госпитальные склады были устроены: в Бреславле, Бунцлау, Губене и Ютербоке.

Независимо от этих громадных приготовлений правительство нашло действительную и немаловажную опору в общественной благотворительности, которая выразилась деятельностью ордена св. Иоанна (возобновленный Мальтийский орден) и щедрыми приношениями частных лиц.

Орден иоаннитов имеет по своему новому уставу главной целью всестороннее вспоможение больным и раненым. Во время датской войны он располагал уже тремя миллионами талеров для своих благотворительных предприятий. В последнюю кампанию деятельность его особенно благодетельно отразилась на госпиталях в тылу армии; забота же о раненых на поле сражения вошла в программу деятельности ордена только в виде опыта. При штабе II армии иоанниты имели два больших фургона и несколько носилок на колесах и рессорах. То и другое оказалось весьма практичным, в особенности носилки. Последние так легки, что по неровному месту их легко несут два человека; по ровному же везет один. В носилках сделано приспособление и для того также, чтобы, соединяя их по нескольку, гуськом, можно было тянуть подобную цепь одной лошадью.

Благотворительные частные общества возникли передвойной и распространились чрезвычайно быстро. Из них берлинское, центральное общество, кроме огромных материальных

запасов, собрало в короткое время капитал в 500 000 талеров. Пожертвования эти центральный комитет собирал и непосредственно от частных лиц, но более от провинциальных комитетов, число которых во время войны возросло до 200.

Запасы центрального общества были так велики¹, что, несмотря на беспрерывные и, можно сказать, громадные отправки и в богемскую, и в майнцскую армии, они далеко не были истощены.

Кроме того, вследствие воззвания хозяйственного департамента военного министра от 15 июня, ко всем пруссакам с предложением об устройстве частных лазаретов, устроены были таковые многими обществами, и несколько тысяч раненых взяты были на попечение частных лиц.

ЧИСЛЕННОСТЬ ПРУССКОЙ АРМИИ

Действующие войска состояли:			
	Нижних чинов	Офицеров	Нестроевых
Из 253 батальонов	253 500	5800	7900
Из 200 эскадронов	30 000	1100	2700
Из 144 бат. с 864 оруд.	25 900	800	8000
Из 9 инж. и 9 обозн. бат.	14 000	700	8000
	323 400	8400	26 600
Запасные войска:			
Из 831/2 батальона	81 000	1350	3500
Из 48 эскадронов	7200	280	600
Из 36 бат., в 144 оп.	4400	135	1900
	92 600	1765	6000

Ландвер 1-го призыва:

116 батальонов в 600 человек — всего 70 000

48 эскадронов по 150 человек — всего 7000

¹ Отправления были почти ежедневные; поезда доходили иногда до 25 вагонов, ценность содержимого — до 70 000—80 000 талеров.

Ландвер 2-го призыва:

50 батальонов в 400 человек — всего 20 000

Прусская армия, следовательно, состояла из 557'000 человек; но из этого числа, для приблизительного определения действительной ее численности, необходимо откинуть, по крайней мере, 10 %, потому что от 7 до 8 % в ней обыкновенно считается больных, а положить 3 % на некомплект и на разного рода командировки скорее мало, чем много.

Следовательно, было:

Действующих войск		
	По спискам	Налицо
Пехоты	276 200	240 000
Кавалерии	38 800	30 000
Артиллерии	34 700	31 000
Инженеров	11 700	10 000
Обозных	11 000	10 000
Всего	358 400	321 000
Запасных войск		
Пехоты	85 358	77 000
Кавалерии	8080	7000
Артиллерии	6435	5500
Всего	100 365	89 500

Ландвера 1-го призыва:

Пехоты	70 000	60 000
Кавалерии	7000	6000
	77 000	66 000

Ландвера 2-го призыва:

Пехоты	20 000	18 000
Итого	557 765	494 500

О прусском флоте мы не упоминаем, так как он не имел никакого влияния на военные операции.

Сухопутные силы Пруссии разделены были на 4 армии, что обусловилось конфигурацией театра войны и отчасти тем обстоятельством, что вначале пруссаки думали преимущественно о предохранении собственных пределов от вторжения.

Общее начальство над I и II армиями предоставил себе е. в. король, при котором состояли: в качестве начальника главного штаба генерал-от-инфanterии Мольтке, генерал-инспектор артиллерии — генерал-лейтенант Гиндерсен, и генерал-инспектор инженеров — генерал-лейтенант Вассершлебен. При главной квартире во все время кампании находились: министр-президент и военный министр.

Первой армией, составленной из 2-го, 3-го и 4-го пехотных и одного кавалерийского корпусов, командовал принц Фридрих-Карл Прусский; начальником штаба к нему был назначен генерал Фогтс-Ретц. Корпусами командовали: 2-м — генерал-лейтенант Шмидт, кавалерийским — генерал-от-кавалерии принц Альбрехт.

Численность этой армии была следующая:

	Бат.	Эск.	Ор.	Пех.	Кавал.	Артилл.	Инж. Обоз.
2-го корпуса	25	8	96	25 400	1550	3440	2500
3-го	25	9	96	25 400	1550	3440	2500
4-го	22	8	96	23 200	1500	3440	2500
Кавалерийского корпуса		57			10 850		
	72	82	288	74 000	15 500	10 320	7500
					197 300, а налицо	96 037	

Начальство над второй армией вверено было наследному принцу Прусскому, который имел начальником штаба генерал-майора Блументаля. Эта армия состояла из гвардейского корпуса — генерал-от-кавалерии принц Август

Вюртембергский, 1-го корпуса — генерал-от-инfanterии Бонин, 5-го корпуса — генерал-от-инfanterии Штейнмец, 6-го корпуса — генерал-от-кавалерии Муциус, и резервно-кавалерийской дивизии генерал-майора Гартмана. Численность второй армии:

	Бат.	Эск.	Ор.	Пех.	Еавал.	Артилл.	Инж. Обоз.
Гвардейского корпуса	26	9	96	26 500	1550	3440	2500
1-го корпуса	25	20	96	25 400	3900	3440	2000
5-го	22	9	96	23 200	1550	3440	2500
6-го	19		96	20 000	1500	3440	2500
Рез. кавал. дивизии		28			5500		
	93	74	384	95 100	14 000	13 720	10 000
127 800, а налицо 115 000							

Эльбская армия, которой командовал генерал-от-инfanterии Гервардт фон-Бигтенфельдт, состояла из 8-го корпуса и 14-й дивизии 7-го корпуса.

Всего 34 батальона, 26 эскадронов, 120 орудий, 35 900 человек пехоты, 4656 кавалерии, 4500 артиллерии, 2500 инженерного обоза = 47 500 человек, или налицо около 41 700.

Майнцская армия, находившаяся под начальством генерала-от-инfanterии Фогель-фон-Фалькенштейна, была составлена из 13-й дивизии генерал-лейтенанта Гебена и сводной дивизии Вебера, сформированной из гарнизонов германских крепостей, которые были очищены пруссаками 9 июня. К этой же армии впоследствии примкнула сводная дивизия генерала Мантейфеля, занимавшая прежде Голштинию.

Всего в этой армии состояло 48 батальонов, 22 эскадрона и 96 орудий, т.е. 55 500 пехоты, 3880 кавалерии и 3440 артиллерии, итого 70 000 человек по списку, что соответствует

наличным 56 500, не считая 2 батальонов кобургских и 1 батальона Липе — около 2200 человек.

Впоследствии, т.е. в середине июня, к этой армии присоединились: а) ольденбург-ганзейская бригада (3 батальона, 3 эскадрона и 2 батареи ольденбургских, 2 гамбургских, 1 любекский, 1 бременский, 1 вальдекский и 1 шварцбургский батальоны — по списку 6940 человек, а налицо около 6000 человек), б) 5 четвертых батальонов, вновь сформированный 9-й егерский батальон и 3 резервных ландверных кавалерийских полка — 2924 человека по спискам и налицо около 2700 человек. А всего в этой армии по спискам — 72 500, в наличности же не более 65 500.

Независимо от сих армий, сформированы были два резервных корпуса. Первым командовал генерал-лейтенант Мюльбе; он был составлен из 24 ландверных батальонов, 24 ландверных эскадронов и 1 батареи. Второй резервный корпус, под начальством великого герцога Мекленбург-Шверинского, состоял из мекленбургской дивизии (5 батальонов, 4 эскадрона и 2 бат.) и из одной сводной прусской дивизии (13 прусских и 2 ангальтских батальона, 1 ландверный уланский полк и 8 батарей). Всего 20 батальонов, 8 эскадронов и 10 батарей, около 23 000 человек.

Из этого перечня прусских вооруженных сил видно, что правительство послало за границу не только все действующие войска, но часть запасных батальонов и батарей и часть ландвера как пехотного, так и кавалерийского. Для гарнизонной службы оставлено было только $69\frac{1}{2}$ запасных батальонов, 48 запасных эскадронов и часть запасных батарей, 92 батальона ландвера 1-го призыва и 50 батальонов ландвера 2-го призыва.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТЕЙ

Хладнокровие в опасности, умение оценивать обстоятельства и необыкновенная, идущая от сердца, заботливость о больных и раненых составляют отличительные черты главнокомандующего II армией, его высочества наследного принца прусского Фридриха-Вильгельма. Эти качества обнаружились в полном блеске еще в шлезвиг-гольштинскую войну, успешному окончанию которой он содействовал в весьма большой мере. Его краткое, приветливое обращение со всеми подчиненными снискало ему самую горячую преданность и любовь солдат и офицеров. Кронпринц любит солдат и умеет говорить с солдатом. Сверху сказанных свойств, он отличается еще примерною исполнительностью, в благороднейшем значении слова: это он вполне показал в день сражения под Кенигсгрецом, в который как прибытие на поле сражения, так и направление войск в продолжение его представляют поучительный образец самоотвержения.

Принц Фридрих-Карл в настоящую эпоху бесспорно принадлежит к числу замечательнейших генералов в Европе.

Глубоко изучив дух французского образа действия, обусловленного и народным характером, и богатой боевой практикой, принц Фридрих-Карл могущественно содействовал проведению в сознание прусского военного общества начал, положенных в основание этого образа действий. Беззаветная дерзость, стремление на выстрелы, стремление озадачить неприятеля какой-нибудь неожиданностью и проч., и проч., все это проведено и усвоено, благодаря Фридриху-Карлу.

Принцу в 1866 г. исполнилось 38 лет. Еще в ранней молодости он с необыкновенным усердием изучал действия Фри-

дриха Великого; в 1848 г. участвовал в шлезвиг-гольштейнской войне, состоя при фельдмаршале графе Врангеле; в следующем г., во время баденского похода, он был ранен в плечо. Во время последней войны за Шлезвиг-Гольштейн принц выказал военные дарования, выходящие из ряда, и твердость характера. В мирное время он командовал 3-м армейским корпусом, на котором благодетельное влияние его взглядов на военное дело отразилось вполне.

Беседы о военном деле и чтение классических военных сочинений составляют любимое занятие принца Фридриха-Карла. Зимой, еженедельно раза два или три, собирается у него кружок избранных, где в совершенно непринужденной, интимной беседе обсуждаются различные военные вопросы, или по поводу событий дня, или же по поводу какой-либо прочитанной книги, почему-либо обращающей на себя внимание.

Принц не из тех, которые пишут много: он вполне сознает, что кто хочет быть понят массами, тот должен быть краток, но это немногое всякий военный должен был вполне усвоить. Многие пункты, по значению их, можно сравнить только с инструкциями Фридриха Великого и нашего незабвенного Суворова. Впрочем, пусть дело говорит само за себя.

«Может случиться, — говорит принц в своей инструкции — что наша армия, имея наступательные цели, примет бой оборонительный, чтобы сперва воспользоваться перевесом нашим в огнестрельном действии и затем перейти в наступление. Если, как я предполагаю, австрийцы имеют намерение задавить нас порывом, то этот способ борьбы будет лучшим».

Кто не знает, что молодые, необстрелянные войска легко теряются при первой неожиданности? А большая часть прус-

ской армии была действительно молода. Нужно заметить при этом, что прусские военачальники были убеждены вначале, что им, по всей вероятности, придется не наступать, а обороняться. Приведенным пунктом Фридрих-Карл дает войскам мысль, что даже если их расположат, по-видимому, для обороны, то это, в действительности, будет сделано с наступательными целями: следовательно, обороны не бойтесь: она еще не есть признание превосходства неприятеля. Вместе с тем он подрывает далее и впечатление, которое могла бы на них произвести стремительная атака в штыки. Нет ничего разумнее и расчетливее, как предупреждать о вероятной опасности, ибо этим мы отнимаем у нее огромную влиятельную сторону — сторону неожиданности. Австрийцы действительно думали удивить пруссаков порывом, следовательно, в сказанном обнаруживается и понимание духа противника, и стремление привить это понимание уму всякого из своих солдат.

Но из этого как будто следует, что принц Фридрих-Карл придает огню первостепенное значение. Посмотрим дальше:

«Не нужно перестреливаться больше, чем следует, но ограничиваться крайне необходимым, *так как при продолжительной перестрелке потеря в людях и патронах велика, и перестрелка иногда не решает дела, а только служит подготовлением*. Следовательно, от 5 до 6 залпов из возможно закрытой позиции. В случае неприятельской атаки в колоннах, всего лучше ослабить их одиночной стрельбой, затем встретить их залпами и, наконец, отбросить в штыки. Ротные колонны рекомендуются, как строй наиболее удобный для подобного рода действий».

Здесь, во-первых, огонь и штык поставлены в должные отношения; во-вторых, ясно видно, что имелась в виду пре-

имущественно оборона, а между тем от солдат это замаскировано; в-третьих, наконец, отдано предпочтение ротным колоннам перед сборными строями батальона.

Остановлюсь несколько на последних, ибо принц Фридрих Карл придумал для их употребления способ, сколько мне кажется, весьма рациональный: начинается дело с рассыпного огня; с приближением противника к цепи шагов на 300, ротные колонны первой линии быстро вступают в цепь, там развертываются и открывают пальбу залпами; в то же время роты второй линии идут в атаку; когда они поравняются с ротами первой линии, все должны бросаться в штыки в таком строем, как стояли. Это весьма резко указывает на ту свободу отношения к форме строя, о которой я уже упоминал, так как одни роты бросаются в штыки в развернутом строем, а другие в колоннах.

Далее следуют чрезвычайно практические указания на то, что при стрельбе в бою должно обозначать не прицел и расстояние, а прицел и точку, и что чем ближе неприятель, тем ниже следует целить, так как с приближением неприятеля солдат будет стрелять торопливее и попадать выше. Последняя заметка до такой степени важна, что, по моему мнению, и в мирное время следовало бы непременно обучать (конечно, с боевыми патронами) залпам от плеча и с положения на руку, дабы люди, получив инстинктивный навык давать ружью некоторый уклон, пускали поменьше пуль на ветер.

«Если неприятель не будет остановлен залпом и сблизится на 50—80 шагов, то атаковать его в штыки, стараясь охватить всю массу, причем больше забирать в плен, нежели колоть. Легче забрать пять-шесть человек, чем заколоть одного или двух». Этот последний совет, по-видимому странный, чрез-

вычайно меток: припомним, что легкость сдачи в плен составляет характеристическую черту австрийских войск.

Но особенного внимания заслуживает мнение принца Фридриха-Карла о значении второй линии. Он ставит за правило, что первая линия не должна рассчитывать на смену второй линией, которая имеет особые обязанности; что, следовательно, войска, раз пущенные в бой, должны оставаться в нем до последней уже крайности. В этом одном лежит ручательство за сбережение резерва к той минуте, когда приходит решающий момент боя.

«Первая линия, вообще говоря, не может рассчитывать на смену второй линией. Во всей военной истории не было случая, чтобы вторая линия была так употреблена, как то делается на ученьях. Напротив, я рекомендую всем генералам возможно большую стойкость в отказах на просьбы о смене первой линии второй и даже о подкреплении первой линии частями второй». В этом видно и понимание человеческого сердца, и опять свободный взгляд на устав, который принц Фридрих-Карл не задумываясь высказывает войскам.

Очертив бой с пехотою, принц переходит к кавалерийской атаке.

«Прусская пехота так хорошо вооружена и находится на столь высокой степени боевой дисциплины, что она отобьет всякую кавалерийскую атаку. Для этого всякая форма строя хороша. Поэтому я не придаю большого значения уставной форме, которую мы принимаем в подобных случаях — каре. Я предостерегаю против сигнала “строить колонну”, который должно давать только в крайнем случае, так как беготня людей производит нехорошее нравственное впечатление на них, а неприятель подвергается от этого позже ее огню».

Этот пункт прекрасно рисует и взгляд принца на устав — заметьте, взгляд, высказываемый во всеуслышание, ибо эта часть инструкции написана для войск вообще — и беспрерывное принятие в расчет нравственного влияния, произведимого на человека тем или другим действием, и, наконец, понимание столь часто забываемого в мирное время факта, что беготня в бою при построениях, не принося никакой пользы, в большей части случаев только суетит людей.

Следует затем предложение четырехшереножного развернутого строя для встречи кавалерийской атаки, употребления вместо колонны к атаке колонн из середины поротно, сомкнутых вместе (*последнее для войск, которые привыкли к этому строю*); движения под выстрелами артиллерии *в развернутом строю, не в ногу*, офицеры *на шаг впереди своих мест*; или же повзводно рядами. И, при всем этом, неоднократноеозвращение к тому, что войска могут принимать те строи, к которым привыкли. Трудно найти другой более поучительный образчик стремления освободить ум и солдат, и офицеров от рутинных представлений и устремить их на главную цель — действительнейшее уничтожение врага. Во всем вышесказанном легко видеть, как принц становится то против устава, предлагая свои формы, то против самого себя, предоставляя войскам принимать формы уставные, к которым они привыкли. Но за этим видимым противоречием скрывается высокое примиряющее его начало — начало возможной умственной и нравственной свободы личности, ибо понятно, что только при условии такой свободы личность и может принести всего себя, и притом разумно, на пользу дела.

Относительно кавалерии инструкция высказывает также весьма рациональные взгляды; но они более общеизвестны.

Сюда относятся: необходимость резерва, быстрого сбора после атаки, необходимость давать атаку, а не получать ее, т.е. предупреждать неприятельский удар своим, и т.п. Рядом с этим принц Фридрих-Карл знакомит со свойствами кавалерии противника, предупреждает против ее одиночной ловкости и умения владеть оружием и советует противопоставлять этим качествам сомнительность. Сколько можно судить, принц несколько был озабочен этой встречей, ибо вначале останавливается на том, что «прусские 200 эскадронов на 1500 коней сильнее австрийских и что, следовательно, встреча будет происходить или в равном, или в превосходном со стороны пруссаков числе». Он слишком ясно чувствует действительные основы военного дела, чтобы прибегать к постановке численного перевеса на первый план там, где на этот план можно было поставить другие, более существенные задатки на успех, которые имеют громадное значение именно в применении к кавалерии, как к роду войска и наиболее впечатляльному, и, в свою очередь, производящему наибольшее впечатление на противника.

Относительно артиллерии не сказано ничего особенного; даже не отмечена та мысль, что артиллерия не должна опасаться пленя.

«Некоторые указания офицерам» полны высокой поучительности в военном смысле. Они были даны еще перед датской войной, но остались и в прошлую, ибо представляют краткий и рельефный свод именно того, что есть в военном деле непреходящего, неслучайного. В них принц Фридрих-Карл обращается уже не к массе, разнородной по развитию, а к людям, с которыми нет надобности набрасывать покров на щекотливые стороны дела.

«Великий полководец сказал, что успех кампании зависит на $\frac{3}{4}$ от нравственной и на $\frac{1}{4}$ от физической силы. Основное правило войны, одинаково важное для генерала и солдата, состоит в том, что нужно стараться удивить неприятеля чем-либо необыкновенным, и принять меры, чтобы собственные войска не были чем-либо озадачены. Всякая стрельба в тыл и фланг уменьшает бодрость молодых солдат и останавливает наступление. Поэтому всегда нужно прикрывать свои фланги эшелонами, хотя незначительной силы. Такие эшелоны берут во фланг всякие атаки и делают их безвредными. Солдатам должно быть *объяснено, что тот, кто нас думает обойти, сам обойден.*

Моральная сила, воображение и т.д. до того играют важную роль, что можно сказать, что только то сражение или дело может быть потеряно, о котором офицеры думают, что оно потеряно, и прекращают усилия для выиграния победы.

Это должно убедить офицеров в том, что они всеми средствами должны стараться внушить своим людям воинский дух самопожертвования, веры в успех, чувства непобедимости.

Театр войны, предстоящей нам, весьма разнообразен: равнины и горы, плодородные и бесплодные места, пески, луга и реки. Мы должны приспособить строи наших войск к особенностям страны, дабы с меньшими потерями вредить по возможности более неприятелю. В гористой местности я рекомендую ротные колонны. Мы хорошо обучены для действия в этом порядке; притом он представляет более случаев для отличия ротных командиров и прочих офицеров. На одно я обращаю особенное внимание, а именно: чтобы капитаны и еще более штаб-офицеры постоянно держали свои части в руке.

В противном случае генералы лишаются возможности управлять войсками, а с этим вместе исчезает и одно из условий успеха. В особенности это относится до рассыпного строя.

При остановках неприятель нас видеть не должен, все должно быть закрыто — мы этому хорошо обучены. Наступать применяясь к местности, но решительно и скоро.

Рекомендую определение дистанций и пробные выстрелы. Сбережение патронов достигается преимущественно тем, чтобы рассыпать в цепь не более строго необходимого числа людей. Иначе расход патронов велик, и люди выпадают из рук.

Убитых, раненых и больных патроны отбирать. Запрещаю строжайшим образом, чтобы люди выходили из фронта для относа раненых, так как для этого учреждены особые команды.

Выход из фронта иногда разрежал ряды до того, что войско теряло способность для дальнейшего боя. На пересеченной местности можно часто накладывать некоторые перевязки во время самого боя; многие раненые могут помогать сами себе или друг другу. Перевязочные пункты близки, а в случае успеха бой скоро отдаляется от раненых.

Когда бой колеблется, когда войском овладевают некоторая унылость и неприятное чувство, располагающее к отступлению, тогда офицер словом и примером должен действовать для преодоления этого кризиса, почти неизбежного во всяком жарком деле. В подобных случаях колonna хороша, ибо в этом строю и при барабанном бое всегда легче двигать людей вперед».

Глубокая и психическая, и боевая истина! Дело в том, что когда подобное чувство начинает налегать на ваши войска,

оно в то же время работает и неприятельские: невольно приходит в голову, что, кажется, уже все сделано и больше не в состоянии сделать. При таком взаимном нравственном настроении, кто может поручиться за то, что победа готова была увенчать ваши усилия именно в ту минуту, когда вы сочли ее невозможной?

Войска, сдающиеся в бою, почти всегда находятся в положении пловца, который, сделав невероятные усилия, чтобы переплыть глубокую и широкую реку, добровольно отказывается от последнего усилия и идет ко дну, когда оставалось протянуть руку, чтобы доплыть до берега.

«Таким образом, из критического момента возникнет благоприятное решение. В разговорах с солдатами им должно быть растолковано, что *с тех пор, как свет стоит, ни одна большая победа не была выиграна боем на больших расстояниях*. Необходимо схватиться с врагом, т.е. атаковать штыками, если набег стрелков недостаточен. Но тогда ни остановки, ни промедления, ни стрельбы. В большей части случаев выраженная атакой решимость схватиться в штыки до того действует на неприятеля, что он поворачивает кругом до свалки.

При рукопашном бое убивать только передних, а остальным приказывать бросать оружие и сдаваться. Это практичнее, чем убивать, так как можно забрать пятерых в то время, в которое убьешь только одного.

Если неприятель решится нас атаковать в штыки, то, предупредив людей о нашем намерении, открыть дальнюю и частую стрельбу, а в последний момент, на расстоянии от 20 до 60 шагов, броситься вперед.

Войскам развитым полезно делать известными цели и намерения боя возможно большему числу. Это не только увели-

чивает интерес к делу, но и вызывает каждое отдельное лицо быть полезным достижению цели непредвиденным способом более, нежели когда его употребляют как машину».

Этот пункт до такой степени напоминает правило Суворова, что можно подумать, как будто списан с него¹.

«Маршал Саксонский находит тайну победы преимущественно в ногах. В этом многое правды. Когда неприятель разбит, его нужно преследовать. Только при этом в ваши руки попадет масса трофеев и пленных. Одна победа и энергическое преследование могут кончить поход. И если нужно идти так, что после одной ночи и нескольких дней преследования батальоны достигают цели с половинным числом людей и большое число лошадей падет, то это ничего не значит в сравнении с успехом, который таким образом достигается».

Вот содержание инструкций принца Фридриха-Карла. Многие не придают подобным документам особенного значения; не могу согласиться с этим мнением. Инструкция, если она пишется не по заказу, не для порядка, а выливается из души, — это сам человек. Зная, что он думает, вы можете предвидеть, как он будет и действовать: это руководящий принцип его поведения на все случаи, которые не всегда легко подметить из какого-либо отдельного факта, постоянно обставленного множеством случайностей, скрывающих руководящую мысль. Говорят еще, что подобные инструкции не всегда читаются: это справедливо, но только в применении к тем инструкциям, которые пишутся по заказу, и потому бывают холодны, безжизненны и завалены бездной мелочей; или же когда они относятся к армии, мало интересующейся

¹ См. «Лекции тактики» полковника Драгомирова, приложение II, приказ австрийцам. № VII.

своим делом. В I прусской армии эти инструкции читались, чему действия ее служат лучшим подтверждением.

Генерал *Гервардт*, главнокомандующий эльбской армией, 70 лет, на службе с 1813 г. В 1864 г., в Дании, заменил принца Фридриха-Карла в командовании прусским корпусом на вторую половину кампании, в продолжение которой составил себе отличную репутацию, особенно переправой через Альс-Зунд.

Начальник штаба короля, генерал *Мольтке*, служит уже с лишком 40 лет; с капитанского чина в генеральном штабе; во время турецко-египетской войны он состоял при турецкой главной квартире; во время датской войны — при Фридрихе-Карле.

Генерал Мольтке принадлежит к числу тех сильных и редких людей, которым глубокое теоретическое изучение военного дела почти заменило практику. Правда, изучение теории не дает изворотливости в преодолении неожиданных случайностей; но, по счастью, неподвижность австрийцев и исполнительность прусских военачальников, поведшие к тому, что ни один из его расчетов осечки не дал, избавили генерала Мольтке от тяжелого положения преодолевать подобные случайности мероприятиями почти мгновенными. Генерал Мольтке говорит мало, спокойно; но мысль облекается у него в слово соответственно, ясно и рельефно.

Скромность и простота обращения, изумительная способность легко отрываться от работы и теоретическая сила решимости составляют отличительные черты этого замечательного человека, по крайней мере насколько я мог видеть, благодаря тем редким и мимолетным случаям, которые доставили мне честь непосредственных сношений с ним.

Генерал *Фогтс-Ретц*, начальник штаба I армии. В прусском военном обществе его считают военным гением; этот генерал — вероятный наследник Мольтке по управлению генеральным штабом. Благодаря прусской системе, он имеет всестороннее знакомство с практикой военной организации, ибо прежде был директором общего департамента военного министерства; в настоящую же минуту назначен командиром одного из вновь сформированных корпусов. Это уже показывает мнение о его уме и твердости: корпусом нового формирования, и притом из материала, до того времени раздельного, представляющего свои провинциальные особенности, командовать труднее, нежели сплотившимся в одно целое рядом многих десятилетий.

Генерал *Штейнмец*, командир 5-го корпуса, 70 лет; сохранился так, как немногие сохраняются и до 50-летнего возраста. В полном цвете сил и здоровья, седой как лунь, генерал Штейнмец отличается невероятной деятельностью, исключительной энергией и настойчивостью характера. Он из тех характеров, которые предпочитают, чтобы их боялись больше, чем любили. Нельзя этого ни хулить, ни хвалить, ибо всякая натура только тогда и дает все, что может, когда остается верна самой себе. И должно отдать справедливость генералу Штейнмецу: он действительно всего себя положил в службу. В искусстве привести часть, что называется, в чувство, подтянуть ее, генерал Штейнмец не имеет себе равного, что ему и составило в мирное время репутацию человека строгого и резкого. Но это происходило не из личного каприза, а просто из того, что он не выносит мало-мальски вялого или небрежного отношения к службе. В военное время, как вскоре увидим, приписываемые ему в мирное время качества обра-

тились в неодолимую настойчивость, способную на то, чтобы вызвать в войсках нечеловеческие усилия, способную не допускать даже и мысли о возможности неудачи в таких положениях, в которых, кроме гибели, ни на что, по-видимому, рассчитывать было нельзя.

Строгий к другим, генерал Штейнмец еще более строг к себе: весь его обоз — небольшая повозка; стол — общий со всем штабом, что Бог послал; весь поход не иначе, как верхом, и каждый переход не иначе, как с осмотром всего обоза.

Сноровка эта, и говорить нечего, великолепна, ибо после фуражировок ни от чего так части не тают, ничто так не способствует развитию мародерства, как обозы. Ежедневно проверялся чуть не каждый человек из строевых, попавшихся при обозе: зачем он там. До какой степени настойчивость в этом деле была верна, довольно сказать, что, несмотря на нее, не проходило дня, чтобы не пришлось выгнать из обоза человек 10, 15. Другие корпусные командиры смотрели на это как на каприльство, зато у этих других на телегах громоздились чуть не целые батальоны; да бывали и такие случаи, что один-другой солдат оставался по дороге в деревне для работы на себя.

Военные воззрения генерала Штейнмеца соответствуют его характеру и опытности. На вопрос: «Каким образом удалась атака такой сильной позиции, как у Скалица?» он отвечал: «Эти вещи удаются очень просто; посылаешь в атаку; если не удалось, посылаешь еще, и так до тех пор, пока не удастся». — «Неужели не приходилось сменять частей?» Признаюсь, меня чрезвычайно занимал этот предмет потому в особенности, что хотелось проверить собственные взгляды, выработанные теоретическим путем. «Как сменять?» был

ответ, сделанный таким тоном, как будто я сказал что-нибудь на неизвестном языке. «Заменять их новыми, в случае, если они расстроены?» — «Нет; часть, раз попавшая в огонь, должна оставаться там до конца дела». Это было высказано с таким убеждением, тоном неколебимым и спокойным, что перед вами вставал разом человек, который способен вытянуть у себя подобного все усилия ума, воли, физики, чтобы добиться успеха.

На все новейшие усовершенствования огнестрельного оружия генерал Штейнмец смотрит как на вещь очень хорошую, но главное все же полагает в том, чтобы солдат был приучен безостановочно идти вперед, по бою барабана (*tauibour baltant*).

СИЛЫ АВСТРИИ

По пространству Австрия занимает 11 252 квадратные мили; по населению представляет силу в 36 650 000, т.е. вдвое сравнительно с Пруссиею. Но из этого населения немцев всего около 8 000 000, а между тем население это считается господствующим; славян 15 000 000 с лишком; венгров до 5 000 000; итальянцев до 3 800 000 и молдо-валахов около 2 650 000.

Финансы этого государства находятся в положении неудовлетворительном: почти ежегодные дефициты составляют в них явление неизбежное, начиная с 1781 г. За последние десять лет цифра ежегодного дефицита доходит, средним числом, до 83 500 000 гульденов (около 51 500 000 руб. сер.); государственный долг представляет цифру 3 096 473 245 гульденов (около 1 858 000 000 руб. сер.).

Естественные богатства Австрии весьма велики, а между тем состояние ее далеко не блестательно.

В чем же коренится причина такой странной аномалии, такого несоответствия между громадными личными и материальными средствами, с одной стороны, и между печальными результатами, которые даются этими средствами, — с другой? Коренится она в системе внутренней политики Австрии, правительство которой положило в основание этой системы недоверие к народностям, находящимся под его властью.

Нетрудно видеть, какими последствиями эта система отражается на войске. Солдат, взятый из подобной сферы, нравственно уже надломлен: он чрезвычайно легко подчиняется всем требованиям, но уже это одно должно было бы показать, что личная энергия — единственная сила, которая делает хорошего солдата — в нем подорвана. К несчастию, приверженцы покорности, во что бы она ни обошлась, находят обыкновенно, что подобный солдат не вполне еще труп, и не только не останавливают, но довершают свое разрушительное дело в военной сфере, полагая, что именно в безусловном безмолвии солдата, чтобы с ним ни делали, и заключается идеал военного совершенства.

Отличительную черту всех жизненных явлений составляет неумолимая логическая последовательность началам, положенным в основание этих явлений, последовательность, которую не в человеческих силах изменить без изменения самых начал. Австрийская военная система подтверждает этот закон с грустной неопровергимостью. Отразился он и на взаимных отношениях между ступенями военной иерархии, и на системе производства, и, наконец, на образовании войск и складе воззрений их на военное дело.

Порядок в австрийской армии поддерживается, как свидетельствует сам же австриец, между солдатами — палкою, между офицерами — грубым обращением. Власть полковых командиров ничем не ограничена: на действия их нет апелляции.

Телесные наказания в сильном ходу в австрийской армии и по настоящее время, несмотря на то, что официально они весьма ограничены еще в 1855 г. В этом г. отменено наказание сквозь строй; прочие телесные наказания ограничены: 75 палками по суду и 40 без суда; вместе с тем тюремное заключение постановлено преобладающей карательной мерой. Но к этому прибавлено, что телесным наказанием можно заменять тюремное.

Заключения этой оговорки было достаточно, чтобы в изданном затем циркуляре, имеющем силу закона, разъяснить ее следующим образом: «нижним чинам, если они сделают преступление, за которое, по уложению, будут подлежать тюремному заключению от 14 дней до 5 лет, должно вообще назначать *телесное наказание*». Но так как, по статистическим исследованиям, преступления, наказываемые тюремным заключением свыше пяти лет, составляют не более $\frac{1}{100}$ всех преступлений, то и оказывается, что телесное наказание, из 100 случаев, применяется 99 раз.

Спрашивается после этого: может ли масса любить и знать закон, который относительно ее кажется как бы иронией? Может ли в ней возникнуть какое-либо убеждение, кроме убеждения в полном бесправии? Эта система принесла свои плоды: офицер в расправе с солдатом не церемонится; солдат не любит офицера и не верит ему.

Система производства наилучшим образом соображена в том смысле, чтобы по возможности менее расположить офи-

цера к серьезным занятиям своей специальностью и по возможности более к искательству и интриге.

В австрийской армии по настоящее время существуют так называемые ингаберы (шефы) полков.

Ингаберы — установление средневековое, ведущее свое начало от комплектования вербовкой и теперь утратившее всякий смысл, но весьма способствующее нравственному разложению австрийской армии. Теперь ингаберы назначаются из старых генералов, зачастую не состоящих даже на действительной службе и по преклонности лет подпадающих влиянию своих адъютантов, которых они избирают преимущественно в среде юношей с протекцией. Во всем этом беды большой не было бы, если бы ингаберство имело значение только почетное; но дело в том, что ингаберы имеют право раздавать чины, до капитана включительно, по своему усмотрению, или передать это право командиру полка, а также предлагают кандидатов на вакансии штаб-офицеров.

Правда, в настоящее время последнее право ограничено только третью офицерских вакансий; но закон продолжает существовать в прежней форме. Да притом и трети, предоставленной личному произволу, вполне достаточно для того, чтобы нравственно разрушить полки интригами и проделками, особенно если взять в расчет, что ингаберы так редко видят свои полки, что не могут иметь о составе офицеров верного понятия.

Такое положение принесло естественные плоды: занятие своей специальностью возбуждает не сочувствие, а насмешки в офицерских обществах. Бывают случаи в роде нижеприведенного, который я получил из довольно верного источника: молодой офицер, желая поступить в военную

школу, обратился за советом к своему отцу, тоже военному. «Поработай, дело хорошее, — отвечал отец, — но приготовляйся к поступлению так, чтобы этого не знали ни товарищи, ни в особенности начальники». Такой взгляд австрийских офицерских обществ на желающих посерьезнее отнестись к своим обязанностям мы считаем не преувеличенным потому, что он подтверждается и другим, уже чисто австрийским источником. В нем неизвестный автор неудачи австрийской армии объясняет: 1) отсутствием способных генералов, что составляет следствие протекционной системы, особенно развитой в кавалерии; 2) послаблением при экзаменах на первый офицерский чин; 3) дурной системой преподавания военных наук в школах, в которых преподавание ведется чисто догматически, на военную же историю не обращают почти никакого внимания; 4) формальным только соблюдением приказов, отданных с целью поднять уровень образования офицеров. Особенного в этом отношении внимания заслуживает судьба приказа, на основании которого офицерам ежегодно должны быть предлагаемы для решения тактические задачи, препровождаемые затем на рассмотрение начальства. Задачи действительно представляются; но они содействовали не развитию познаний офицерства, а возникновению особой промышленности, имеющей предметом поставку задач офицерству за известную плату. Посредниками в подобных случаях зачастую бывают факторы евреи... Этого одного факта, кажется, достаточно бы было для обрисовки понятий, сложившихся, благодаря системе, и о собственном достоинстве, и о служебном деле в офицерских обществах. В складе понятий, когда он отличает целые общества, личности винить нельзя: тут уже виновата система... Один из

штаб-офицеров должен читать офицерам лекции зимой: лекции действительно читаются, имея предметом буквальное повторение параграфов устава.

При такой обстановке возможно ли укоренение чувства долга? Нет: оно невозможно там, где все основано на произволе, а не на законе. Возможна ли любовь к своему делу? Нет: она невозможна там, где за преданность ему над тобою же посмеются. Возможно ли развитие сметливости, предприимчивости? Они немыслимы там, где царит страх ответственности, где быть разбитым в исполнение приказания иногда гораздо выгоднее, нежели побить в противность приказанию.

Если прибавить к этому, что разнородные национальности, входящие в состав армии, теперь уже сознают вполне, что австрийские интересы — не их интересы, то характеристика духа австрийской армии будет достаточно полна.

ЗАМЕТКИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ АРМИИ

Воспитание австрийского солдата в пехоте составляет логическое последствие сказанного: в нем всего менее ожидают от человека, всего более от совершенства выучки. Так как солдат рассуждать не должен, то и выучить его следует так, чтобы ему никогда не приходилось рассуждать, а только исполнять заученное. Человек существо чрезвычайно странное: он всегда превращается в то, за что его принимают в практических отношениях к нему. Так, например, не говорите ему, что он человек, и не держите спичей о нравственном достоинстве, о высоком назначении и проч., но обращайтесь с ним как с человеком, и он разовьется и умственно, и нрав-

ственno. Наоборот: рассказывайте ему двадцать раз на день о человеческом достоинстве и о всем прочем, но в то же время обращайтесь с ним, как с набитым дураком или со зверем, и, как бы вы ни красноречиво рассказывали ему о достоинстве человека и о прочем, он все-таки отупеет или обратится на известный процент в зверя.

На австрийском солдате это подтвердилось лучше всего: каких руководств для него не написано, а все-таки он остался ненаходчив и до штыка не охотник. Забыли составители инструкций, что война именно тем и хороша, что не всему в ней можно репетиции сделать; что действия, наиболее ошеломляющие человека, репетиции не подлежат, и успех в них зависит не от того, на сколько солдат выучен, а от того, насколько он сохранил свободное распоряжение человеческими способностями, т.е. умом и волей. Тут и обнаруживается, у кого человек уважается действительно, т.е. делом, а не словом: там он всегда будет развязнее, находчивее, энергичнее.

Чтобы показать, до какой степени в Австрии стараются избавить от работы ум солдата, привожу несколько выдержек из австрийской рекрутской школы.

«Если между стрелком и неприятелем есть речка, ручеек, пруд и т. под., то первый прикроется своим ранцем, который ему будет в то же время служить и опорой для ружья».

«Канавы, глубина которых не превосходит $4\frac{1}{2}$ футов и которых направление параллельно фронту противника, весьма выгодны».

«Если они глубже показанного, т.е. если, стоя на дне их, нельзя стрелять, стрелок должен вырыть себе в скате, ближайшем к неприятелю, ступеньки, чтобы можно было становиться на них для выстрела закрыто и опирая ружье».

«Для заряжания он спускается на дно канавы, между тем как товарищ его занимает его место».

«Если скат канавы отлог, стрелок ложится на него или приседает на колени так, чтобы можно было стрелять с опертым ружьем и не очень открываясь».

«Сделав выстрел, он спускается так, чтобы быть совершенно закрытым во время заряжания».

...«Отдельные деревья составляют прекрасные закрытия, смотря по большей или меньшей их толстоте».

«Стрелок должен становиться вплоть к дереву, таким образом, чтобы касаться его левой рукой». (!)

«Для выстрела он упрет ружье к правой стороне дерева, равно и кисть левой руки; он выставит голову не более, как сколько нужно для прицеливания, подавая по возможности корпус назад».

Этих выписок довольно, чтобы судить о духе австрийской рекрутской школы. Болезненное стремление к точности в таких вещах, в которых она не имеет смысла, невоздержное желание обустановить малейшее движение стрелка и внушить ему постоянную заботу об укрытии себя, заботу, которая в бою и без того слишком сильна, — вот характеристические черты австрийского устава. При этом не мешает вообразить себе рекрута, только что взятого от сохи, запуганного, ошеломленного, но игравшего в прятки дома и, следовательно, превосходно изучившего индивидуальное применение к местности, и рядом с ним учителя, объясняющего ему далеко не шуточным тоном это применение к местности, в образе снимания ранца за ручьем, упирания левого плеча в дерево и проч., и проч.: картина умственного развития, возможного при этой системе, нарисуется сама собой.

Другие части австрийского устава написаны не менее обстоятельно, но совершенно в том же духе. Основания взяты прекрасные, но осуществлены опять в форме, которая признана наилучшей на все случаи и которую следует заучить только, чтобы бить врага. Особенного внимания в этом отношении заслуживает линейное ученье, показывающее, что лучшие начала не ведут ни к чему, если попадаются в руки людям, не понимающим той простой вещи, что где человек не выработан, там форма не поможет.

В этом уставе допущены уже:

Независимость батальонов в бригаде, бригад в корпусах, в том смысле, что относительное их положение не утверждено раз навсегда, а переменяется, смотря по удобству развертывания и другим обстоятельствам.

Замена команд и сигналов при маневрировании нескольких батальонов рассылаемыми приказаниями.

3) Возможное сбережение резервов.

Но, при педантическом осуществлении этих начал и при совершенном презрении к свойствам человека, сбережение резервов привело к тому, что австрийцы подставляют под удары свои силы по частям; втирание тактических правил повело к тому, что или бросаются почти без подготовки в штыки, как было в нынешнюю войну, или же, появившись неожиданно перед неприятелем, подготавливают атаку артиллерией, т.е. дают ему время опомниться¹; части, едва успевшие подрасти, сменяют, уничтожая, таким образом, свежесть войск и в то же время не получив от них всего того усиления, к которому они способны.

¹ Сражение у Падестро в 1859 г.

Общий вывод: формы совершенные, но мертвые; знание, втертое войскам продолжительным педантическим обучением, и совершенная неспособность применить это знание сообразно с обстоятельствами; мало того: совершенное отсутствие инициативы, вследствие страха ответственности, и крайняя впечатлительность в том смысле, что малейшая неудача приводит начальников к убеждению, что все уже сделано и что более сопротивляться невозможно.

Так было перед итальянской кампанией 1859 г., и это положение, несмотря на преобразования, не изменилось: не изменилось потому, что преобразования касались той же формы, а человек по-прежнему был забыт. А там, где не только не требуют от человека энергии, а напротив, как будто боятся ее, естественно возникает стремление заменить ее механическим совершенством организации, хорошим состоянием материальной части и т. под. При этом забывается одно: что средства сами не действуют, что они являются силой только в руках опять-таки живого, не забитого, рассуждающего человека...

От этого в австрийской армии мы наталкиваемся на замечательное явление: венгры, поляки, чехи, взятые отдельно, храбры и доказали это многими блестящими подвигами; а между тем австрийская армия, набранная из этих храбрых племен, дерется не совсем устойчиво и теряет всегда громадное число пленными.

Вредные стороны общей системы по необходимости должны сильнее отражаться на пехоте, как на роде войска, состоящем только из людей; в специальных родах оружия оно будет слабее, ибо в кавалерии человек находит некоторое спасение за лошадью, в артиллерии — за пушкой.

Кавалерия. Образование кавалерии сделало со времени итальянской кампании громадные успехи. По одиночному развитию она одна из первых в Европе в настоящую минуту, и в этом отношении стоит несравненно выше прусской кавалерии. Снаряжение ее тоже заслуживает особенного внимания: одежда чрезвычайно простая¹, свободная, никаких вычурных украшений.

Рациональным соображением всех сказанных предметов австрийская кавалерия обязана преимущественно барону Эдельсгейму, который был начальником 1-й легкой дивизии в армии Бенедека.

Эдельсгейм, бесспорно, один из замечательнейших кавалеристов нашей эпохи; он из тех редких людей в австрийской армии, которые с бою взяли карьеру.

Под Сольферино он командовал полком, который опрокинул кавалерию, прикрывавшую левый фланг Мак-Магона. Этот блестательный подвиг и выдвинул его. Заслужив затем доверие императора, он принялся за преобразования. Строгая последовательность их боевым началам и свобода от рутины регулярных кавалерий заставляют думать, что Эдельсгейм строил эти преобразования не на одном личном опыте, но и на прочном опыте веков: одним словом, что он

¹ Видел на пленных. Простота применена к одежде всех родов кавалерии, кроме гусар (и венгерской пехоты); но там теснота панталон и украшения обусловливаются национальными привычками венгров, привычками, которые должны быть уважаемы безусловно в армиях, где мало-мальски понимают, что такое дух войска. В Австрии, в прежние г., думали посягнуть и на это, для достижения однообразия в одежде пехоты; но впоследствии оказалось, что в венгерских полках под казенными широкими штанами солдаты все же продолжали носить свои, узкие. После этого в Австрии отказались от посягательства на национальные привычки.

одинаково хорошо знаком не только с современной рутиной, но и с историей кавалерийского дела. Судьба этого человека поучительна как доказательство: что может сделать одна личность с сильным призванием. Быв эскадронным командиром, Эдельсгейм не раз сидел под арестом за то, что походом водил свой эскадрон не шагом. Тем не менее он продолжал настаивать на своем, так что ему посулили даже отрешение от командования. Правда, налицо был тот факт, что эскадрон его был всегда в отличном состоянии.

Не знаю, благодаря чему Эдельсгейм попал наконец в полковые командиры; а счастливая случайность, поставившая его в положение заявить себя на сольферинском поле, завершила его карьеру.

Вот основания его системы:

Возможно большее развитие одиночной ловкости всадника.

Приучение к преодолению препятствий, доведенное до того, что в мирное время он заставлял часто переправляться вплавь через довольно большие реки.

Переходы длинные; английская рысь, за исключением случаев прохождения церемониальным маршем.

Отмена кирас у кирасиров; уничтожение разницы между прямыми и обратными порядками при развертывании.

Могут сказать, что в последнюю кампанию кавалерия австрийская своим поведением не очень поддержала rationalность системы барона Эдельсгейма: отвечу, что если бы даже и безусловно было так, то это зависело бы более от общих нравственных причин, неблагоприятно действовавших на армию; но дело в том, что подобное мнение и не совсем верно, как увидим в последствии. Не говорю уже о том, что приготовить кавалерию — одно дело; употребить же ее — совершенно другое.

Артиллерия. В настоящую минуту австрийская полевая артиллерия находится в превосходном состоянии: полевых калибров всего два — четырех и восьмифунтовый. Строевые артиллеристы знают тактику своего рода оружия превосходно, боевую, а не мирно-военную тактику. В особенности поражают в австрийских артиллериистах беззаветное самоотвержение и свобода от двух предрассудков, которым подвержены многие артиллериии: 1) что потеря орудия будто равносильна потери знамени; 2) что нарезная артиллерия должна стараться не подъезжать к неприятелю ближе наибольшей действительности своего огня. Австрийские артиллериисты понимают очень хорошо, что там, где люди гибнут тысячами, нечего жалеть куска металла; что он достигает высшего своего назначения, нанеся неприятелю возможно больший вред, и что этого нельзя достичь артиллерией, не рискуя попасться в плен. Кениггрецкое сражение покажет все благодетельное значение для армии подобных, поистине боевых взглядов, когда ими проникнута артиллерия.

Привычкой выручать артиллерию в беде австрийская пехота похвалиться не может.

Корпус австрийского генерального штаба отличается ученым педантизмом при полном отсутствии практичности. Расчеты кабинетные умеют делать, но задаваться целями — нет. Диспозиции и инструкции составляют до крайности длинные, и с претензией написать все так, чтобы начальнику приходилось в деле не столько думать, сколько припомнить, какой параграф он в ту или другую минуту должен исполнить.

Причину такого направления австрийского генерального штаба позволяю себе объяснить так: будучи представителя-

ми теоретических познаний в армии, в которой дух офицеров не располагает к приобретению этих познаний, офицеры генерального штаба по необходимости поставлены в положение изолированное; вследствие этого, между ними, вероятно, многое есть таких, которые веруют в свое неизменное превосходство над строевыми офицерами только потому, что с грехом пополам знают, положим, военную историю. В свою очередь, нестроевые не могут не возмущаться подобным самомнением, тем более что, при столкновении с практикой дела, оно нисколько не оправдывается и ведет к самым смешным промахам, когда речь зайдет о жизни войск. Таким образом, одни воображают о себе больше, чем стоят, другие их чуждаются более, чем те заслуживают, и эти две силы, вместо того, чтобы идти рука об руку, подрывают, топят друг друга, не имея достаточно пунктов соприкосновения между собой, а следовательно, и взаимного понимания.

Корпус инженеров отличается таким же ученым педантизмом в своей специальности и отсутствием практического смысла, когда дойдет до дела. Неудавшийся взрыв новомаджентского моста в 1859 г. и педантическая тщательность отделки полевых укреплений, которые мне привелось видеть в 1859 г. в Италии и в 1866 на кениггрецком поле, служат этому достаточным подтверждением, тем более что и общая идея расположения не всегда была рациональна.

СОСТАВ АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ

Армия комплектуется посредством конскрипции, которой, за немногими исключениями, подлежат все австрийские подданные по достижении двадцатилетнего воз-

раста. Ежегодный контингент — 80 000—85 000. Но от конскрипции можно откупиться. Срок службы в действующих войсках восьми, в резерве двухлетний. Последний в мирное время не собирается. Краткость срока службы в резерве составляет слабую сторону австрийской организации, хотя должно заметить, что роль резерва играют вообще отпускные из числа состоящих на действительной службе более, нежели собственно так называемый резерв.

Всякий пехотный и кавалерийский полк постоянно комплектуется в известном округе одной и той же провинции; только специальные роды оружия комплектуются со всех частей империи, а флот — из приморских провинций. Вследствие этого австрийская армия представляет собою амальгаму полков, набранных из массы, части которой не только не связаны общими интересами, но враждебно относятся друг к другу, в особенности же к господствующему немецкому племени. Это до чрезвычайности затрудняет командование армией и усложняет ее приведение на военное положение: действующие полки никогда не бывают расположены в тех провинциях, из которых комплектуются, ибо располагать их на родине или поблизости считается опасным; считается не менее опасным давать полкам офицеров не чуждой национальности, вследствие чего общего между командирами и подчиненными не может быть много, ибо той и другой стороне доступны для понимания только разве командные слова. При такой обстановке нечего, конечно, и думать о таких, например, средствах развития, как грамотность.

Таким образом, комплектуется:

	Пехотных полков	Егерских батальонов	Кавалерийских полков
Немцами	8	10	3
Славянами	24	17	25
Венграми	23	1	12
Итальянцами	8	2	«*
Молдо-валахами	7	2	1
	80	32	41

* Так в оригинале таблицы.

Кроме того, Военная Граница и Тироль подчинены особым положениям. Все мужское население Военной Границы, способное носить оружие, считается на службе начиная с 20 лет; граничар не имеет собственности, землей пользуется только до тех пор, пока на службе. Мало того, он не имеет права заниматься каким-либо ремеслом, не имеют права купить земли — ни солдат, ни офицер. В военное время граничары составляют 14 полков и 1 отдельный батальон. Граничары представляют единственный иноплеменный род пехоты в Австрии, имеющий офицеров из соотечественников.

Тироль с Форарльбергом комплектуют только одну регулярную часть — императорский стрелковый полк, состоящий из 6 батальонов. В случае войны формируют для местной защиты особую милицию, состоящую из призывов: 1) стрелковых рот — 6200 человек, 2) волонтерных рот, 3) ландштурма.

Действующая армия имеет следующий состав:

1) *Пехота*. 80 полков, из 4 батальонов и одного запасного кадра каждый; из последнего в военное время формируются две роты пятого батальона, назначаемые для службы в крепостях. Батальоны шестиротные. 38 батальонов егерских также шестиротного состава, считая в том числе император-

ский егерский полк. При каждом батальоне кадр для формирования на время войны одной запасной роты.

Границары — 8 полков четырехбатальонного состава; 3 полка трехбатальонного состава, с прибавкой отдельного дивизиона (2 роты); 3 полка трехбатальонного состава.

Четвертые батальоны, где все — четырехротного, а прочие шестиротного состава.

Линейная пехота вооружена нарезными ружьями с трехгранными, а легкая — штуцерами с обоюдоострыми штыками; строится вся в две шеренги.

Кавалерия. 12 кирасирских полков пятиэскадронного состава; 2 драгунских, 14 гусарских, 13 уланских шестиэскадронного состава. В военное время пятые эскадроны в тяжелых и шестые в легких полках отделяются от полков и составляют резервные части для формирования рекрут и выездки лошадей.

Артиллерия. 12 полков десятибатарейного состава: из них 9 имеют 6 четырехфунтовых и 2 восьмифунтовых пеших, 2 четырехфунтовых конных батарей восьмиорудийного состава; одну парковую, четыре крепостные роты и одну ракетную батарею. Остальные три полка представляют ту разницу, что имеют по 1 четырехфунтовой, по 4 восьмифунтовых пеших и по 5 конных батарей.

В мирное время содержится только одна крепостная и одна запасная рота для обучения рекрут.

Вся австрийская полевая артиллерия вооружена медными нарезными орудиями, заряжаемыми с дула.

Инженерные войска. Два инженерных полка, в четыре батальона каждый, четырехротного состава. С приведением на военное положение, для каждого батальона формируется

одна запасная рота. Пионерных батальонов шесть, четырехротного же состава.

Санитарные роты числом 10, для подбирания раненых и устройства перевязочных пунктов.

6) *Обозные эскадроны*, числом 24.

Австрия начала военные приготовления в первых числах марта: первым шагом к ним было усиление частей войск, находившихся в Богемии и Галиции, призыв на службу отпускных этих частей и приказание приготовить в Адриатическом море пять броненосных фрегатов. Газетам строго было запрещено что-либо печатать об этих приготовлениях.

В середине апреля, по старому стилю, последовало распоряжение:

О приведении на военное положение полков, занимавших Венецианскую область, а также тех, которые из нее комплектуются¹. К первым из этих полков присоединены и их четвертые батальоны, для занятия крепостей четырехугольника.

О мобилизации действующих батальонов в полках граничар, которыми предполагалось занять Далмацию и усилить гарнизоны итальянских крепостей.

О принятии всех мер для скорейшего сбора отпускных в тех районах комплектования, в которых это не было еще сделано.

4) О закупке лошадей для кавалерии, артиллерии, обоза.

Приказ о приведении всей армии на военную ногу последовал вскоре после этих распоряжений.

В видах возможно скорого отправления действующих полков в Богемию и Италию, в Вене, Линце, Греце, Лемберге

¹ 8 пехотных полков, 2 егер. бат.; из них 3 находились в Богемии.

и в прочих больших городах сформированы были местные бригады из четвертых батальонов; в мае же месяце, в районах комплектования, из запасных дивизионов сформированы сначала пятые, а потом и шестые батальоны, которые комплектовались частью резервистами, частью волонтерами.

Только по окончании укомплектования этих частей разрешено было формировать волонтерные стрелковые корпуса в Вене, Штирии, Богемии и Венгрии и конный легион в Галиции.

В начале июня объявлен второй набор во всей империи, исключая провинции, на особых правах состоящих, и сформировано *пять* новых егерских батальонов.

Недостаток врачей побудил правительство, при самом начале вооружения, пригласить на службу вольнопрактикующих, отменив предварительное трехмесячное их испытание и определив в вознаграждение 200 гульденов старшим и 100 младшим врачам, не считая подъемных денег.

Для обеспечения продовольствия армии еще в мае месяце заключены контракты на поставку запасов в Богемию и Италию.

Для призрения раненых военное министерство сделало распоряжение об устройстве госпиталей на главных линиях железных дорог, на судоходных реках, вдали от больших городов, в дворянских замках и казенных зданиях. Многие госпитали были вверены попечению гражданских медиков, городских обществ и частных лиц.

Население ответило на этот призыв более сочувственно, нежели можно было ожидать по той апатии, к которой оно приведено в Австрии внутренней политикой. Чего не сделали бы, может быть, из одного расположения к собственному пра-

вительству, то готовы были сделать из ненависти к пруссакам. Средний класс воодушевляла злоба на зачинщиков войны, грозившей подорвать его, и без того уже шаткое, благосостояние. Дворянство тоже готово было принести некоторые жертвы, ибо прусские тенденции к объединению Германии грозили подорвать австрийские порядки, благодаря которым это дворянство весьма и весьма благоденствовало, невзирая на бедствия народа. Эти-то опасения и имели следствием то обстоятельство, что не только в немецких, но и в прочих провинциях развитая часть населения была настроена перед войной довольно благоприятно. Но особенной внутренней силы не могло быть в подобном настроении, что и обнаружилось крайней скромностью сделанных в пользу армии пожертвований.

Против итальянцев не существовало даже и того слабого возбуждения, которое вызвали пруссаки: многие между австрийскими подданными находили даже весьма естественным стремление их освободить своих собратий от чужеземного владычества.

Штатная сила австрийской армии перед войною была следующая:

	человек
80 полков пехоты — 240 батальонов	253 000
80 четвертых батальонов — 80 батальонов	80 000
43 егерских батальона	
(со включением вновь сформированных)	46 000
14 пограничных полков — 42 батальона	42 000
12 полков тяжелой кавалерии — 48 эскадронов	32 000
29 полков линейной кавалерии	
— 145 эскадронов	32 000

12 артиллерийских полков — 120 батарей,	
960 орудий	43 000
2 инженерных полка — 8 батальонов	7000
6 пионерных батальонов — 6 батальонов	6000
10 санитарных рот	2000
24 обозных эскадрона	24 000
Тирольское ополчение	6000
Волонтерные корпуса	12 000
Всего:	558 000

Запасные войска:

80 пятых и 80 шестых батальонов	160 000
41 эскадрон	7000
8 инженерных рот	1000
Всего:	163 000

Должно заметить, впрочем, что разница между штатным и наличным числом, судя по слухам, была весьма велика. К сожалению, относительно австрийской армии я много положительных данных собрать не мог.

Все действующие войска, за исключением 19 батарей и большей части четвертых батальонов, вошли в состав армий итальянской и богемской, кроме одной дивизии, командированной в союзный корпус, и войск, оборонявших Далмацию.

С распределением этих сил по армиям пришлось образовать два новых корпуса, что указывает на бесполезность корпусной организации в мирное время.

Северная армия, вверенная фельдцейхмейстеру Бепедеку, состояла из семи корпусов и пяти кавалерийских дивизий.

Корпус состоял: 1) из четырех бригад (разделение на дивизии было отменено после итальянской кампании), силой каждая в два полка пехоты, егерский батальон, батарею 4-фунтовую, эскадрон¹ и инженерную роту.

2) Из артиллерийского резерва в 6 батарей, с эскадроном в постоянное прикрытие.

Пионерного батальона и четырех инженерных рот.

Одной санитарной роты.

Двух полевых лазаретов.

Телеграфного отделения².

Третий корпус представлял то отличие, что был силой в пять бригад, из которых одна состояла только из пяти батальонов: полка граничар и двух четвертых батальонов.

Первая легкая кавалерийская дивизия состояла из трех, вторая — из двух бригад³; три резервные — каждая из двух⁴.

В общем составе северная армия представляла силу в 199 батальонов, 163 эскадрона, 648 орудий, 6 пионерных батальонов, 12 инженерных и 5 санитарных рот.

К этим силам должно причислить еще саксонскую армию, замечательную и своим превосходным духом, и тем, что из мелких германских армий только она одна была готова вовремя. По духу и образованию офицеров она стоит довольно близко к прусской армии, что и обнаружилось в деле: несмотря на то, что саксонская армия перебывала

¹ В III, VII и X корпусах было по одной бригаде, не имевших стрелковых батальонов.

² При IV корпусе не было инженеров; при VIII и X не было инженеров, пионеров, санитарной роты и полевых лазаретов. О телеграфных отделениях положительных сведений не имею.

³ Каждая из двух полков с конной батареей.

⁴ В бригаде три полка и одна батарея.

во всех делах против северной массы прусских сил, она не подчинилась игольчатой панике, везде дралась превосходно и даже после кениггрецкого погрома отступила в гораздо большем порядке, нежели австрийские корпуса, стоявшие в резерве и принимавшие в бою весьма мало участия. Саксонская армия представляла корпус силой в 20 батальонов, 16 эскадронов, 58 орудий, состоявший из двух пехотных дивизий, одной кавалерийской и из артиллерийского резерва. К каждой пехотной дивизии было прикомандировано два эскадрона.

Артиллерия состояла наполовину из нарезных орудий прусской системы, наполовину из гаубиц. К пехотным дивизиям было прикомандировано по две, к кавалерийской одна батарея; остальные пять батарей составляли артиллерийский резерв.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТЕЙ

Бенедек, сын небогатого венгерского медика или фармацевта, достиг своего положения благодаря беспримерной личной храбости и исключительному, при австрийских порядках, счастью. Ему теперь за 60 лет; сохранился хорошо. В 1848 г. он со своим полком решил победу под Новарой; он же взял Брешию, благодаря тому, что, переодевшись капуцином, пробрался в город и все высмотрел. Под Сольферино он один не только не потерпел поражения, но опрокинул итальянцев, и если отступил, то потому только, что отступила вся армия. После итальянской кампании, Бенедек был назначен главнокомандующим в Венецианскую область. Солдат обожал его; Бенедек ценил эту любовь.

Личная его энергия не подлежит сомнению: он незаменимый человек для того, чтобы устремить войска в бой для достижения указанной цели; но он едва ли способен сам себе ее поставить. Одним словом: будучи замечательным тактиком, Бенедек нисколько не стратег. Неохотно отправлялся он в Богемию, ибо не знал, как он говорил¹, ни театра войны, ни неприятеля, с которым предстояло драться. Эти причины наводят на мысль, что едва ли Бенедек имеет теоретическую подготовку к военному делу: сила его заключается в практической рутине, приобретенной на итальянском театре войны. Там он, вероятно, показал бы себя блестательно и в эту кампанию.

Недостаток теоретической подготовки едва ли не лучше всего объясняет нерешительность и слабость Бенедека в стратегических комбинациях, ибо в практическом знании дела и в личной решительности у него недостатка не было. Во всяком случае, он имел более практики, нежели кто-либо из прусских генералов: следовательно, разница между ними была преимущественно в силе мысли, выработанной у первых путем почти исключительно теоретическим.

К этой односторонности таланта совершенно естественной в Бенедеке, как в австрийском строевом офицере, присоединилось еще отсутствие веры в прочность своего положения.

Бенедек удержался в Италии в мирное время и, в предвидении войны, назначен главнокомандующим в северную армию. Голос народа и армии указывал на его назначение, как на удовлетворяющее всем симпатиям и надеждам; но

¹ Из довольно достоверного источника.

это была лицевая сторона медали: оборотную же составляло шаткое положение его в Вене, недоверие к себе и к армии. Это инстинктивно передалось главной квартире, а от нее и армии.

Говорят, Бенедек отказывался от назначения в Богемию, но его успокоили тем, что до войны, по всей вероятности, и не дойдет и что он получит самое широкое полномочие.

Как не дошло до войны — это мы уже знаем; что же до объема полномочий, то едва ли он был велик на деле, ибо в выборе непосредственных даже помощников, не говоря о корпусных командаирах, Бенедек едва ли был свободен.

Так, начальник штаба, *Геникштейн*, говорят, попал на это место по соображениям, не имевшим ничего общего со столь важным назначением. Еще в бытность в Италии Бенедек, чтобы отстаивать свои интересы в Вене, способствовал назначению Геникштейна в начальники главного штаба. Выбор для этой цели был превосходный: Геникштейн — человек бесспорно способный, но направивший свои способности на усовершенствование не столько в военной, сколько в той специальности, благодаря которой в Австрии легче выйти в люди. Чрезвычайно деятельный и притом саркастический, Геникштейн в непродолжительном времени приобрел сильное влияние в военном министерстве¹.

При формировании богемской армии устроено было назначение его начальником штаба: Бенедек не мог же утверждать, что Геникштейн, которого он сам перед тем рекомендовал в начальники штаба, не годится для новой своей должности. Пришлось согласиться, и на деле не предоставлять

¹ Kritische Bemerkungen.

ему ничего, кроме заведывания походной типографией и сношением с иностранными корреспондентами. В решении военных вопросов преобладающий голос принадлежал Кристманичу, помощнику начальника штаба, который прежде никогда не служил под начальством Бенедека, и потому сомнительно, чтобы был им избран.

Кристманич, будучи человеком не без способностей, не допускает чужих идей, а между тем сам не имеет нужного взгляда и мнения, чтобы оценить обстоятельства и быстро решиться. Кроме его, никто не имел влияния на Бенедека; да Кристманич и не такой человек, чтобы терпеть рядом с собою человека, который мог бы его затмить.

О втором помощнике начальника штаба, *Нейперге*, отзываются как о человеке весьма способном в военном смысле, но страдающем огромным в таких положениях недостатком — слишком большою скромностью.

Из корпусных командиров австрийской армии более выдающимися должны быть признаны Габленц и Рамминг.

Габленц в итальянскую войну 1859 г. командовал бригадой; шлезвиг-гольштейнская война выдвинула его, и как, оказалось, это была не одна счастливая случайность: под Траутенау он оправдал доверие, которое на него возлагали. Вместе с тем он человек весьма тонкий и способный для тех назначений, в которых требуются не одни боевые способности, но и дипломатическая изворотливость.

Рамминг считался военным гением в австрийской армии; он был начальником штаба у Гайнау в венгерскую войну и заявил себя не только изобретательным в придумывании средств, но и решительным в исполнении. В итальянскую кампанию он тоже обратил на себя внимание предложением

отступить после маджентского боя не на Милан, а к югу, и занять фланговую позицию за Навилио-Гранде. Это предложение, хотя и не было осуществлено, представляет тем не менее мысль замечательную. Но рядом со способностью хорошо комбинировать он едва ли обладает достаточным упорством и энергией, необходимыми для того, чтобы бросать войска в бой, и в этом отношении составляет, по складу своих способностей, прямую противоположность с Бенедеком.

В заключение очерка характеристики австрийской армии, представлю краткий обзор инструкций, которые были ей даны перед войной.

ИНСТРУКЦИЯ БЕНЕДЕКА

Австрийские военачальники, подобно прусским, также дали инструкции, хотя это была лишняя роскошь, ибо, как я слышал, инструкций не читают в австрийской армии даже и начальники постарше, не говоря уже об офицерах — не читают потому, что смотрят на них как на вещь, рассылаемую только для очистки совести. Этот факт, полученный из совершенно верного источника, достаточно показывает степень апатии, в которую ввергнута армия и которой не может расшевелить даже война. Самые любопытные осведомляются о том, «что *tam* написано», от своих начальников штабов. Да и как читать? Половина только инструкции Бенедека, теперь появившаяся, занимает 18 страниц мелкой убористой печати: и с подобными инструкциями обращаться к людям, которые не имеют охоты к чтению! Принц Фридрих-Карл написал инструкции, которые обе легко умещаются на трех больших почтовых листах не очень убористого письма. Передвойной

учить поздно, а нужно только намекнуть; если же приняться учить, то, пожалуй, не учившегося прежде собьешь и с последнего толку.

Должно, впрочем, сказать, что стоит только прочесть инструкцию, дабы убедиться, что бенедековского в ней разве одна только подпись.

Есть в инструкции и дельные вещи, но они завалены таким множеством ненужных мелочей, что в массе последних невольно стушевываются. Это скорее диссертация, и притом не из лучших, чем инструкция для руководства войскам, объявляемая предводителем армии в такую торжественную минуту, как начало войны.

Начинается она с характеристики образа действий пруссаков, довольно удачной во всем том, что касается материальной стороны дела; но ни слова о духе армии. В этих пунктах сказано, что пруссаки рассчитывают преимущественно на огонь, что предпочитают в боевой линии ротные колонны прочим, что они стараются всегда атаковать с обхватом одного или и обоих флангов. Затем следуют нескончаемые подробности о том, когда они развертываются, когда сворачиваются, когда сменяют линии, одним словом — такие мелочи, которые об уставном механизме все же не дают ясного понятия, а между тем до крайности растягивают и, следовательно, затемняют дело. В одном инструкция ошиблась; но это одно обращает в ничто все предшествовавшие описания: она находит, что желание найти себе закрытие доведено в пруссаках до крайности, что *их нелегко вывести из-за закрытий для перехода в наступление*. Практика не оправдала последнего, по крайней мере относительно австрийской армии пруссакам чаще приходилось атаковать, чем обороняться, и

результаты показали, что они вовсе не так не любят атаки, как то казалось составителю инструкции.

О кавалерии и артиллерии сказано довольно едко, но опять только то, что относится до формы действий; настроение же человека упущено из виду, как и следовало ожидать от мирно-военного тактика.

Переходя к тому, как должны действовать австрийские войска, инструкция впадает уже совершенно в тон диссертации, начинающейся с того, что уставные правила во всяком случае сохраняют свою силу, ибо доверие к их достоинству составляет будто бы условие успеха на войне. Очевидно, что здесь под «сохранением силы» должно разуметь рабское подчинение уставным нормам, ибо применение их к делу без отступлений невозможно. Припомним отношение принца Фридриха-Карла к строевым уставам, и разница взглядов станет ясна сама собою.

Далее начинаются общие истины, уместные в теоретическом руководстве, но странные в практической инструкции, ибо из них ничего не выjmешь. Так, напоминается, что и безрассудная храбрость, и большая нерешительность одинаково нехороши¹; что, употребляя различные роды оружия, нужно принимать в расчет особенности каждого из них, а если они действуют вместе, то каждый следует употреблять своевременно, и т.п. Одним словом, мирно-военная тактическая во-

¹ При этом упущенено из виду, что человек, за весьма редкими исключениями, не способен сохранять равновесие подобного рода, и если его наклонять, то уже, конечно, лучше в сторону безрассудной храбрости, ибо к благоразумной осторожности его влечет и собственный инстинкт самосохранения. В бою не те войска делают дело, которые нужно подгонять, а те, которые необходимо удерживать. Дерзость всегда была и останется главным божеством войны.

дица, в которой даже такие великие вещи, как сноровка *идти на выстрелы*, растворены в массе слов, мертвое, безжизненно излагающих то, что должно у начальников и солдат войти в плоть и кровь.

О том же, что значат в деле неожиданность, упорство людей и начальника, доверие к последнему солдата, — ни слова. И таким-то образом тянется повествование по пустыне тактических советов, и важных, и неважных, без разбора, на целые 18 страниц.

Если и прерывается это мертвое и скучное однообразие повествования, то не словами, которые прожигают насеквоздь, как у Суворова или у Фридриха-Карла, — нет: прерывается оно выходкой отчаянного педантизма, от которой становится и грустно и смешно.

«У горного хребта, отделяющего Богемию и Моравию от Лузации и Силезии, начинается равнина, простирающаяся до Балтийского моря и между Вислой и Эльбой прорезываемая многочисленными реками, иногда протекающими в болотистых долинах», и т.д. Так начинается отдел «*О действиях войск в некоторых специальных случаях, в зависимости от известного театра войны*». Не правда ли, это начало скорее напоминает учебник географии, нежели инструкцию, долженствующую напомнить войскам характеристические черты их образа действий возможно более резко и рельефно? Но, по крайней мере, сами советы чему-нибудь учат? Посмотрим. Первый совет гласит, что на местах пересеченных следует употреблять дивизионные (двухротные), на открытой местности батальонные колонны; второй, что если часть терпит от огня, то ее нужно передвинуть; третий, что при обороне пехота должна закрываться за местными предмета-

ми или ложиться и т.д. Почему все это относится к прусской равнине, а не ко всякой местности, — решить трудно.

Еще образчик в том же роде — отдел о малой войне, который начинается так: «Под именем малой войны разумеются такие предприятия, при которых с небольшими силами должно достигнуть более или менее важные результаты, а именно: обеспечения своих войск, доставления им шпионов, разведывания, преследования неприятеля, нападения на отдельные посты, как в открытом поле, так и на квартирах», и т.д. Одно определение чуть не на целой странице. Школьно-теоретическое отношение к делу писавшего так и проглядывает из-за каждой буквы этого определения.

В общих замечаниях, которые инструкция прибавляет к этим указаниям, находим, наконец, указание на один из грунтовых принципов военного дела — на товарищество, на круговую поруку; но находим где же? Между пунктами о порядке представления дневных сведений и о том, что чины, которым полагается быть верхом, не должны сползать с коней во время дела... Нетрудно видеть, можно ли человеку, не знающему, в чем суть дела, ознакомиться с ней из подобной инструкции.

Дальше находим, что храбрость офицеров — вещь хорошая, но она должна выказываться в надлежащем случае и в надлежащее время, ибо, — прибавляет инструкция, — «часть, потерявшая своих офицеров, теряет всякое значение в бою». Этого признания довольно для того, чтобы видеть, что австрийское начальство даже и не подозревает о существовании той страшной силы, которая называется личной предприимчивостью всякого солдата, отдельно взятого. Оно и по настоящее еще время воображает, что часть, потерявшая

порядок, обращается в толпу, которая ничего не в состоянии сделать. С таким взглядом далее парадного совершенства не уедешь: в бою беспорядок составляет неизбежное явление; следовательно, нужно хлопотать и в мирное время не столько о механическом порядке, сколько о внутреннем, ибо при нем и обращенная в толпу часть сохраняет возможность исполнять возлагаемые на нее назначения.

Впрочем, чтобы быть справедливым, необходимо упомянуть, что не совсем же забыли и о солдате; подумали и об облегчении его...

Так, разрешено дозволять, *преимущественно в жаркое время*, распускать галстуки и расстегивать пуговицы; разрешено также в промежутки боя подкреплять себя пищей, не выходя, впрочем, из рядов.

Пехота *может* ложиться на землю, не выходя из рядов, для укрытия от взоров неприятеля. Заметьте, только «может», а не должна: это скорее уступка человеческой слабости, нежели мера, обусловливаемая необходимостью сбережения войск...

И пусть не подумают, чтобы это были пустячные облегчения, — нисколько: чтобы расположить начальников принять их к руководству и в то же время оправдаться в таком вольнодумстве, составитель счел за нужное прибавить:

«Если эти облегчения для войск предписываются высшим начальством, то на них нужно смотреть как на доказательство заботливости начальства о войске, а отнюдь не как на нарушение дисциплины».

Нарушение дисциплины в распущенном галстуке, или в том, что под огнем начальник положит свою часть... При таком складе понятий результаты можно предугадать.

Сказанного довольно для того, чтобы видеть дух инструкции и судить, могла ли она служить полезным руководством для начальников, и могла ли она выйти из-под редакции Бенедека. В ней слышится та же совершенно нота, что и в правиле, вышеприведенном из «Рекрутской Школы», которым предписывается стрелку, располагаясь за деревом, упираться в него левой рукой и левым плечом, и проч.

Одно только принадлежит Бенедеку в этой инструкции: приданье штыку преобладающего значения. Но и это великое начало было понято слишком буквально и, при недостатке упорства как в людях, так и в начальниках, повело к тому только, что бросались в атаку почти без подготовки и ни разу не довели дела до конца.

ИНСТРУКЦИЯ ЭРЦГЕРЦОГА АЛЬБРЕХТА

Отдохнем от этого тактического чада на работе действительно замечательной — на инструкции тоже австрийской, но главнокомандующего итальянской армии. Мы не обинуясь ставим ее рядом с инструкцией Фридриха-Карла: так много в ней понимания боевого дела, духа своей и неприятельской армии, так много в ней, наконец, заботливости о солдате. Она дорога для нас и в другом отношении: она разъясняет дух и направление австрийского начальства. Вот почему решаюсь представить краткий ее очерк, несмотря на то, что не коснусь военных действий в Италии.

«Офицеры генерального штаба не ответственны за решения, принятые начальниками.

Этого основного правила начальники не должны терять из виду, что укрепит в них доверие к собственным силам и энергию, без чего они и не годятся в начальники».

Этих двух пунктов, кажется, пояснить нечего: они говорят сами за себя.

«Даже ошибочные диспозиции, исполненные энергично, нередко обращали в победу наполовину проигранное сражение... Самого храброго генерала с лучшим войском может постигнуть несчастье; но главнокомандующий защитит его, если он действовал решительно и с самоотвержением, и войска, невзирая на потери, не будут нравственно расстроены...

Важные донесения посыпать дублетом.

Довольствие — одна из главных забот начальника... Для сохранения людей и лошадей, в особенности при форсированных маршах, разрешается увеличивать порции и дачи...» Это уже несколько больше, чем распущенный галстук.

«Не менее важно заботиться, чтобы солдаты своевременно получали теплую пищу; ничто так не отражается на нравственном состоянии войск, как когда им часто мешают обедать, заставляя выливать котлы...»

Санитарный отдел инструкции не менее замечателен: он весь проникнут той мыслью, в которой теперь уже немногие сомневаются, именно, что в войске важны не столько и медицинские, сколько гигиенические меры.

Вторая часть инструкции начинается превосходной характеристикой итальянской армии.

«Сардинская армия после последних походов сделала большие успехи по части снаряжения, вооружения, обучения, довольствия войск и управления ими, но в нравственном отношении она не поднялась». Это противоположение всех возможных материальных совершенств нравственной данной в особенности замечательно, ибо показывает в авторе инструкции глубокое понимание того, от чего зависит успех в бою.

«Прежний рыцарский и монархический дух офицеров, вследствие примеси к ним эмигрантов, волонтеров и лиц, изменивших прежнему своему знамени, значительно ослабел. Между солдатами дух единства и преданности, существовавший в пьемонтской армии, где каждый полк состоял из жителей одного округа, не может более существовать, ибо теперь пьемонтцы в полках составляют меньшинство, в смеси со всеми другими итальянскими племенами, из которых многие не любят военной службы и значительная часть не расположена к Пьемонту. Все это заставляет думать, что итальянская армия не будет в состоянии выносить продолжительные лишения, что в ней проявятся разложение и дезертирство в больших размерах и что только неоднократные успехи, залогом которых может служить численный перевес, послужат ей цементом и возбудят веру в свои силы...»

Характеристика каждого из родов оружия не менее метка, равно как и выводы из нее об образе действий австрийских войск.

«Этой армии отнюдь не следует давать возможности одерживать перевес в начале войны в небольших стычках, при помощи численного перевеса, чем итальянцы воспользуются для укрепления недостающей в них веры в собственные силы».

Совет в высшей степени замечательный: на войска впечатлительные или по натуре, или потому, что они не успели сплотиться в одну массу, первые стычки производят громадное впечатление и надолго определяют тон кампании. У итальянцев поэтому действительно есть сноровка пускать в дело возможно большие силы в начале кампании, даже и

при пустячных стычках. В инструкции это и подмечено, и предупреждено.

Все следующие советы не менее замечательны. Остановимся в особенности на одном — относительно артиллерии: он весь проникнут пониманием боевых свойств артиллерии и в высшей степени замечателен как полное отрицание мирно-военных представлений об этих свойствах.

«Благодаря значительной дальности новых орудий и успехам, сделанным нашей артиллерией относительно подвижности и умения преодолевать препятствия, представляется возможность даже на пересеченной местности Италии употреблять ее большими массами, чем прежде¹. Но надобно расстаться с укоренившимися опасением потерять орудие. Если артиллерия исполнила свой долг и оставалась до последней минуты на месте при защите позиции, несколько раз опрокидывала неприятеля картечью и потеряла несколько орудий, подбитых или лишенных прислуги, то батарейный командир заслуживает похвалы и награды за свою храбрость и самоотвержение; если же напротив, он, для защиты своих орудий, слишком рано снялся с позиции и тем ослабил пехоту, то он должен быть отдан под суд».

«Впрочем, хорошая пехота наверное донельзя будет отстаивать свои орудия; а в крайнем случае потеря вполне окунется, если захваченные неприятелем орудия нанесли ему чувствительный урон и способствовали продолжительной защите позиции».

¹ У мирно-военных артиллеристов выходит наоборот: так как теперь артиллерия стреляет дальше и лучше, то ее не следует подвозить к неприятелю ближе наибольшей действительности ее огня. На этом основании при пересеченном театре войны следовало бы вовсе отказаться от употребления артиллерии.

Подобным образом ясно сознанного и решительно высказанного основного принципа употребления артиллерии не находим нигде, даже в инструкции Фридриха-Карла, не говоря уже об инструкции для северной австрийской армии. В последней есть что-то подобное, но оно высказано так вяло и безжизненно, что основную мысль открыть не только трудно, а, напротив, скорее можно прийти к обратному заключению, т.е. что артиллерия прежде всего должна хлопотать о прикрытии.

Вот доказательства:

«Чтобы батарея могла вполне исполнить свое назначение, — сказано в инструкции для северной армии, — необходимо, чтобы как прислуга ее, так и лошади были всегда обеспечены постоянным приличным прикрытием от нападения неприятельских стрелков или кавалерии».

Это приличное прикрытие определяется затем не менее как в 24 стрелка, при четырех унтер-офицерах и одном офицере, или в полуэскадроне. Следовательно, раз это игрушечное прикрытие есть, соседние батареи пехотные или кавалерийские части могут считать себя не обязанными относительно ее круговой порукой?

«Прислуга при орудиях должна быть приучена (?) считать себя под защитой известного прикрытия, совершенно безопасного от неприятельского нападения». Ну, а если нападение последует, тогда что?

«Отряд, раз назначенный в прикрытие батареи, остается постоянно при ней во всех случаях».

Даже батареям, находящимся в резерве, полагается за нужное придавать более или менее сильное, смотря по обстоятельствам, прикрытие. И так далее, на странице с лишком.

И только в конце этого широковещательного отдела сказано, что «батарея, стоящая на позиции, в случае неприятельской атаки, должна продолжать стрельбу до последнего момента, а прикрытие — охранять только фланги ее».

К чести австрийских артиллеристов должно сказать, что они не заботились о непосредственном прикрытии так, как располагала к тому инструкция.

Сделав посильный очерк духа армий, понятий, в них укоренившихся, характеристику личностей, от которых главнейше зависел успех дела, могу перейти собственно к военным действиям. Приступ, сознаюсь, был несколько длинен. Извиняясь в этом, не могу, однако ж, не оговорить в свое оправдание, что факты военной истории без подобного приступа являются мертвым материалом, ибо в них пропадает именно то, от чего эти факты более всего зависят, и без чего многих из них нельзя осмыслить.

III

ОЧЕРК ТЕАТРА ВОЙНЫ

В стратегическом отношении Богемия разделяется Эльбой и Молдавою на две половины: восточную и западную. Восточная, в настоящем случае, в особенности важна для нас. Граница этой части Богемии по Рудному хребту и Судетам представляет протяжение около 300 верст, считая от Эльбских ворот до Троппау. Доступы в нее для больших сил возможны: 1) от Дрездена через проход Шлюкенау на Мюнхенгрец, 2) от Герлица и Циттау на Рейхенберг; 3) от Глаца через Наход и от Ландсгута через Траутенау к Кралевору (Кёнигингоф).

Гичин составляет главный узел этих путей и находится переходах в пяти от Шлюкенау, в трех от Герлица и в трех от границы графства Глац. По всем этим направлениям пролегают превосходные шоссе. Но удобных поперечных сообщений между ними до реки Изера на севере и до верхней Эльбы на востоке — мало.

Железные дороги. В Богемии пролегают две железные дороги: одна долиною Эльбы, от Дрездена через Терезиенштадт, Прагу и далее на Пардубиц; другая от Циттау, через Рейхенберг, Иозефштадт и Кралеград (Кёниггрец) тоже на Пардубиц. Эти направления преграждаются крепостями: западное — Терезиенштадтом, восточное — Иозефштадтом и Кралеградом. Но поперечная ветвь между ними — Турнау-Кралюп — не упирается ни в одну из крепостей¹, следовательно, при занятии Богемии с севера, дает возможность неприятелю получить железнодорожное (хотя и ломаное) сообщение — Рейхенберг—Турнау—Кралюп—Пардубиц.

От Пардубица оба пути сливаются в один до Чешской Тржебовы, откуда он разветвляется на Брюнн и Голомуц (Ольмюц); и так как ни пардубицкий, ни тржебовский узлы ничем не обеспечены, то неприятель мог воспользоваться железной дорогой до Брюнна и далее до Вены.

Из этого видно, что расположение железных путей в Богемии и Моравии едва ли можно признать хорошо соображенными со стратегическими условиями: устроить соединение богемских линий у Краледвора или же начать брюннскую ветвь не от Чешской Тржебовы, а от Голомуца, едва ли не было бы предпочтительнее.

¹ Если не считать крепостью Прагу, которой австрийцы не держали.

Недостаток соображения со стратегическими условиями еще ощутительнее в ветви, идущей от Голомуца в Краков: на протяжении около 90 верст, эта линия проходит вдоль южно-силезской границы не далее, как в двух-трех верстах от нее; следовательно, пруссакам, с началом войны, не представлялось никакого затруднения уничтожить эту линию, что и было сделано.

Оборонительные линии. На северном направлении наступления в Богемию — горный хребет и река Изер. Шоссе пересекают эту реку у Турнау, Подола и Мюнхенгреца. На восточном — тоже горный хребет и верхняя Эльба. Удобных переправ через нее много выше Иозефштадта. Часть течения Эльбы между Иозефштадтом и Кралеградом образует превосходную стратегическую позицию, даже предполагая соединение у Гичина удавшимся. Расположение между этими крепостями, фронтом к западу, прикрываясь Эльбой, вдвойне выгодно, ибо составляет активную фланговую позицию, относительно направления от Гичина на Вену, и притом угрожает ближайшему источнику средств пруссаков г. Силезии, так как находится в промежутке между Гичином и этой провинцией.

Пространство от северо-восточного угла Богемии до Траутенау недоступно для больших масс.

Рассматривая чисто местные свойства, должно признать, что Богемия представляет для австрийцев весьма большие выгоды как в оборонительном, так и в наступательном отношении.

В оборонительном — дает возможность, держа силы сосредоточенными на пространстве Гичин—Иозефштадт—Кениггрец, устремляться против неприятеля, с которой бы

стороны он ни появился, и встречать его разрозненного переходом через дефилеи.

В наступательном отношении выгоды положения Богемии еще значительнее: сосредоточив в ней войска, можно направиться или на Берлин, или на Силезию, заблаговременно не обнаруживая расположением войск своих настоящих намерений.

Из этих двух направлений первое, бесспорно, выгоднейшее, в особенности потому, что и Саксония находилась на стороне Австрии и что, заняв эту страну, австрийская армия прикрыла среднегерманских союзников, становилась всего в семи переходах от Берлина и, при благоприятных обстоятельствах, могла разделить прусские силы, которые до начала действий поневоле приходилось держать в двух массах: для прикрытия Силезии и прямого пути наступления на Берлин. На пространстве от саксонской границы до Берлина нет неодолимых местных преград; да если бы и были, то жертвы, которые пришлось бы принести для их преодоления, с лихвою окупались, в случае удачи действий, занятием столицы противника.

Опасения за свои сообщения со стороны Силезии, предполагая наступление австрийцев на Берлин, едва ли могли быть серьезны, так как пруссаки употребили бы, вероятно, все усилия для преграждения прямого пути к своей столице.

Операционное направление на Силезию представляло гораздо меньше выгод, ибо преграждалось крепостями Глац, Нейссф и левыми притоками Одера.

О разделении сил пруссаков, действуя по этому направлению, нельзя было и думать.

Остальная часть австрийской границы, доступной пруссакам, т.е. от Троппау до нашей границы, не представляет

особенных местных преград. Через нее пролегает ближайшее операционное направление из Силезии на Вену; но, во-первых, на этом направлении находится Ольмюц — сильный укрепленный лагерь; во-вторых, это направление все же имеет протяжение не менее как в 11 переходов, и, в-третьих, Вена, кроме Ольмюца, прикрыта Дунаем. Но в 1866 г. австрийцы, как кажется, боялись этого направления, ибо оно сближало пруссаков с недовольной Венгрией.

Местные выгоды и невыгоды, которые театр войны представлял для пруссаков, уже отчасти видны из сказанного.

Прямое и самое решительное направление на Берлин не имеет непосредственного обеспечения. Этой, по-видимому, непредусмотрительности не могу себе объяснить ничем иным, кроме убеждения в неспособности австрийцев к решительным действиям и пониманием того, что в самых критических обстоятельствах нет лучше обороны, как наступательная. Для этой последней обороны, т.е. для наступательной, у них все было приготовлено превосходно: по завету Фридриха, Берлин следует оборонять в Силезии, выступающее положение которой давало возможность угрожать тылу и флангу богемской армии, а в крайности поднять восстание и в Венгрии. Могут заметить, что и из Богемии можно угрожать Силезии: совершенно так, ибо выгоды или удобства всех материальных данных обыкновенно уравновешиваются; одни же выгоды возникают, а невыгоды стушевываются только при условии нравственных и умственных свойств того, кто этими данными пользуется. В Силезии приготовлено все как для наступления, так и для активной обороны. Для наступления — множество сообщений всякого рода: естественная линия Одера, с обеспеченными переправами в

крепостях Глогау и Козеле, бесчисленное множество шоссе, и, наконец, превосходно соображенная сеть железных дорог; для второй цели, т.е. для обороны собственно, — стратегическая позиция Глац—Нейссе, прикрытая с фронта рекою последнего имени. Эта позиция прикрывает фронтально центр Силезии от вторжения австрийцев и делает обход ее с правого фланга делом трудным, а с левого весьма рискованным и не сулящим никаких особенных выгод.

Дороги. Расположение путей в Силезии достойно большого внимания и изучения: все, что только можно было сделать для того, чтобы обеспечить сосредоточение войск у богемской границы и передвижение их вдоль ее, было сделано с поучительной обдуманностью и законченностью. Вдоль всей границы, в самом близком от нее расстоянии, от Герлица до Нейссе идет шоссе; от него направлено к самой границе около двадцати отростков. Затем, параллельно же границе, но уже в значительном расстоянии от нее, идет железная дорога Кольфурт—Лигниц—Бреславль—Козель—Одерберг, тоже параллельная богемской границе. Она прикрыта на большей части своего протяжения позицией Глац—Нейссе и крепостью Козель. Только в одном месте, именно у северо-восточного угла Богемии, эта дорога пролегает в расстоянии 28 верст от границы, но и этот участок в случае перерыва заменяется другим — от Бреславля на Глогау к Сорау, идущим на большей части своего протяжения за Одером.

Наконец, даже предполагая перерыв и этого пути, остается еще третье железное сообщение Силезии с центром государства — на Познань и Франкфурт.

От дороги, рассекающей таким образом Силезию пополам и представляющей как бы осадную параллель относительно

богемской границы, к этой последней ведут пять ветвей, в нее упирающихся и представляющих как бы апроши. Таковы: 1) от Кольфурта на Гиршберг; 2) от Лигница на Франкенштайн; 3) от Бреславля на Вальденбург; 4) от Брига к Нейссе; 5) от Ратибора к Леобшюцу.

При такой подготовке театра войны, понятно, что как оборона Силезии, самая активная, так и сосредоточение сил для наступления с этой стороны в Богемию становились одинаково легкими.

IV

ПЛАНЫ ОБЕИХ СТОРОН

Как уже сказано, Бенедек мог действовать: наступательно — на Берлин или Бреславль; оборонительно — для преграждения пути в Богемию, или на Ольмюц к Вене. Предполагая выбор первого плана, т.е. наступления через Саксонию на Берлин, можно было, в случае неудачи, перейти к плану обороны Богемии. Можно было наконец, начав с обороны Богемии, перейти, в случае удачи, в наступление или в Силезию, через графство Глац, или же к Берлину, через Циттау. Наступление, как и оборона, на ольмюцском направлении, не сулили результатов особенно решительных и могли только затянуть кампанию на неопределенное время. Тем не менее вначале было избрано это последнее направление, что доказывается первоначальным расположением главной массы сил Бенедека.

Перед началом кампании, около 11 июня, мы застаем австрийскую армию в следующих пунктах:

I корпус, графа Клам-Галласа, главная квартира Прага; бригады: *Пошахера* в Праге, *Лейнингена* в Терезиенштадте, *Пире* в Иозефштадте, *Рингельсгейма* в Теплице.

В ведении графа Клама состояла также 1-я легкая кавалерийская дивизия Эдельсгейма, бригады которой находились: *Ателя* у Кралевора, *Валлиса* у Скалица, *Фратрицевича* в Рейхенберге. На части этой дивизии было возложено наблюдение горных проходов от Эльбы до Скалица.

II корпус в Гогенмауте и окрестностях.

III и X корпуса в Брюнне и окрестностях.

IV и VI — в Ольмюце и окрестностях.

VIII — в Аусице, в резерве за остальными.

2-я легкая кавалерийская дивизия (Турн Тажсис), в австрийской Силезии, наблюдая границу.

1-я резервная кавалерийская дивизия принца Голштейн, в Проснице.

2-я резервная кавалерийская дивизия Зайчека, в Кремсире.

3-я резервная кавалерийская дивизия Куденгове, в Виштау.

Такое расположение указывает на намерение преградить путь в Моравию.

Причины этому заключались, сколько можно судить по неполным данным, в том, что австрийская армия еще не была укомплектована и что главнокомандующему, как кажется, предписано было выждать с началом действий, чтобы дать время вооружиться германским союзникам. Может быть также, что это расположение было вызвано отчасти и опасениями, которые внушала недовольная Венгрия.

Как бы то ни было, но слабое занятие Богемии во всяком случае едва ли может быть оправдано: оно и имело следстви-

ем смелое движение пруссаков в двух разрозненных массах на Краледвор и Гичин. Правда, как увидим ниже, Бенедек успел передвинуть большую часть своих сил к Иозефштадту ко времени открытия военных действий; но пруссаки этого не знали, ворвались в Богемию под тем впечатлением, что большая часть австрийских сил еще на марше. Это убеждение, с одной стороны, нерешительность Бенедека — с другой сделали остальное.

Пруссаки имели вначале исключительной целью оборону от вторжения собственных пределов; вследствие того они расположили свои корпуса кордоном вдоль саксонско-богемской границы, не задаваясь, как кажется, вначале никаким определительным планом для действий. Корпуса были расположены так: 8-й и 14-я дивизия (7-го корпуса) между Галле и Торгau; 2-й, 3-й, 4-й — от Торгau до Герлица; кавалерийский корпус — у Котбуса; 5-й — в Ландсгуте; 6-й — в Вальденбурге; кавалерийская дивизия — в Стригау; 1-й — на марше в Гиршберге и Шёнау. От этих частей выдвинуты были сторожевые отряды к границе. Кроме того отрядам: *Кнобельсдорфа* (пехотный полк № 62, уланский № 2 и одна 6-фунтовая батарея), выдвинутому в Ратибор, и *Штолеберга* (два ландверные кавалерийские полка и от каждого верхнесилезского ландверного батальона по две роты в 150 человек), выдвинутому в Николай, была поручена оборона Верхней Силезии. Только в первых числах июня эти силы были сгруппированы в известные уже три армии: эльбскую — у Торгau, 1-ю — у Герлица, 2-ю — у Глаца.

Но и после этого прусские военачальники некоторое время держались мысли действовать оборонительно; кажется, между главнокомандующими первой и второй армиями

было даже положено, в случае наступления Бенедека против которого-нибудь из них, уклоняться от боя, пока другой не поспеет на помочь.

Что в вероятности наступления со стороны Бенедека были убеждены, доказательством может служить маневр второй армии перед вторжением в Богемию: корпуса ее (1-й, 5-й, 6-й), около 11 июня, начали передвижение к Нейссе, для преграждения пути Бенедеку, который расположением главной массы своих сил в Моравии делал впечатление, будто он имеет намерение вторгнуться в Силезию. Только одна бригада 1-го корпуса была оставлена для наблюдения горных проходов графства Глац.

К этому же времени относится и присоединение гвардейского корпуса ко второй армии. Его начали перевозить по железной дороге в Бриг 13 июня и окончили эту операцию 22-го, т.е. в десять дней¹. Начиная с 15-го по 22-е ежедневно отправляемо было по двенадцати поездов.

С присоединением гвардейского корпуса, вторая армия возросла до 125 000 — сила, с которой можно было решиться на бой с противником значительно сильнейшим, конечно, при благоприятных условиях местности. Позиция у Нейссе вполне удовлетворяла этому.

Но все эти приготовления окончились на деле совершенно обратно: вместо обороны Силезии решено было вторгнуться в Богемию, так что передвижение к Нейссе оказалось не

¹ В это время перевезено всего: 1154 офицера, 35 323 нижних чина, 9334 лошади, 115 двухколесных и 827 четырехколесных повозок. От Берлина до Брига около 400 верст ($56\frac{1}{2}$ миль), т.е. 18 маршей и 6 дневок; следовательно, перевозкой выиграно 14 дней. Должно, впрочем, иметь в виду, что эта линия в два пути.

только лишним, но повело к упщению самой благоприятной минуты для вторжения в Богемию,

Внутренняя причина такого поворота заключалась в медлительности Бенедека, которая прямо наводила на предположение, что он хочет выиграть время, следовательно, к действиям не готов. Понятно, что, даже и решившись на оборону, нельзя было упускать случая заставить противника действовать ранее, чем то он считал для себя выгодным.

Внешним побуждением к резкому переходу от обороны в идею к решительному наступлению в действительности послужили следующие обстоятельства:

15 июня, т.е. на другой день по расторжении Германского Союза, Пруссия обратилась, в числе прочих, к Саксонии с предложением привести ее армию на мирное положение и принять прусский проект реформы Союза. Сроку на размышление дано было двенадцать часов. В случае согласия, Пруссия гарантировала степень независимости, сообразную проекту реформы; в случае отказа грозила войной.

Саксония отклонила это предложение, и вечером 15-го ей¹ объявлена война. Саксония обратилась с просьбой о помощи к австрийцам; тогда Бенедек двинул свои войска из вышеуказанного расположения к Иозефштадту, 17-го.

Вот каким образом пруссаки были приведены к идеи о вторжении в пределы Австрии. План этого вторжения и должно признать первой стратегической комбинацией с их стороны. Она была основана на двух данных: 1) Богемия занята слабо; 2) главные силы Бенедека находятся в таком от нее отдалении, что разрозненные прусские массы соеди-

¹ А также Ганноверу и Кур-Гессену.

нятся в Богемии ранее, нежели он успеет там сосредоточить свои; следовательно, можно решиться на вторжение по двум операционным направлениям. К этим данным, может быть, присоединялось еще и убеждение в традиционном свойстве австрийцев упускать удобную минуту для действия.

Так как на долю второй армии выпадала труднейшая роль, ибо она должна была дебуширивать вблизи вероятного пункта сосредоточения сил Бенедека — следовательно, рисковала наткнуться если не на все, то на значительную часть их, то и положено было, для развлечения внимания противника, начать наступление северных масс несколькими днями ранее.

V

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Наступление эльбской и I-й армий к границам Богемии. 16 июня н. ст. эльбская армия вступила в Саксонию западнее Эльбы тремя колоннами: на Стрела и правее этого пункта. Она не встретила сопротивления; саксонская армия, уничтожив мосты через Эльбу у Риза и Мейссена, а также перепортив железную дорогу Лебау—Циттау, предприняла отступление в Богемию, на соединение с I корпусом. Мосты на Эльбе были исправлены весьма скоро, благодаря тому, что о вероятности их порчи подумали заранее; 17-го Герварт продолжает наступление по западной части Саксонии, занимая постепенно важнейшие ее пункты и забирая в свое распоряжение железные дороги. 18-го занят Дрезден, между тем как первая армия, со своей стороны, заняла Бишофсверд, Бауцен и Циттау. Занятие Саксонии сократило фронт действий пруссаков с 270 на 190 верст.

Затем Герварт, переправившись через Эльбу у Пирны, двинулся к горному проходу Шлюкенау.

Таким образом, две северные массы прусских сил стояли уже на границе Богемии около 20-го, но остались в бездействии до 23-го. Причину этой остановки, как кажется, можно объяснить тем, что хотели дать время II армии, стоявшей, как уже сказано, у Нейссе, перейти к богемской границе.

Марш II армии к Ландсгуту и в графство Глац. 19 июня, вероятно вследствие получения сведений о начале движения австрийских корпусов из Моравии в Богемию, в главной квартире II армии получено было приказание короля: оставить один корпус у Нейссе, 1-й корпус двинуть к Ландсгуту, а остальные два расположить в центральной позиции, так, чтобы они могли, смотря по обстоятельствам, или наступать в Богемию вместе с 1-м, или же поддержать корпус, оставленный у Нейссе. Это уже служило довольно ясным указанием на то, что Бенедек, по всей вероятности, спешит в Богемию; тогда мысль предупредить его там начала облекаться мало-помалу в осозательную форму в главной квартире II прусской армии, и все последующие распоряжения составляют уже ее осуществление. 6-му корпусу, оставляемому в исполнение приказания, у крепости Нейссе, предписано было перейти на правый берег Нейссе и сделать демонстрацию наступления в Австрийскую Силезию. Вместе с тем послано приказание в Верхнюю Силезию о заготовке квартир на всем пространстве правого берега Одера. Все эти меры имели целью скрыть истинное намерение вторгнуться в Богемию.

21-го, т.е. день спустя после того, как войска приступили к исполнению указанных передвижений, получено предваре-

ние, что поведение Австрии на франкфуртском сейме равнозначно объявлению войны, с чем прусские войска и должны сообразоваться. То же сообщено и в северную массу. В тот же день передовые части 6-го корпуса, достигнув австрийской границы, имели на дороге в Фрейвалльдау столкновение с неприятельскими аванпостами, в котором одна из фузилерных рот пехотного № 10-го полка отразила с уроном атаку австрийских гусар.

22 июня из Берлина получена телеграмма о наступлении всеми силами в Богемию, на Гичин. В это время опасение потерять благоприятную минуту для наступления возросло в главной квартире II армии уже до того, что, кронпринц, еще до получения депеши, просил разрешения начать наступление и подвинуть 6-й корпус к графству Глац, дабы его легче было притянуть в Богемию. Разрешение на последнюю меру получено было 23-го, по телеграфу.

Результатом всех этих распоряжений было то, что 25 июня II армия подвинулась к границе Богемии и стояла в следующих пунктах:

1-я линия.

1-й корпус (Бонин) у Шёмберга.

5-й корпус (Штейнмец) между Глацом и Рейнерцом.

Резерв.

Гвардия (принц Виртембергский) у Шлегеля (к сев. от Глаца, верстах в 12).

Кавалерийская дивизия (Гартмана) у Вальденбурга.

6-й корпус (Муциус): бригада у Глац, остальные силы у Пачкау, верстах в 30 за Глацом, по линии Нейссе.

Главная квартира — Эккерсдорф, между Шлегелем и Глацом.

Расположение это занимало по фронту, не считая гор, около 35 верст; гвардейский корпус находился от 1-го верстах в 35, от 5-го, которому, как ближайшему к австрийцам, угрожала и большая опасность, в 15. Генералу Штейнмецу не случайно выпал на долю самый опасный пост: на его энергию рассчитывали и, как вскоре увидим, не ошиблись.

Современное положение австрийской армии. Просьба саксонцев о помощи вывела австрийскую армию из неподвижности: 17-го, корпуса, расположенные в Моравии, двинулись к Иозефштадту и в окрестности. Следовательно, совершилась первая перемена операционного плана, если только первоначальное расположение предполагало какой-либо план. Сосредоточение у Иозефштадта показывало намерение Бенедека, держа свои силы в Богемии сосредоточенно, действовать против неприятеля, разрозненного и тактически, и стратегически, т.е. и дебуширением через горные дефиля, и наступлением по двум операционным направлениям.

Движение совершено под прикрытием II корпуса, который для этой цели и для обеспечения железной дороги переведен в Чешскую Тржебову. Приняв в расчет расстояния и положив дневку на каждые четыре перехода, окажется, что II корпус (Тун) мог прибыть к Иозефштадту 19-го; IV (Фестетич) и VI (Рамминг) — 24-го; III (эрцгерцог Эрнст) и X (Габленц) — 25-го; наконец VIII (эрцгерцог Леопольд) — 26 или 27 июня. Итак, время для сосредоточения австрийской армии с целью действия против II прусской, собственно, потеряно не было.

Армия, около 25 июня, действительно была готова к встрече противника, по крайней мере с востока.

1-я линия.

И корпус (Кдама), с бригадой Калика, стоял на левом берегу Изера, между Мюнхенгрецом и Турнау. X-й в Краледворе, VI в Опочно.

2-я линия.

IV и VIII, с 1-й резервной кавалерийской дивизией, у Иозефштадта, где и главная квартира.

Резерв.

III, с двумя резервными кавалерийскими дивизиями, к северу от Пардубица.

II, со 2-й легкой кавалерийской дивизией, на марше от Чешской Тржебовы к Опочно.

Расположение главной массы сил (не считая I и II корпусов), т.е. пяти корпусов, занимало, следовательно, около 30 верст по фронту и 40 в глубину, при полном удобстве сообщений по всем направлениям.

Итак, задавшись вопросом, была ли возможность подавить II прусскую армию превосходными силами, должно разрешить его утвердительно. Посмотрим же, как австрийцы воспользовались этой возможностью.

Действия на севере Богемии. Продолжение наступления пруссаков. 23 июня I прусская армия, не встретив никакого сопротивления, вступила в Богемию в двух колоннах: правая — 4-й и 2-й корпуса, с кавалерийским корпусом — от Циттау через Гrotttau на Рейхенберг, имея в авангарде 8-ю дивизию (Горна); левая (3-й корпус) от Марклины и Зейденберга через Фридланд и Нейштедтль, тоже на Рейхенберг, имея в авангарде часть 5-й дивизии (Тюмплинга). Артиллерийский резерв и обозы втягивались за колоннами в горы в

течение 23 и 24 июня. 24 июня Рейхенберг был занят, после незначительного кавалерийского дела.

23-го же эльбская армия, через Шлюкенау, также вступила в Богемию в одной колонне, имея в авангарде бригаду Шёлера¹ и направляясь на Гюннервассер; от Габеля 14-я дивизия² направлена влево, на Бёмиш Айха, для восстановления связи с I армией; 8-й же корпус продолжал движение на Гюннервассер.

Положение против них австрийцев. Против этих армий, представлявших силу в 138 000, стояли только I австрийский корпус и легкая кавалерийская дивизия Эдельсгейма, т.е. никак не более 35 000 или 40 000. К ним должны были присоединиться еще саксонцы, которые усилили бы северный австрийский отряд до 60 000 или 65 000. I корпус имел первоначальным назначением покровительствовать отступлению саксонцев и замедлить, по возможности, наступление прусских сил. К тому времени, в которое происходили описываемые события, большая часть I корпуса была сосредоточена западнее Мюнхенгреца; только бригада Пошахера выдвинута к Либенау, на путь, ведущий от Рейхенберга к Гишину; а бригада Рингельсгейма, с гусарским полком, оставлена у Теплица, для того, чтобы скорее войти в сообщение с саксонской армией. Дивизия Эдельсгейма, расположенная у Турцау, должна была, по-прежнему, выслеживать направление колонн неприятеля.

18 июня первые саксонские колонны прибыли к богемской границе. Относительно саксонской армии было уже

¹ 8-го корпуса: 29-й и 69-й пехотные полки; батарея.

² 7-го корпуса: гр. Мюнстер 16, 56, 17, 57-й пехотные и 7-й драгунский полки; 4 батареи.

получено приказание, немедленно по прибытии, перевезти возможно скорее по железной дороге в окрестности Пардубица саксонскую пехоту, артиллерию и обоз; кавалерии же, вместе с бригадой Рингельсгейма, присоединиться к I корпусу, чтобы вместе с ним, тоже по железной дороге, переехать к Кениггрецу. Это приказание обнаруживало намерение, оставив почти без всякого внимания левое крыло, сосредоточенными силами обрушиться на кронпринца. Но на этой решимости остановились недолго. 21-го, когда уже две трети саксонской армии было перевезено в Пршелауч, получено приказание I корпусу и саксонцам сосредоточиться у Юнг-Бунцлау.

К 25 июня это приказание было исполнено: I корпус сосредоточен у Мюнхенгреца, саксонцы западнее, у Юнг-Бунцлау и Бакофена. Положение этого отряда против неприятеля, более чем вдвое сильнейшего, было критическое. Тем не менее приходилось держаться, так как самый возврат саксонской армии указывал на то, что главнокомандующий придает значение задержанию противника с этой стороны, хотя, судя по последующим фактам, он и не потыкался выразить определительно своих намерений на этот счет.

Продолжение наступления пруссаков. 25-го авангард дивизии Горна, пройдя Либенау, наткнулся на бригаду Пошахера, занимавшую позицию южнее этого пункта, на высоте у Гилловей. После довольно продолжительной перестрелки австрийцы отступили на Подол, для сближения со своими главными силами.

Мост у Подола был подготовлен к уничтожению, но не уничтожен; для охраны его поставлен слабый оборонитель-

ный пост из одной роты полка Мартини (№ 30)¹. Эта рота, по австрийскому обычаю, расположилась впереди моста и заняла деревушку Подол.

1-я кавалерийская дивизия не могла задержать пруссаков на местности, представляющей весьма редко возможность употребить кавалерию. Отступив от Либенау, Эдельгейм мог остановиться только на одной позиции, представлявшей небольшую площадку для развертывания. Это было у Зихрова, на половине пути между Либенау и Турнау. После артиллерийского дела он отступил к Турнау и оттуда с большей частью своей дивизии к Мюнхенгрецу, куда прибыл 26-го. Только два эскадрона, составлявшие правый боковой отряд его у Эйзенброда, и две егерские роты, отделенные случайностями боя, отступили через Ломниц в Гичин.

Таким образом, прямая дорога на Турнау была открыта, благодаря тому, что Бенедек не отдал никакого положительного приказания насчет цели, какую должен иметь в виду Клам; этот же последний, как кажется, упустил сам себе отдать отчет в своей роли. Понятно, что, с переходом Турнау в руки пруссаков, не только не представлялось возможности обороны линии Изера, но даже можно было рисковать быть отрезанным от Гичина.

Горн, отрядив в направлении к Подолу фузилерный батальон 72-го полка и две роты стрелкового батальона, продолжал со своей дивизией наступление к Турнау; 26-го занял этот пункт и вместо разрушенного навел понтонный мост через Изер. Таким образом, пруссаки на кратчайшем пути к Гичину не имели более серьезных препятствий.

¹ Бригады Пошахера.

К этому нужно прибавить, что остальные части первой армии к вечеру того же дня были у Дибенау и в окрестностях, т.е. не далее, как верстах в 10 от Турнау; 14-я дивизия достигла Бёмиш Айха, 8-й корпус стоял верстах в 20 от Мюнхенгреца, за Гюннервассером. Одним словом, 27-го, на линии Мюнхенгрец—Турнау, пруссаки, при небольшом усилии, могли сосредоточить все свои 135 000.

В таком положении были дела, когда Кlam-Галлас получил 26-го (между 2—3 часами пополудни) приказание главнокомандующего держать Турнау и Мюнхенгрец во что бы то ни стало. Обстоятельства далеко не благоприятствовали его исполнению, так что Турнау перешел в руки пруссаков; но приказание было положительное. Кlam решился попытаться его выполнить. Это и имело следствием ряд кровопролитных дел, нравственно подорвавших I корпус и не принесших в общем смысле никакой особенной выгоды австрийской армии.

Пассивная оборона за рекой была признана невозможной даже в том случае, если бы удалось вытеснить пруссаков из Турнау: такая оборона потребовала бы разброски сил на 14 верст¹, да вдобавок при недостатке поперечных сообщений. Поэтому решено было оборонять линию Изера впереди ее, именно 27-го, утром, двинуться на Зихров и занять позицию у Гилловея, ту самую, которая так легко была сдана 25-го.

Прежде всего предполагалось взять Турнау нечаянным нападением, так как, по сведениям, доставленным отрядами 1-й легкой кавалерийской дивизии, этот пункт занят был

¹ От Мюнхенгреца до Турнау.

пруссаками слабо. Предварительные движения для этой цели назначены вечером 26-го; а чтобы не встретить препятствия переходу через Изер у Подола, вознамерились высоты у деревни Свиган, прилегающие к Подолу с севера и, следовательно, командующие переправой, занять бригадой Пошахера. Вместе с тем главнокомандующему было донесено о предположении, сделанном с целью исполнить его приказание «держать Турнау во что бы то ни стало».

Стычка у Подола. Но тут случилась неожиданность, расстроившая всю комбинацию австрийцев: ничтожный отряд, направленный за бригадой Пошахера и состоявший, если припомнить, из одного фузилерного и двух рот стрелкового батальона, вечером решился атаковать Подол: он без всякого труда, конечно, выбил оттуда австрийскую роту и занял деревню. Этого было достаточно, чтобы изменить первоначальное, в сущности хорошее, распоряжение; полк 30-й и 18-й егерский батальон, вместо того, чтобы направить на Свиган, двинули прямо на мост, дабы выбить пруссаков из Подола фронтально. Было уже часов около одиннадцати вечера. Атака удалась, но не без больших потерь и не надолго: пруссаки пустили в ход свои игольчатые ружья; поднявшаяся луна осветила место побоища, и частые залпы¹ в упор по густым массам австрийцев, ворвавшихся в улицу селения, производили губительное действие. Несмотря на то, пришлось отступить пруссакам. Граф Кlam сам присутствовал при этой стычке и даже, говорят, был впереди, чтобы удобнее распоряжаться в сумраке и тумане. Он притянул бригады Абеля² и Пире, но, кажется, употребил из них только самую незначительную часть, ибо стычка окончи-

¹ В 33 минуты по 22 выстрела на человека.

² Бывшая Калика.

лась все же в пользу пруссаков, благодаря тому, что они усвоили себе важную сноровку идти на выстрелы. Батальон 31-го и батальон 71-го полка, под начальством полковника Бозе, явились по этому боевому зову к Турнау, без приказания. Вслед за ними пришли и фузилерные батальоны тех же полков, и упорный бой, длившийся три часа, т.е. до двух часов ночи, наградил отвагу и упорство пруссаков. Австрийцы произвели отступление по всем классическим правилам, со сменой частей: полк Мартини и 18-й егерский батальон отступили за батальон полка Рамминга¹, который, в свою очередь, отступил за мост. Цель не была достигнута, но маневр удался, и тем легче, что пруссаки даже не думали преследовать: и того уже было довольно, что за ними осталось, при подобной обстановке, место побоища.

Это дело имело следствием, что пруссаки стеснили еще более расположение Клама, ибо, с овладением Подолом, преградили ему и другой путь на Гичин. В распоряжении австрийцев осталась теперь одна только дорога, ведущая туда от Мюнхенгреца; но у Субботки она соединяется с той, которая идет от Подола.

26-го же начались дела и с эльбской армией. Незадолго до полудня головной отряд бригады Шелера достиг Нидер-Группей и сбил австрийские аванпосты. В подкрепление им высланы были 33-й пехотный полк и 32-й егерский батальон², под командой графа Гондрекура. Этот отряд, 27-го утром, оттеснил пруссаков до Гюннервассера, но здесь наткнулся на главные силы бригады Шелера и принужден отступить. Пруссаки его не преследовали.

¹ Бригады Абеля.

² Бригады Лейнингена.

Так как вследствие ночной тревоги все войска были утомлены¹, мост у Подола потерян и дело у Гюннервассера указывало на приближение неприятеля и с этой стороны, то наступление на Зихров не могло уже состояться ни в каком случае; мало того: даже и у Мюнхенгреца оставаться более было опасно, если хотели сохранить возможность попасть в Гичин, и бесполезно, так как, оставаясь у Мюнхенгреца, нельзя было надеяться задержать наступление неприятеля.

Несмотря на то, вероятно, из желания исполнить буквально приказание главнокомандующего — держать линию Изера, — у Мюнхенгреца продолжали стоять. Наконец, 27-го, около полудня, в ответ на посланные предположения о наступлении к Либенау, от главнокомандующего получено сообщение, что так как неприятель наступает в значительных силах со стороны Траутенау, то принцу Саксонскому предоставляется решить — будет ли уместно, или нет, движение на Либенау. Конечно, можно заметить, что по происходившему у Траутенау легче было принимать решение распорядителю всей операции из Иозефштадта, а не частному начальнику из Мюнхенгреца; но в главной квартире думали об этом, кажется, иначе и более всего, по-видимому, страшились определительных распоряжений в том именно, что только и может быть решено в общей главной квартире. Хорошо, что у Мюнхенгреца дело настолько уже разъяснилось, что не допускало колебаний: нужно было отступать к Гичину, и чем скорее, тем лучше.

8-й прусский корпус шел от Гюннервассера прямо на Мюнхенгрец; в долине Изера, на пространстве от Подола до

¹ А в деле участвовали только пять батальонов.

Турнау, виднелись бивуаки масс I армии. Наконец, от разъездов было получено донесение, что пруссаки направили колонну по гичинской дороге от Турнау еще 26-го вечером; следовательно, было более нежели вероятно, что эта колонна будет усиlena в течение 27-го. При таком положении всякий потерянный час мог привести за собой катастрофу.

Несмотря на то, хотя еще оставалось полдня впереди, решились начать отступление не ранее 28-го. Только бригада Рингельсгейма отряжена была 27-го, на дорогу из Подола в Субботку, к Подкосту, в виде бокового арьергарда. Предположено было с началом отступления двинуть дивизию Эдельсгейма через Субботку к Гичину; за ней бригады Пошахера и Пире, в арьергарде оставлены бригады Абеля, Лейнингена и часть бригады Пире, которые должны были прикрыть отступление, расположившись на позиции впереди Мюнхенгреца, на горе Муски.

Со своей стороны, саксонская армия должна была оставить арьергард у Мюнхенгреца и двинуться южнее I корпуса, на Либун и Гичиновец, тоже 28-го.

АРЬЕРГАРДНОЕ ДЕЛО У МЮНХЕНГРЕЦА, 28 ИЮНЯ

Не вытянулись еще колонны по указанным направлениям, как уже появились пруссаки: арьергардам пришлось вступать в бой, чтобы дать время отступить главным силам. Бездействие 27-го начало приносить свои плоды.

Позиция австрийцев была весьма сильна: ее составляла гора Муски, весьма крутая, лесистая и прикрытая болотистыми прудами; доступы к ней ограничивались только тремя дефилем: 1) шоссе и железная дорога от Подола через Брезину

к Мюнхенгрецу левее горы, под выстрелами с нее; 2) плотина от Здиара к Санта-Мерия, прямо против середины горы, и 3) шоссе от Турнау через Здиар и Зегров в Субботку, идущее правее горы, тоже под выстрелами.

Позиция саксонцев у Мюнхенгреца была не менее сильна, ибо преграждалась Изером и его широкой низменной долиной. Австрийцы расположили свой арьергард по гребню Муски, обращенному к Подолу; саксонцы не ограничились занятием Мюнхенгреца, а заняли еще лежащий на противоположном командующем берегу Клостер. Между саксонской и австрийской позициями расстояние было не менее 3 верст.

Пруссакам предстояло достигнуть двух целей: соединить обе разрозненные армии и предупредить, если можно, австрийцев у Гичина. Вследствие этого направление войскам было дано следующее, утром 28-го:

1-я армия: по правому берегу, на Подол к Брезине, дивизия Горна; по левому, от Турнау на Здиар и Зегров, дивизия Франзецкого и за нею 2-й корпус; 3-й и кавалерийский корпус — от Турнау к Ровенско, по дороге к Гичину.

Эльбская армия: 8-й корпус, имея впереди дивизию Канштейна, через Нидер-Группей к Мюнхенгрецу; 14-я дивизия от Бёмиш-Айха на Могельниц.

Около восьми часов утра Горн подступил к прудам, прикрывающим гору Муски, и приостановился, в ожидании приближения Франзецкого. Австрийцы открыли из своих батарей огонь, который не причинил Горну особенного вреда, так как гранаты заседали в болоте. Франзецкий, приблизившись к горе и обойдя ее слева, взобрался по крутым тропинкам и охватил правый австрийский фланг, потерявши при этом значительное число пленных. Австрийцы начали отступать.

Тогда Горн, пройдя Брезину, атаковал гору со своей стороны, и обе дивизии без особенных усилий¹, замедляемые только пересеченной местностью, достигли противоположного ската и овладели деревней Босин, стоящей у его подошвы, на шоссе из Мюнхенгреца в Субботку.

Несколько позже началось дело и против саксонцев. Подкрепления их аванпостов, занимавшие Нидер-Группе и Вейслейн, были сбиты пруссаками; у Клостера завязалось жаркое артиллерийское дело, после которого саксонцы отступили за Изер. Тогда авангард Канштейна (28-й и 40-й полки), заняв Клостер, двинулся к Изеру. Так как саксонцы успели разрушить мост, то часть людей был переправлена вброд через Изер, правее Мюнхенгреца, под покровительством огня батарей, заняла несколько отдельных строений и прикрывала наводку моста до ее окончания (около полудня), после чего вся 15-я дивизия перешла Изер в этом пункте; дивизия же Мюнстера верстах в двух ниже, у Гашкова, у которого мост, как кажется, не был уничтожен саксонцами; саксонцев начали теснить к высоте Горка, прилегающей к шоссе на Гичин, у той же деревни Босин. Дивизия Мюнстера (14-я) тоже достигла Могельниц и переправилась у этого пункта после незначительной перестрелки.

Таким образом, австрийцы и саксонцы были сбиты с позиции — судьба почти всех арьергардов — но задержали пруссаков до четырех часов и дали спокойно отступить главным силам; начав отступление 27-го, они могли бы его совершить без потерь. Кроме перевеса, на этот раз довольно решительного, пруссаки достигли тоже весьма важной по

¹ Что доказывается ничтожной потерей.

внешности цели: *две разрозненные северные массы их наконец соединились.*

Пруссаки потеряли в этих делах до 300 человек, потери австрийцев в точности неизвестны, но одних пленных взято до 1500 человек. Преследование продолжалось до Фюрстенбрюка, у которого прекращено около четырех часов пополудни. Австрийцы отступили на ночлег к Субботке, саксонцы к Унтер-Баузену.

Со стороны пруссаков принимали участие в деле части пяти дивизий; со стороны австрийцев и саксонцев — около $4\frac{1}{2}$ бригад¹.

Это было первое серьезное дело по вступлении в Богемию: со стороны пруссаков оно обращает на себя внимание стремлением ввести в бой возможно больше сил. Позволяю себе объяснить это не столько тем, чтобы они ожидали у Мюнхенгреца упорного сопротивления, сколько желанием дать участвовать значительному числу частей в деле, успех в котором был несомненен. Это лучшее средство дать молодым необстрелянным войскам боевую заправку и поселить в них убеждение, что с неприятелем справиться легко.

IV корпус, соединившись у Босина, был оставлен там на дневку, 29-го, так как с самого вступления в Богемию он шел все время в голове I армии и нуждался в отдыхе. Эльбская армия остановилась на ночлег правее IV корпуса, впереди Мюнхенгреца.

¹ Мне не удалось нигде найти положительных сведений относительно того, сколько именно участвовало в деле со стороны саксонцев; но, принимая в соображение, что на другой день у Гичина дрались только дивизия Штиглица, должно предположить, что у Мюнхенгреца задерживала пруссаков другая саксонская дивизия — Шимпфа.

II корпус, дойдя за дивизией Франзецкого до дороги Подол—Субботка у Зегрова, остановился на ночлег, выдвинув авангард к Косту, занятому 26-м егерским батальоном бригады Рингельсгейма. В ночь с 28-го на 29-е этот авангард атаковал австрийский батальон в лесу превосходными силами, но не имел успеха. Рингельсгейм удержал дефиле Коста и Подкоста в своих руках до тех пор, пока Клам оставался у Субботки.

Голова III корпуса дошла 28-го до Ровенско. Передовые части его приблизились к Гичину; но прибывшая к этому пункту кавалерийская дивизия Эдельсгейма отбросила их обратно к Ровенско.

Вечером 28-го от Эдельсгейма получено в Субботку донесение, что у Ровенско и Аугезда открыто 3 пехотных полка и 8 эскадронов; вследствие этого бригада Пошахера тотчас же и значительная часть бригады Пире ночью двинуты в Гичин. Вместе с тем, так как на следующий день можно было опять ожидать боя, то и штабу саксонской армии отдано приказание направить дивизию Штиглица и резервную артиллерию к Подграду 29-го, в три часа утра; кавалерийскую же дивизию присоединить к первому австрийскому корпусу. Дивизия же Шимпфа должна была продолжать следование по указанному прежде направлению. I-й корпус должен был, по-прежнему, достигнуть Гичина. Этот переход 29-го к полудню был окончен беспрепятственно. Вместе с оставлением ночлега главными силами, бригада Рингельсгейма притянута от Подкоста тоже к Гичину.

Заключения. От Рейхенберга до Гичина 42 версты, которые пройдены были пруссаками в пять дней: судя по известным данным, едва ли это движение можно признать реши-

тельным, если взять в расчет превосходство сил со стороны пруссаков, им известное. Потеря времени повела к тому, что Клам предупредил пруссаков у Гичина и восстановил тем прямое сообщение с Бенедеком; пруссаки же должны были брать 29-го Гичин с боя, между тем как накануне могли занять его почти без выстрела. Могут сказать, что нужно было соединиться с Гервартом; но Клам и не подумал бы оставаться у Мюнхенгреца, если бы узнал, что Гичин, находящейся у него в тылу, занят превосходными силами.

Задача I австрийского корпуса исполнена была неудовлетворительно: дефиле были оставлены без всякой обороны. Здесь дело было не в остановке, но в задержке северной массы прусских сил на возможно более продолжительный срок: этой цели можно было достигнуть вполне с самыми незначительными силами, при свойствах, представляемых северными дефиле, ведущими в Богемию. Значение решительных позиций и направлений уразумевалось только тогда, когда они почти даром переходили в руки неприятеля. Примеры: позиция у Гиловей и открытие прямой дороги на Гичин через Турнау; оставление моста у Подола неразрушенным и охрана его такими ничтожными силами, которые не могли его отстоять.

Помощь фортификации была совершенно упущена из виду: дороги в дефиле не попорчены, важные позиции не укреплены.

Наблюдение за флангами во время боя, по-видимому, признается у австрийцев делом почти лишним; ибо, в противном случае, обход Франзецкого достался бы ему не так легко и не имел бы последствием взятия такого числа пленных.

Положение сознавалось ясно весьма редко, и оттого теряли время в такие минуты, которые вели за собой катастрофы.

Отступление с позиции у Мюнхенгреца предпринято слишком поздно не только потому, что не было начато 27-го, но и 28-го несколько часов потеряно совершенно даром. Судя по тому, что арьергард был поставлен в необходимость сражаться, должно допустить, что главные силы начали отступление на Субботку не ранее восьми или девяти часов утра 28-го. Если же бой у Мюнхенгреца начали с той целью, чтобы воспрепятствовать соединению эльбской и I армии, тогда нужно было употребить в дело не часть, а все силы.

Позиция у Мюнхенгреца, сильная тактически, представляла тот коренной стратегически недостаток, что путь отступления у нее был на фланге. Это обстоятельство более, нежели что-нибудь, указывает на ошибку оставления прямого пути от Турнау на Гичин.

Общий недостаток австрийских начальников — отсутствие настойчивости и неспособность задаваться решительно какой-либо целью — обнаружился ясно в сказанных делах: во время стычки у Подола поднимают три бригады (21 батальон), а употребляют в дело всего четыре или пять батальонов.

Графа Клама нельзя обвинять безусловно за принятые распоряжения: главная квартира не предоставляла ему той степени самостоятельности, которую должен пользоваться командир отдельного корпуса, а своими распоряжениями, беспрерывно отменяемыми, только сбивала с толку. Стремление руководить каждым шагом за десятки верст не только корпусного, но даже ротного командира ведет всегда к тому, что ему больше мешают, чем помогают делать дело. И рядом с этим представляются на решение такие вопросы, которые только могут быть решены в главной квартире, как, напри-

мер, держать или не держать линию Изера в зависимости от того, что неприятель идет на Траутенau.

В главной австрийской квартире, как кажется, не придавали никакого значения единству власти и поставили графа Клама и принца Саксонского в такое положение, что каждый из них мог себя считать главным распорядителем действий и движений.

БОЙ У ГИЧИНА, 29 ИЮНЯ

Стратегическое значение Гичина, как пункта соединения дорог, ведущих от северных и восточных богемских дефиле, уже известно. Гичин лежит в долине, окруженной с севера довольно высокими горами. Позиция для боя и была избрана на этих высотах, от Зелезницы (правый фланг) через Подульш, горы Краду и Прахов, откуда, под прямым углом, на деревню Дохов. Высоты Зелезницы отделяются от прочих оврагом речки Цидлины, обтекающей Гичин с севера и юга и, следовательно, находящейся в тылу австрийской позиции. От этого оврага до Брады, на пространстве около тысячи шагов, по обеим сторонам шоссе Турнау—Гичин, местность довольно удобна для кавалерийских атак, которым препятствуют только деревни Замес, Подульш, Гинолиц — в первой линии, Дилец и Кбельниц — во второй. Самый Гичин находится к югу от Брады, верстах в трех с лишком. Вся позиция от Зелезницы до Лохова представляет ломаную линию около пяти верст.

Бригады, прибывшие ранее других, заняли: Пире — высоту впереди Зелезницы; Пошахера — командующий пункт позиции, т.е. Браду; промежуток между ними должен был

Австрийский император Франц-Йозеф I

Король Пруссии Вильгельм

Министр-председатель Пруссии Отто Эдуард Леопольд
фон Бисмарк-Шёнхаузен

Генерал Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке

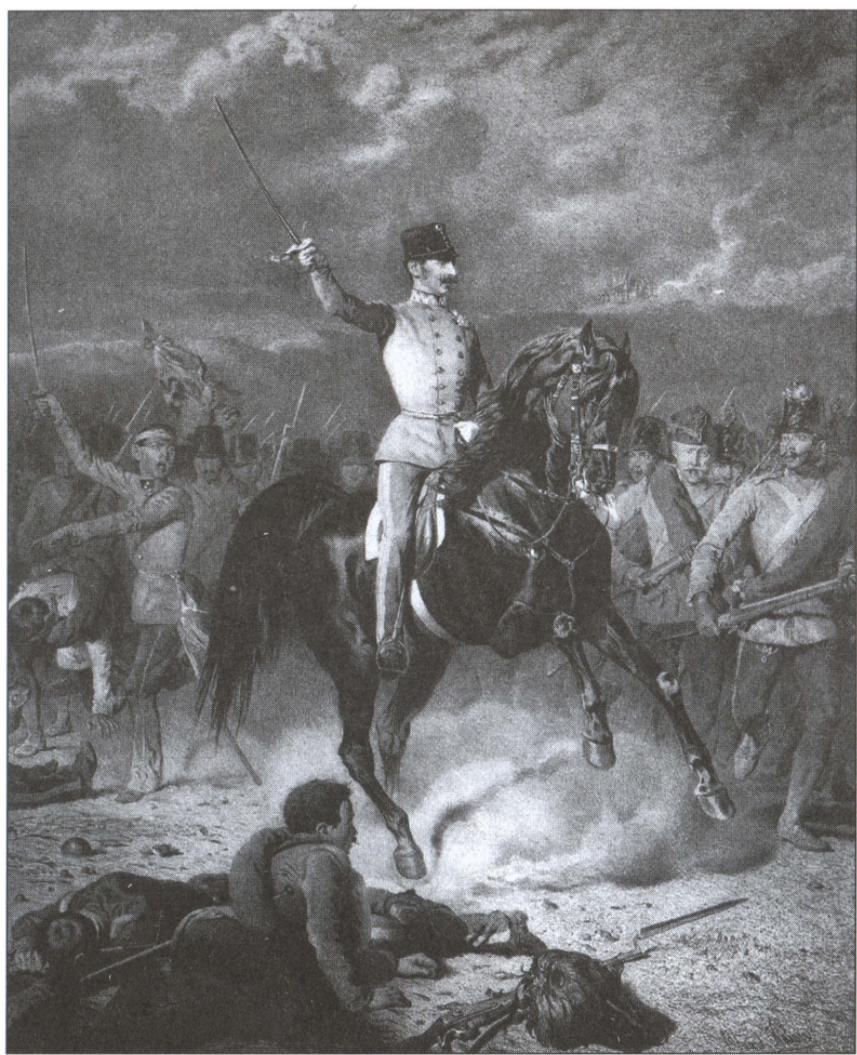
Фридрих-Карл Николай, принц Прусский

Кронпринц Фридрих-Вильгельм Прусский

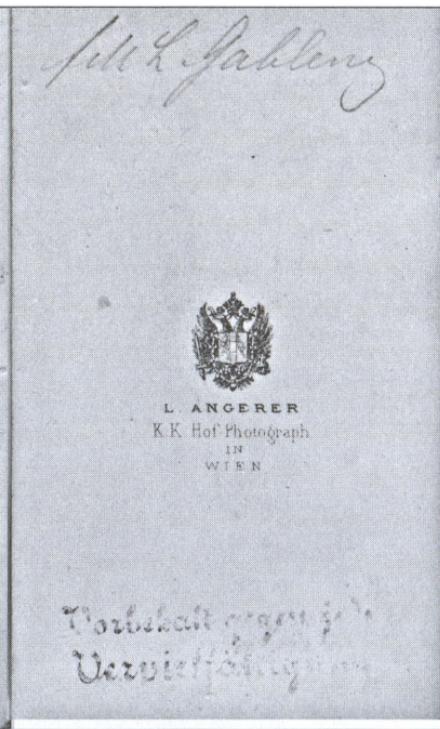
Генерал-лейтенант Карл-Фридрих фон Штейнмец

Фельдцейхмейстер Людвиг (Лайош) Август фон Бенедек

Фельдмаршал-лейтенант Людвиг Карл Вильгельм фон Габленц

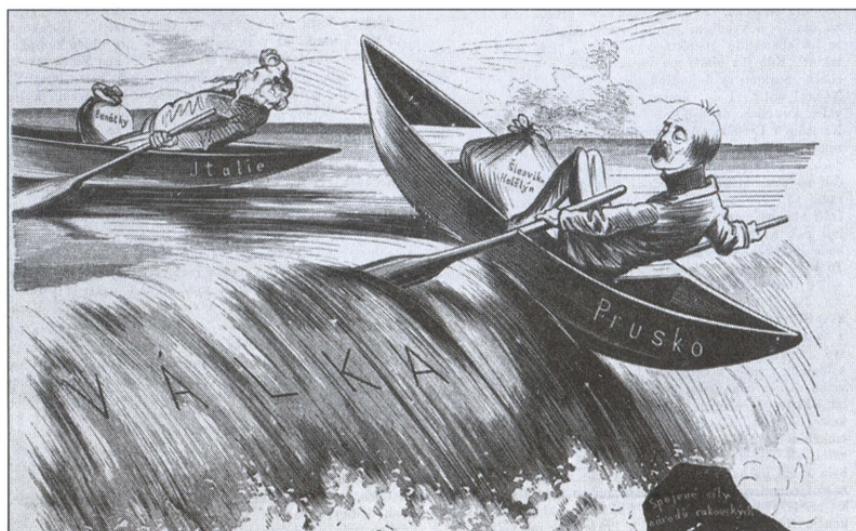
Фельдмаршал-лейтенант Людвиг Карл Вильгельм фон Габленц

Генерал барон Вильгельм фон Рамминг

Пруссия к 1866 году

Австро-венгерская пропагандистская карикатура,
опубликованная в чешском издании

Stellungen der Preussischen Armee.

Maßstab 1: 200 000.

Stellungen der Österreichischen Armee u des kgl. Sachsischen Korps.

Infanterie

Kavallerie

Artillerie

Höhen in Metern.

Die Truppenstellungen markieren die Stellungen am Nachmittag des 3.Juli, kurz vor der Entscheidung.

Preussen:

1. Infanterie-Division

2. Abteilung d. 2.

3. Infanterie-Division

4. Inf. " "

5. Inf. " "

6. Inf. " "

Brigade

7. Inf. " "

8. Inf. " "

9. Inf. " "

10. Inf. " "

11. Inf. " "

12. Inf. " "

13. Inf. " "

14. Inf. " "

15. Inf. " "

16. Inf. " "

17. Inf. " "

18. Inf. " "

19. Inf. " "

20. Inf. " "

21. Inf. " "

22. Inf. " "

23. Inf. " "

24. Inf. d. 2. Div. u. Arme-Rv.-Art.

25. Inf. d. 2. Div. u. Art.

26. Inf. d. H.A.K. u. A.R. Reserv.

27. Inf. Reserv. u. 2. d. R. Div.

28. Batterie d. 15. Division

29. Kampfgr. 2. Kemp. 33.

30. Inf. " 68

31. Infanterie

32. Infanterie

33. Infanterie

34. Infanterie

35. Infanterie

36. Infanterie

37. Inf. " "

38. Inf. " "

39. Infanterie-Brigade

Infanterie

Kavallerie

Artillerie

Infanterie

Kavallerie

Artillerie

Österreicher u. Sachsen:

50. 2. Infanterie-Brigade

51. 3. Infanterie

52. Armeegardes

53. Armeegardes-Art.

54. Rv.-Art. Rv.-Art.

55. Rv.-Art. Rv.-Art.

56. Rv.-Art. Rv.-Art.

57. Rv.-Art. Rv.-Art.

58. Rv.-Art. Rv.-Art.

59. Rv.-Art. Rv.-Art.

60. Rv.-Art. Rv.-Art.

61. Rv.-Art. Rv.-Art.

62. Rv.-Art. Rv.-Art.

63. Rv.-Art. Rv.-Art.

64. Rv.-Art. Rv.-Art.

65. Rv.-Art. Rv.-Art.

66. Rv.-Art. Rv.-Art.

67. Rv.-Art. Rv.-Art.

68. Rv.-Art. Rv.-Art.

69. Rv.-Art. Rv.-Art.

70. Rv.-Art. Rv.-Art.

71. Rv.-Art. Rv.-Art.

72. Rv.-Art. Rv.-Art.

73. Rv.-Art. Rv.-Art.

74. Rv.-Art. Rv.-Art.

75. Rv.-Art. Rv.-Art.

76. Rv.-Art. Rv.-Art.

77. Rv.-Art. Rv.-Art.

78. Rv.-Art. Rv.-Art.

79. Rv.-Art. Rv.-Art.

80. Rv.-Art. Rv.-Art.

81. Rv.-Art. Rv.-Art.

82. Rv.-Art. Rv.-Art.

83. Rv.-Art. Rv.-Art.

84. Rv.-Art. Rv.-Art.

85. Rv.-Art. Rv.-Art.

86. Rv.-Art. Rv.-Art.

87. Rv.-Art. Rv.-Art.

88. Rv.-Art. Rv.-Art.

89. Rv.-Art. Rv.-Art.

90. Rv.-Art. Rv.-Art.

91. Rv.-Art. Rv.-Art.

92. Rv.-Art. Rv.-Art.

93. Rv.-Art. Rv.-Art.

94. Rv.-Art. Rv.-Art.

95. Rv.-Art. Rv.-Art.

96. Rv.-Art. Rv.-Art.

97. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

98. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

99. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

100. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

101. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

102. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

103. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

104. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

105. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

106. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

107. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

108. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

109. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

110. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

111. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

112. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

113. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

114. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

115. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

116. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

117. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

118. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

119. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

120. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

121. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

122. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

123. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

124. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

125. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

126. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

127. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

128. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

129. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

130. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

131. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

132. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

133. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

134. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

135. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

136. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

137. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

138. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

139. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

140. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

141. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

142. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

143. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

144. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

145. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

146. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

147. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

148. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

149. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

150. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

151. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

152. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

153. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

154. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

155. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

156. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

157. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

158. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

159. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

160. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

161. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

162. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

163. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

164. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

165. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

166. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

167. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

168. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

169. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

170. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

171. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

172. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

173. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

174. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

175. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

176. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

177. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

178. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

179. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

180. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

181. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

182. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

183. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

184. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

185. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

186. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

187. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

188. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

189. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

190. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

191. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

192. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

193. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

194. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

195. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

196. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

197. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

198. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

199. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

200. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

201. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

202. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

203. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

204. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

205. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

206. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

207. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

208. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

209. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

210. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

211. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

212. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

213. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

214. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

215. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

216. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

217. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

218. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

219. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

220. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

221. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

222. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

223. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

224. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

225. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

226. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

227. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

228. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

229. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

230. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

231. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

232. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

233. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

234. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

235. Rv.-Art. 2. Kemp. VZ. Korp.

</

Битва при Кениггреце

Фридрих-Карл при Кениггреце

Эпизод битвы при Кениггреце

Военный госпиталь в лейпцигской гимназии

Прусская публика встречает поезд с австрийскими военнопленными

«Обретен и снова потерян»

Памятный крест в честь битвы при Кениггреце

оборонять Эдельсгейм со своей дивизией, выдвинувшись в начале боя к Либуну. Из остальных бригад, по мере прибытия (около полудня), расположились: бригада Абеля левее Пошахера на праховских высотах; бригада Лейнингена в резерве за бригадой Пошахера. Позже других прибыла бригада Рингельсгейма и стала на левом фланге, под углом к нему, у Лохова, т.е. фронтом к Субботке, откуда ожидался 2-й прусский корпус. Бригадные батареи заняли позиции при своих бригадах; шесть батарей резерва расположились преимущественно в центре позиции.

Саксонские войска, дивизия Штиглица, резервная кавалерия и артиллерия, прибыли в Подград около десяти часов утра, подвинулись, по приказанию Клама, к Бршезине и Вокишу¹ и занялись варкой. По диспозиции, Штиглиц должен был занять одной бригадой Дилец, а другую держать в резерве за этой деревней.

В таком порядке решено было еще раз попытаться остановить пруссаков, тем более что такова была и воля главно-командующего: принц Саксонский, в течение утра, получил от него предложение оборонять Гичин и уведомление о прибытии, 29-го, к этому пункту III корпуса, равно и о том, что 30-го на Ломниц и Турнау, от Милетина, будут направлены еще четыре корпуса.

Следовательно, утром 29-го Бенедек остановился на той мысли, чтобы, удерживая кронпринца, большей массой сил обрушиться на I армию.

Пруссаки двинули к позиции два корпуса двумя колоннами, разделенными непроходимыми горами на восемь верст:

¹ В 1½ версте к юго-западу и западу от Гичина.

в правой колонне шел II корпус, выступивший от Зегрова в двенадцать часов, имея в голове 3-ю дивизию (Вердера), на Субботку к Гичину, в левой — III корпус от Ровенско к Гичину, имея в авангарде 5-ю дивизию (Тюмплинга), выступил в два часа пополудни.

План атаки заключался в том, чтобы, удержав австрийцев войсками III корпуса с фронта, дать время II корпусу выйти им во фланг или в тыл, со стороны Субботки — план рисковый против неприятеля, который и обороняется нападая, но не представляющий никакого риска, если неприятель не обладает предприимчивостью.

Около $3\frac{1}{4}$ часов, с батарей Эдельсгейма, выдвинутого за Гинолиц, открыли огонь по направлению шоссе: в стороне Либuna появилась голова 5-й дивизии. Часом позже послышалась канонада и со стороны Лохова: то подходил Вердер к расположению Рингельсгейма. Дивизии Штиглица и III корпусу, который, согласно обещанию Бенедека, считали на марше от Милетина к Гичину, послали предложение ускорить движение.

Атака пруссаков с севера. 5-я дивизия, достигнув Либuna, развернулась под сильным гранатным огнем и получила назначение двинуться побригадно на Браду и Замес. За бригадами, когда они пройдут Либун, должна была выдвинуться дивизионная артиллерия и вступить в неравный бой с сильными австрийскими батареями. Браду должна была атаковать бригада Каминского¹. Имея 18-й полк в ротных колоннах в две линии, а 12-й в резерве, эта бригада начала наступление к указанному пункту, через Бржеска и мал. Гинолиц. Тщетно

¹ 12-й и 18-й полки; две батареи.

австрийцы старались сосредоточить на ней огонь своих батарей, тщетно Эдельсгейм водил на нее стремительные атаки: бригада, понеся незначительные потери, приблизилась к Браде, около $6\frac{1}{2}$ часов. Этот первый успех, не стоивший особенных пожертвований, должен быть приписан: в борьбе с артиллерией ротным колоннам и умению частных начальников пользоваться местностью для укрытия своих частей; против кавалерии — губительным залпам с близкого расстояния¹, не допустившим ни одной атаке врезаться в пехоту, и значительному числу деревень, которые, быв заняты стрелками, сильно затрудняли кавалерию. Последние из произведенных атак были встречены в развернутом строем.

В то же время бригада Шиммельмана², пользуясь оврагом Цидлины для укрытия от выстрелов, направилась на Замес, которого она достигла тоже около шести часов. Сколько можно догадываться, эта бригада имела вначале фузилерные батальоны обоих полков в боевой линии и егерский батальон на правом фланге; остальные батальоны 48-го и 8-го полков оставлены в резерве. 8-й полк направлен левее Замеса, по ту сторону оврага, и вступил в борьбу с бригадой Пире; 3-й же егерский и фузилерный батальоны 48-го полка направились на Дилец и, несмотря на фланговый огонь австрийских батарей, заняли этот пункт в то время, когда резерв 48-го полка был еще в Замесе³.

Но этих батальонов не поддержали вовремя, и подвиг их остался бесплодным: к Дилецу подошли наконец, около

¹ Которые начинались с расстояния 200—250 шагов.

² 8-й, 48-й полки, 3-й егерский батальон, две батареи.

³ Следовательно, первая линия в этом месте выдалась на версту от своего частного резерва.

$6\frac{1}{2}$ часов, саксонцы, которые должны были оборонять этот пункт, но, по непонятной оплошности, оставались до 5 часов на тех местах, куда еще утром передвинулись по приказанию графа Клама, т.е. верстах в пяти от Дилеца, за Гичином, у Вокшица и Брезины.

ПРИБЫТИЕ САКСОНЦЕВ НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ ОКОЛО $6\frac{1}{2}$, ЧАСОВ

Две батареи Штиглица усилили австрийские батареи; головная его бригада (5 батал.), приблизившаяся в двух колоннах к Дилецу, слева и справа его, выбила прусский батальон из деревни и заняла ее тремя батальонами, оставив 4-й в резерве; егерский батальон расположился правее деревни, выслав цепь стрелков вдоль аллей, ведущей в Зелезницу. Трудно сказать, чем бы кончилось дело, если бы саксонцы, не ограничиваясь пассивным занятием Дилеца, преследовали выбитых пруссаков на Замес; но они этого не сделали и за первый успех были наказаны и своими, и чужими.

Пруссаки направили против них огонь своих батарей, расположенные у Замеса; части бригады Пошахера, расположенный по ту сторону Цидлины, которая протекает в тылу Дилеца в расстоянии около 700 шагов, долго стреляли в тыл егерскому саксонскому батальону, приняв его за прусский. Тем не менее саксонцы удержались в Дилеце; несколько времени спустя на подкрепление к ним прибыла и другая бригада Штиглица.

Между тем Эдельстгейм, делавший усилия остановить бригаду Каминского, но, несмотря на отчаянные атаки, в этом не успевший, отступил за саксонское расположение, прошел Ги-

чин и продолжал движение прямо к югу на Смидар, вероятно вследствие отданного ему приказания. Саксонская кавалерия осталась за Гичином. Таким образом, австрийцы удержались на всех пунктах своего расположения: первые попытки Каминского против Брады не удались; Шиммельман также былдержан Пире и саксонцами. Но оставаться на позиции более было бы опасно, ибо в это время II прусский корпус стал уже в такое положение на левом фланге, что легко мог отрезать путь отступления большей части сил графа Клама.

Наступление II прусского корпуса. В то время, когда четыре австрийские и две саксонские бригады, с более нежели ста орудиями, как бы ожидали, когда наконец две прусские бригады овладеют их позицией, предоставляя им полную инициативу атак, в то время бригада Рингельсгейма, с одной батареей и полком саксонской кавалерии, расположившись за лоховским оврагом, должна была выдерживать одна атаки 3-й прусской дивизии.

Около 4 $\frac{1}{2}$ пополудни Вердер подошел к расположению австрийцев, расположив головную свою бригаду¹, головы батальонов на линии, каждый в две линии ротных колонн. 42-й полк и егеря должны были атаковать Лохов и пространство вправо; 2-й полк направлен левее шоссе, на Праховские высоты.

Шестая бригада² составила резерв.

Рингельсгейм оборонялся упорно. От него зависела участь пути отступления на Гичин других войск, и, несмотря на неравенство сил, он решился сделать все, лишь бы задержать

¹ 5-я бр. Янушковского: два егерских батальона, полки 2-й и 42-й, две батареи.

² Винтерфельд, полки 14-й и 64-й.

пруссаков. Охваченный с левого фланга резервной прусской бригадой, он выдвинул против нее вторую свою линию, расположив ее фронтом к югу, под острым углом к первой своей линии. Внужденный отчаянным положением, этот боевой порядок, конечно, был лучшее, что можно было сделать при подобной обстановке; но долго в нем продержаться было нельзя. Рингельсгейм начал отступление шаг за шагом, насыая чувствительные потери пруссакам.

В то же время 2-й полк, посланный на Праховские высоты, успел утвердиться на них и вошел в связь с 18-м полком, атаковавшим Браду с фронта.

Положение австрийцев было затруднительно: пути отступления грозила опасность; свежих сил осталось мало; обещанный III корпус не прибывал, а между тем прусские колонны подвигалась все более и более. День уже склонялся к вечеру.

При таких обстоятельствах становилось все более и более сомнительным, чтобы можно было удержаться собственными силами; но на отступление еще не решались: с минуты на минуту мог прийти обещанный III корпус.

В соображения Бенедека входило удержание гичинской позиции: в случае потери ее, предложенное движение четырех корпусов на Ломниц и Турнау станет затруднительнее. Это раздумье, тяжкое для ответственного лица, наконец получило разрешение: около $7\frac{1}{2}$ прибыл из главной квартиры майор граф Штернберг с уведомлением, что обещанного III корпуса не будет, что Клам и принц Саксонский должны отступать на Горниц и Милетин, избегая боя с превосходными силами, и что маневр трех корпусов не состоится, ибо они получили другое назначение.

В сумерки началось отступление. Для прикрытия его саксонская лейб-бригада, с нарезной батареей, получила приказание занять гору Магдалины, находящуюся за Цидлиною прямо в тылу у Дилец. Четыре саксонских и три австрийских батареи были выдвинуты на линию Кбельниц—Голин. На левом фланге Рингельсгейм пока сам держался у Вохавеца, который пылал.

Около $8\frac{1}{2}$ часов саксонцы заняли гору Магдалины и простили за себя свою первую бригаду, направленную по смидарской дороге, и бригаду Пире, отступившую к Милетину. От Брады, через выставленные батареи, должны были отступить на Гичин бригады, занимавшие гору. При этом бригада Абеля, охваченная 2-м прусским полком с тыла, потеряла много пленных. Бригада Лейнингена, как свежая, получила приказание занять Гичин с севера. Между тем стемнело: батареи не могли действовать; им приказано было тоже отступить. Все успокоилось. Пруссаки несколько приостановились, чтобы отдохнуть, дать собраться войскам и, может быть, тоже для того, чтобы дать австрийцам успокоиться в Гичине и затем напасть на них неожиданно. Эта остановка, как кажется, действительно показалась австрийцам за прекращение боя, и они не стали торопиться с отступлением: штаб засел в одном из домов Гичина сочинять письменные приказания для отступления.

Около $10\frac{1}{2}$ часов вечера саксонцы оставили гору Магдалины и отступили к Гичину, куда прибыли около $11\frac{1}{2}$ часов, намереваясь начать отступление за первой своей бригадой, на присоединение к дивизии Шимпфа. Но так как бригада Лейнингена еще не прибыла, то саксонцы получили приказание приостановиться и занять Гичин. И было время: бри-

гада Лейнингена, как кажется, сбилась с дороги в темноте и бродила наудачу у северной части Гичина, как вдруг у выходов в город раздались выстрелы: то были пруссаки, которые, собравшись и отдохнув, двинулись на город с севера и запада. Первое вторжение было произведено 12-м полком¹ с северо-запада. Штаб, занятый, как уже сказано, писанием распоряжений для отступления, едва не попался в плен; по счастью для него, 14-й саксонский батальон смело ударил в штыки на голову 12-го полка и выбил его из города. Штаб поспешил перевести за Милетинскую заставу, для продолжения письменных занятий. Несколько времени спустя, 14-й, 54-й полки с запада, 12-й с северо-запада, 8-й и 48-й с севера вторглись в город, и на улицах закипел ночной бой. 33-й австрийский полк², притиснутый к пруду, в болото, потерял несколько сот пленных. В невообразимом беспорядке тянулось дело далеко за полночь: стреляли и в своих, и в чужих обе стороны; 18-й стрелковый батальон действовал в течение чуть не целого часа по полку № 34-й своей же бригады³; саксонцам опять досталось от австрийцев. Бой то замолкал, то опять загорался, смотря по тому, признавали ли за своих, или за чужих тех, кого против себя имели.

Последние австрийские войска отступили кому куда пришлось. Приказания были написаны, но, как и следовало ожидать, не попали по назначению. Отчасти выбитые, отчасти вышедшие к юго-западу, рассеянные толпы бригады Пошахера и Лейнингена вместо Милетина, куда предполагалось направить весь I корпус, отступили на Гориц, причем встре-

¹ Бригады Каминского.

² Бригады Лейнингена.

³ Обе бригады Пошахера.

тили новое препятствие — в отыскании переправ через Цидлину.

Отступление саксонцев было прикрыто их кавалерию; отступление австрийцев должна была прикрывать пехота, так как кавалерия еще раньше отступила на Смидар.

Пруссаки не преследовали; только полк № 38-й¹, прикрывавший отступление австрийцев на горицкой дороге, был настигнут прусской кавалерией на следующий день у Конец-Хлума² и несколько обеспокоен.

Переночевав у Милетина и Горица, австрийцы отступили на соединение со своими главными силами, на кениггрецкую позицию. 2 июня I корпус и дивизия Эдельсгейма стояли у Куклена, а саксонцы у Неханица.

Хотя Бенедек отказался от наступления через Милетин, еще не зная исхода гичинского боя, однако, несмотря на то, он выставил причиной своего отступления неудачу у Гичина и состояние I корпуса. Вследствие этого, утром 3 июня, граф Клам был отзван в Вену, чтобы представить оправдание, а начальство над корпусом принял помощник его, граф Гондрекур.

Прусские армии в течение 1 и 2 июля достигли: эльбская — Смидара, 1-я — Горица, имея главную квартиру в Каменице³.

Заключение. Австрийцы дрались храбро, но совершенно пассивно, чем и объясняется то, что пруссаки могли обойтись таким ничтожным числом войск, введенных в дело: судя по потерям, большую часть дела сделали четыре полка. Зна-

¹ Бригады Лейнингена.

² Верстах в 10 от Гичина по горицкой дороге.

³ Верстах в 9 от Гичина по горицкой дороге.

чение левого фланга едва ли было оценено вполне: для австрийцев было счастливой случайностью, что Рингельсгейм отстоял этот фланг с одной бригадой. Это наводит на мысль, что едва ли Вердер действовал с той решительностью, какой в его положении можно было ожидать.

Прусские части лезли вперед замечательно смело и без смены: незначительные части выдавались иногда на несколько сот шагов; пассивность австрийцев сразу показала им все преимущества наступления очертя голову. Но нельзя не заметить, что боевая их линия обыкновенно была слишком слаба и едва ли не потерпела бы неудачи при условии хотя некоторой предприимчивости со стороны противника.

Самое сражение начато пруссаками слишком поздно: III корпус выступил от Ровенско не ранее $12\frac{1}{2}$, 2-й от Зегрова не ранее 10 часов утра. Следовательно, потеряно не менее 5 часов. Благодаря этому, австрийцы спокойно заняли позицию у Гичина, бой окончился ночью, свалка в Гичиве повела к потерям от своих, преследование было невозможно.

План атаки у пруссаков безразлично один и тот же — охват одного или обоих флангов. При неподвижном противнике лучше ничего придумать нельзя, но активный — легко бьет за это по частям.

Несмотря на силу австрийских батарей, пруссаки потеряли всего 1300 человек убитыми, ранеными, без вести пропавшими. Такая ничтожная потеря объясняется употреблением строев, представляющих малую цель, и умением офицеров применять к местности свои части, *ибо на этом, а не на укрытии отдельных людей, держится преимущественно уменьшение потерь от огня*. Потери австрийцев выведенными из строя в точности неизвестны; но пленных взято до

2000. Подобные цифры ясно свидетельствуют о состоянии духа войск.

Назначать кавалерию для встречи не расстроенной боем пехоты, как то было сделано австрийцами, едва ли можно признать рациональным, особенно взяв в расчет, что в разбираемом случае употребить подобным образом кавалерию не настояло ни малейшей необходимости.

Разница употребления скорострельного и обыкновенного оружия против кавалерии обнаружилась тем, что при первом возможно несколько залпов вместо одного, что их можно начинать шагов с 200, но только с войсками спокойными и приученными не пускать пулю на ветер; если же есть хотя малейшее сомнение в этих качествах, то и при скорострельном оружии лучше ограничиваться одним залпом в упор¹.

Форма строя оказалась при этом делом второстепенным; даже и употребление развернутого строя нельзя признать особенной новостью, если припомнить, что еще Сен-Сир, при тогдашнем даже оружии, считал, что не расстроенная пехота всегда может отбить кавалерийскую атаку в развернутом строем. Это не новость ни для кого из тех, которые понимают, что даже на совершенно открытой местности отношения пехоты и кавалерии определяются не материальными данными, а степенью взаимного их нравственного достоинства: та из них сдает, которая легче подчиняется чувству страха.

Примечание. Боевые порядки различных частей прусской армии восстановлены приблизительно, основываясь на цифре потерь различных частей и на инструкции принца Фридриха-Карла.

¹ Т.е. в расстояния от 50 до 80 шагов. Для такой цели, как кавалерия, это будет в упор.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРУССАКОВ С ВОСТОКА¹

Как известно, 22 июня кронпринц получил приказание наступать всеми силами на Гичин; 25 июня I, V и гвардейский корпуса уже стояли на границе Богемии в Шемберге, Рейнерце и Шлегеле.

Известно также, что во II прусской армии были убеждены, что австрийцы еще не успели стянуться в Богемию и что, следовательно, чем скорее в нее вторгнуться, тем лучше. План вторжения решено было сообразить так, чтобы, пройдя дефиле, сосредоточиться сначала у Краледвора и затем уже искать сообщения с 1-й армией, о которой знали, что она притянула на себя I австрийский и саксонский корпуса; следовательно, опасаться их было нечего.

На основании этих данных решено было войти в Богемию, прикрываясь к стороне Иозефштадта, т.е. произвести относительно этого вероятного пункта сосредоточения австрийцев смелое фланговое движение.

Общий план марша заключался в следующем:

Левая колонна, генерала Штейнмеца (V корпус и бригада 6-го), назначенная прикрывать движение, должна была направиться через Наход, Скалиц к Краледвору.

Правая, генерала Бонина (I корпус и кавалерийская дивизия) от Шемберга через Траутенай к Краледвору.

3) Средняя, принца Виртембергского (гвардия), от Браунай через Эйпель к Краледвору, с назначением поддержать или Штейнмеца, или Бонина, смотря по обстоятельствам.

¹ Для всех движений и дел II прусской армии, см. план № 2; на нем зачернены ситуацией только те места, где происходили дела; но вся местность в промежутке между этими участками тоже гористая.

VI корпусу приказано двинуться по дороге 5-го.

Вместе с тем и генералу Кнобельсдорфу приказано сделять вторжение в австрийские пределы из Верхней Силезии и испортить железную дорогу.

Гвардия вступила в пределы Богемии, 26 июня, в графстве Браунау и стала на ночлег на пространстве между Браунау и Полицем. При этом произошла только незначительная кавалерийская стычка. В Браунау была переведена и главная квартира кронпринца. Авангард V корпуса достиг, 26-го, Шланей, откуда вытеснил оборонительный австрийский пост, который отступил, отстреливаясь, к Находу. Начальнику авангарда, генерал-лейтенанту Левенфельду, приказано сделать рекогносцировку к Находу, в случае порчи моста через Метану исправить его и затем занять частью сил противоположный гористый берег для прикрытия находского подъема с юга, откуда, по сведениям, можно было ожидать неприятеля. Как уже сказано, в этой стороне, именно у Опочно, действительно находился VI австрийский корпус.

Генерал Левенфельд двинулся, для исполнения этого поручения, к Находу с частью авангарда (две роты стрелков, 37-й пехотный полк, батарея и два эскадрона драгун № 4-го). Мост найден попорченным. По исправлении его эта головная часть авангарда прошла через Наход и к вечеру заняла позицию у Венцельсберга, фронтом к Нейштадту. На следующий день предстояло дебушировать V корпусу, для чего была отдана следующая диспозиция:

«Корпус наступает на Наход и далее к западу.

Авангард, главные силы, резервные колонны¹ и отряд VI корпуса выступают в пять часов с бивуаков или квартир.

Первая конная батарея прикомандирована к главным силам, где ей состоять при 1-м уланском полку.

1, 2 и 3-я муниципальные колонны следуют непосредственно за резервом.

4, 5, 6, 7, 8, 9-я колонны на первый раз идут только до Рейнерца, где выстраиваются в стороне от дороги и ждут приказаний.

Корпусный обоз идет до Левина, по старой дороге, которая выходит на шоссе к югу от Рейнерца. Обоз располагается там в стороне от дороги.

Понтонный парк присоединяется к последним шести муниципальным колоннам.

Корпусный лазарет следует до Рейнерца и ждет приказаний.

Провиантские колонны проходят Рюккерц, выстраиваются по сию сторону этого пункта, в стороне от дороги.

Часть VI корпуса (бригада Гофмана с кавалерийским полком) сегодня же, т.е. 26-го, вечером, отделяет драгунский полк № 8-го к главным силам, оставив при себе два взвода. Главные силы должны тотчас же заготовить все нужное для бивуачного расположения этого полка.

Остальные войска генерала Гофмана прикрывают движение обоза, муниципальных и провиантских колонн с левого фланга к Гисгюбелю.

Приказания этому отряду будут посланы в Левин, где должен находиться офицер с нужным числом ординарцев для передачи этих приказаний.

¹ Разделение на главные силы и резерв на походе было чисто формальным.

Обоз сего отряда должен оставаться под надлежащим прикрытием при Вильнсдорфе и Обер-Шведельдорфе.

Генералу Внуку поручается командование уланским № 1, драгунским № 8 полками и прикомандированной в ним конной батареей. Если в течение дня потребуется совокупное действие всей кавалерии, то 4-му драгунскому полку также поступить под его команду.

Я буду в голове колонны главных сил, куда прислать по одному офицеру от 1-го уланского и 4-го драгунского полков, для исполнения должности ординарцев.

Корпусный штаб Рейнерц. 26 июня, час пополудни.

Г. Штейнмец».

Часть авангарда, остававшаяся у Гелленгау, выступила по диспозиции в пять часов, но она не достигла еще Венцельсберга, как загорелся бой: VI корпус (Рамминг)¹ появился на поле сражения со стороны Нейштадта, исполняя данное ему приказание преградить пруссакам путь к Скалицу.

ФЛАНГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ РАММИНГА ОТ ОПОЧНО К СКАЛИЦУ

До 26 июня Бенедек стоял на той мысли, чтобы с главными силами обрушиться на северную прусскую массу.

Вследствие этого, Рамминг получил 26-го диспозицию для движения мимо Иозефштадта на Гориц, в два перехода, сообразно которой и сделал все распоряжения. Но к вечеру 26-го сказанный план был оставлен, вследствие вторжения пруссаков с вос-

¹ Бригады: Вальдштеттена, Гертвега, Розенцвейга, Ионака, артиллерийский резерв = 28 батальонов, 8 эскадронов, 80 орудий.

тока: 27-го, в час с половиною пополуночи, Раммингу пришло приказание двинуться, в три часа утра, к Скалицу, занять там позицию и выдвинуть авангард к Находу. 1-я резервная кавалерийская дивизия (принца Гольштейна), наблюдавшая границу по сторонам Находа, прикомандировалась к VI корпусу.

К этой отмене первоначальной диспозиции было добавлено: «Последнее распоряжение имеет целью прикрыть *неисполненное еще развертывание армии*, что ни в каком случае не должно препятствовать решительно двинуться на неприятеля, где бы он ни показался. Преследование противника должно быть, однако, производимо в пределах возложенного поручения и не должно заходить слишком далеко».

На основании этого распоряжения войска были направлены следующим образом:

1) Бригада *Гертвега* через Нейштадт, Врхонин к Высокову; 2) бригада *Ионака* за ней по той же дороге, в Клени; 3) бригада *Розенцвейга* левее Нейштадта на Нагоран, Лота, Спита, Скалиц; 4) бригада *Вальдштеттена* еще левее, через Иезениц в Скалиц, 5) артиллерийский резерв за последней бригадой, в Рыков; 6) санитарная рота и корпусный лазарет на Заезд, западнее Скалиц. Все эти части должны были выступить в три часа, кроме бригады Ионака, которому, чтобы пропустить Гертвега, приказано начать движение полчасом позже.

Вследствие позднего получения приказания, все движение началось полчасом позже показанного.

В три с половиной часа двинулась бригада Гертвега¹, имея в авангарде егерский батальон, два орудия и эскадрон улан, и в правом боковом отряде, для прикрытия себя со стороны ле-

¹ 25-й егерский батальон, полки: Кельнера и Горицутти (41-й и 56-й), эскадрон улан № 10-й, 4-х-ф. батарея.

систых высот, батальон 56-го и роту 41-го полка. Из последнего отряда вскоре донесли о присутствии неприятельской кавалерии, а часа через два с половиной¹ по начатии движения, достигнув Врхонина, и авангард бригады наткнулся на неприятеля: то были прусские стрелки, занимавшие перелески, которые начинаются за Врхониным.

Поле, на котором разыгрался бой у Находа, состоит: 1) из плато, севернее шоссе Наход—Скалиц, весьма пересеченного и круто спускающегося к западу и к востоку; южнее этого плато лежит деревня Высоково; 2) из небольшого хребта, который, начинаясь южнее Высокова, тянется до Нейштадта; он разрезывается вдоль дорогой Нейштадт—Наход. Скат к западу от дороги отлог и покрыт перелесками, которые тянутся от Врхонина за Венцельсберг и прекращаются не доходя шагов 800 до Высокова. Пространство к востоку от дороги заключает в себе командующие точки хребта и крутой скат к Метане, покрытые сплошным лесом. Перелески и деревня Венцельсберг представляют хорошие пункты для того, чтобы, затянуть бой и выиграть время.

Эту позицию пруссакам необходимо было удержать во что бы то ни стало, ибо с потерей ее дебуширование V корпуса по весьма трудному подъему у Альтштадта стало бы невозможным.

¹ Т. е. около 6 часов, т.к. от Добруски, откуда вышла эта бригада, до Верхонина не более 9 верст. По австрийской реляции, бригада достигла Верховина только в $7\frac{1}{2}$ часов. Тогда должно предположить, или что час выступления показан в той же реляции неверно, или же что войска наступали слишком осторожно, если употребили 4 часа времени на то, чтобы пройти 9 верст. Но, сличая с показаниями пруссаков, должно признать более вероятным, что дело началось около 6 часов.

БОЙ У НАХОДА

Выстрелы заставили Гертвега перейти в боевой порядок, пристроив главные свои силы к егерскому батальону. Вышло две линии, по три батальона в каждой, первая в дивизионных, вторая в батальонных колоннах. Батальон, прикрывавший правый фланг движения, как кажется, запутался в лесу и участия в деле не принимал; по крайней мере, в реляции о нем уже более не говорится. Батарея в двух местах: два орудия между дивизионными колоннами стрелкового батальона, шесть — правее этого батальона.

За перелесками ничего открыть было нельзя, кроме того, что уже действовало, т.е. стрелков и батареи. Минута выпала австрийцам счастливая: на $3\frac{1}{2}$ прусских батальона они имели 7 и не менее полутора часов времени перед собой, ибо ближайшее подкрепление прусского авангарда стояло у Гелденau, т.е. не ближе, как верстах в десяти от Венцельсберга, между тем как ближайшее подкрепление Гертвега — бригада Ионака — следовало непосредственно за ним.

Ничтожные силы пруссаков были расположены следующим образом: ближайшие к Врхонину перелески занимали стрелки; лесок у Венцельсберга, эту деревню и пространство влево, в направлении на Бразец, должны были оборонять: батарея и пять полубатальонов 37-го полка, под командою храброго и настойчивого своего командира, полковника Белова; шестой полубатальон пришлось отделить на плато севернее Высокова, для наблюдения шоссе на Скалиц, откуда тоже ожидали неприятеля.

Итак, трехтысячный отряд поставлен был в необходимость оборонять позицию в 2000 шагов по фронту. Кажет-

ся, о возможности удержаться нельзя было и помышлять; но методически вялое и не всегда соображенное с местностью наступление австрийцев спасло все.

Завязалась перестрелка, длившаяся около часа, после которой Гертвег решился идти в атаку, усилив предварительно правый фланг первой своей линии батальоном из второй. Двинулись, прошли почти беспрепятственно несколько перелесков, лежащих левее дороги; но, не доходя шагов 500 до Венцельсберга, Гертвег, вследствие убийственного огня, счел за нужное приостановиться, хотя, судя по местности, от этого огня было где укрыться и на ходу. Впрочем, была и другая причина остановки: войска были чрезвычайно утомлены¹, как реляция упоминает, да вдобавок подведены под фланговый огонь, о чем она умалчивает, но что видно из того, что одному батальону приказано занять опушку леса, другому же, для *прикрытия правого фланга, подать левое плечо вперед*; третьему предписано заняться приведением в оборонительное положение фермы, находившейся по крайней мере шагах в 1000 в тылу занятого перелеска. Но более всего странно то, что в то время, когда бригадный командир останавливал бригаду, находя, что она утомлена и рискует своим путем отступления, егерский батальон достиг Венцельсберга, выбил оттуда пруссаков, преследовал их до рощи, находящейся севернее Венцельсберга, и только там, наткнувшись на превосходные силы, получил отпор. Этот батальон лучше всего показал, что страхи, которые себе составлял командир бригады и против которых счел за нужное даже укрепляться в тылу, были воображаемые: эффект этот был произведен на

¹ От Добруски до Верхонина не более 9 верст.

него лишь несколькими десятками стрелков, которые, засев в лесу восточнее дороги, сделали залп или два по правофланговым частям австрийцев, шедших мимо леса, не позабывши не только занять, но даже и осмотреть его.

Итак, благодаря благовению перед обходом и перед необходимостью обеспечить себе путь отступления, из шести батальонов Венцельсберга достиг всего один.

Пруссаки получили, между тем, первое подкрепление: около восьми часов от Гелленau прибыл 58-й полк с батареей.

Около семи с половиной часов прибыла наконец и бригада Ионака¹ в Домков. Так как она проходила Верхонин уже тогда, когда Гертвег начал дело, то невольно рождается недоумение: отчего она за ним не последовала? Но, как кажется, сочтено было за лучшее исполнить диспозицию, а не идти на выстрелы, хотя в диспозиции распоряжений к бою никаких не было. Только достигнув Домкова, т.е. сделав влево от прямого направления версты три с лишком, генерал Ионак, верно оценив положение, как сказано в реляции, выстроил свою бригаду фронтом к Венцельсбергу и, расположив батарею и уланский полк № 10-го на левом фланге, двинулся, ориентируясь на колокольню Венцельсберга. Несмотря на сильный огонь², Ионак, остановившись на самое короткое время у Проводова, чтобы дать вздохнуть утомленным войскам, в порядке поднялся на высоты и, невзирая на утомление войск

¹ 14-й егерский батальон, полки 20-й и 60-й (короля прусского и Вазы), 4-фунтовая батарея. К этой бригаде был прикомандирован на время марша и 10-й уланский полк, эскадроны которого по нормальной организации были распределены по бригадам VI корпуса.

² Который едва ли мог ему вредить на пространстве от Домкова до Проводова, ибо именно около этого времени пруссаки заняты были 25-м егерским батальоном, выбившим их из Венцельсбера.

и ружейный огонь пруссаков, стрелявших на своей позиции из-за закрытий (рвов и леса), выбил их из опушки венцель-сбергской рощи. Полк Ваза, составлявший до сего первую линию, был сменен полком № 20-го, т.е. после первой схватки, и притом удачной. Понятно, что при этом к концу боя свежих сил остаться не может.

Завязался бой в роще, окончившийся тем, что пруссаков около девяти часов выбили из него и оттеснили к последней опоре на пути к Альтштадту — к лесу за шоссе; в то же время и Гертвег нашел наконец возможным подвинуться вперед. Еще усилие, еще две версты преследования — и Альтштадт в руках австрийцев, и находский подъем пруссакам закрыт. Но пока австрийцы устраивались в лесу, части 37-го полка, собравшись, снова бросились против него в атаку; после залпа ворвались в опушку и потеснили австрийцев. В то же время отбиты были и части бригады Гертвега, наступавшие восточнее рощи в дивизионных колоннах, благодаря тому, что озадачены были неожиданностью: из опушки леса пра-вее шоссе выскочили против них две прусские роты, дали залп или два в упор, положили много народа и бросились в штыки. Части опрокинуты и не возвращались более к месту побоища, понеся большие потери и от неожиданной атаки, и еще больше при отступлении, ибо при этом скорость стрельбы еще полезнее, нежели против неприятеля, который не потерял способности возвращать наносимый ему вред.

Небольшие части прусских войск, преследовавшие части бригады Гертвега, ворвались в Венцельсберг и утвердились в северной части его. Южная осталась за австрийцами. Было около десяти часов: критический период боя для пруссаков приходил к концу; начали появляться подкрепления.

Первым прибыл на поле сражения генерал Внук со своей импровизированной бригадой. Отделившись от главных сил, достигших Гелленau около $8\frac{1}{2}$ часов, он прибыл на поле сражения к тому времени, когда лесок перешел в руки пруссаков, и построился между ним и Высоковым, имея уланский полк в переднем уступе, а драгунский, левее его, в заднем. Несколько позже присоединился сюда же один полуэскадрон 4-го драгунского полка, ставший уступом на левом фланге.

С своей стороны, Рамминг еще ранее распорядился подкреплением австрийских бригад, начавших дело, и которые едва ли могли сами что-либо предпринять после сделанных усилий, особенно если взять в расчет привычку к смене.

Распоряжения его, сделанные около $9\frac{1}{4}$ часов, по прибытии в Скалиц, заключались в следующем:

1) Бригаде Розенцвейга¹ приказано идти от Скалица на Проводов и Соков, выстроившись у которых, она должна была атаковать высоты Венцельсберга.

Бригаде Сольмса², стоявшей позади Клени, подняться на плато, между Высоковым и Венцельсбергом, и поддержать бригаду Розенцвейга.

Бригаде Шиндлеккера³, стоявшей верстах в семи к западу от Скалица, у Долана, идти через Скалиц к Клени.

Несколько позже десяти часов, построившись за Проводовым и Соковым, бригада Розенцвейга, имея впереди

¹ 17-й егерский батальон, полки 4-й и 55-й (Дейчмистера и Гондрекура), 4-х фунтовая батарея.

² Дивизия принца Гольштейна. Кирасирские полки 4-й и 6-й, 8-фунтовая кавалерийская батарея, уланский 8-й полк, бывший на аванпостах.

³ Той же дивизии: кирасирские полки 9-й и 11-й, уланский № 4-й, 8-фунтовая конная батарея.

17-й егерский батальон и за ним полк Гондрекура в первой линии, полк Дейчмейстера во второй, двинулась на рощу левее Венцельсберга. Атака удалась: пруссаки были из него выбиты войсками первой линии, которые сильно потерпели при этом от их огня и с фронта, т.е. от рощи, и с фланга — от Венцельсберга.

Только это последнее обстоятельство побудило Розенцвейга распорядиться атакой Венцельсберга, направив туда свою вторую линию. И эта атака удалась: часть полка Дейчмейстера тотчас же употреблена на приведение окраин деревни и церкви в оборонительное положение, между тем как другая выдвинулась за деревню и огнем рассыпного строя действовала по отступавшим пруссакам. О содействии Ионака и Гертвега усилиям Розенцвейга нигде не говорится, следовательно, должно предположить, что они считали себя смененными этой бригадой.

Одновременно с атакой Розенцвейга, в промежуток между Высоковым и лесом, от Клени двинулся Сольмс с пятью эскадронами, рысью, во взводных колоннах, достиг подошвы высоты и, развернувшись, стал подниматься вверх. Произошло кратковременное, но блестательное кавалерийское дело, равно славное для обеих сторон, хотя и несчастное для австрийцев: пять кирасирских эскадронов атаковали с фронта и в обхват левого фланга прусский уланский полк; с фронта завязалась сеча: охваченная часть, ошеломленная, дала тыл и помчалась к Находу с пристроившимися к ней неизвестно каким образом двумя орудиями. Но еще мгновение, — и кирасиры атакованы во фланг прусскими драгунами, смяты в свою очередь ими и поворачиваются назад, преследуемые уланами и драгунами. В свалке оба штандартные унтер-офицера

были убиты и штандарты потеряны в высокой траве. В это время кирасирский эскадрон, временно прикомандированный к бригаде Ионака и стоявший без дела впереди Проводова, улучил минуту и атаковал прусских драгун, выручив, таким образом, свою преследуемую линию. Прусские полки возвратились на место, изрубив на дороге два дивизиона полка Гондрекура, которые, по взятии рощи, наступали из нее далее.

Наконец пехота главных сил V корпуса, предводимая генералом Штейнмецом, появилась на поле сражения часов около одиннадцати, сделав от Рейнерца почти без привала 21 версту. То была голова дивизии Кирхбаха — 19-я бригада¹.

Двинутая Штейнмецом на Венцельсберг, она штурмом взяла эту деревню около двенадцати часов. Австрийцы начали отступать, под прикрытием бригады Розенцвейга, которая сделала при этом классический переход в наступление. Пруссаки не преследовали австрийцев, ибо и были утомлены, и, вдобавок, не все еще силы поднялись на высоты, отстоять которые против трех австрийских бригад одной прусской стоило таких усилий. Говорим: *одной*, потому, что собственно 17-я бригада, и преимущественно 37-й полк, с двумя егерскими ротами, вынесли на себе всю тяжесть боя, а 19-я бригада только довершила дело, ими подготовленное.

Около двенадцати часов австрийцы сделали последнюю попытку против пруссаков: атаковали плато Высоково-Старкоч бригадой Вальдштеттена, что было уже совершенно бесполезно после неудачи у Венцельсберга. 20-я прусская бригада (Виттиха)², поднимавшаяся вслед за Тидеманом,

¹ Генерал Тидеман: 6-й и 46-й пехотные полки; две батареи.

² 47-й и 52-й полки; две батареи.

бегом заняла это плато. Атаку свою австрийцы подготовили огнем одной бригадной и трех батарей корпусного резерва, выдвинутых на высоту севернее Клени.

И в этом пункте как австрийцы, так и пруссаки остались верны себе: первые пускали бригаду в атаку по частям, вторые же встречали эти атаки всем что было, начиная с залпов и затем бросаясь в штыки. В реляции австрийцев описания всех этих раздробленных атак безразлично оканчиваются одним и тем же: атаковали храбро и в порядке, но, встреченные огнем «превосходных» прусских ружей, дальше не пошли, а предпочли отойти назад, что и было совершено, тоже в полном порядке.

Наконец, около 12^{1/2} часов, корпусный командир, принимая в соображение, что «пруссаки все усиливаются, что от разъездов, посланных на Костелец, получено донесение о появлении неприятеля и у этого пункта, что все войска были уже введены в дело и подкрепления ниоткуда ожидать было нельзя, решил отказаться от приобретенных выгод и отступить на позицию к Скалицу. Так как предписанная ему цель заключалась не в наступлении, а в прикрытии Скалица, то он не посмел допустить, чтобы его опрокинули с высот и преследовали, ибо в таком случае он не мог бы совершить отступления спокойно и в порядке».

Отступление на скалицкую позицию левого фланга было исполнено под закрытием артиллерийского резерва корпуса и кавалерийской бригады Шлидлеккера, прибывшей к концу боя, со спокойствием и в порядке.

У опушки леса, близ Дубно, оставлен передовой пост из батальона, четырех орудий и двух эскадронов; к западу от Клени стала вся кавалерия.

Позиция у Скалица занята бригадами Ионака, Розенцвейга, Вальдштеттена, считая от правого до левого фланга; Розенцвейг занял одним батальоном вокзал железной дороги; Гертвег стал в резерве; из артиллерийского резерва три батареи стали в боевых линиях, две в резерве, на площади Скалица; сильные кавалерийские патрули прикрывали фронт и фланги.

Со своей стороны, пруссаки стянулись на плато Высокова и Венцельсберга; генерал Штейцмец, на поле же сражения, продиктовал диспозицию для расположения на ночлег и для движения на следующий день.

20-й бригаде предписано сменить прежний авангард и выставить линию аванпостов на линии Студниц—Высоково—Нейштадт. Главные силы расположились на бивуаке между дорогами в Скалиц и Студниц, т.е. тылом к оврагу. Патроны приказано пополнить из батальонных патронных повозок к девяти часам вечера. Все эти распоряжения и диспозиция для марша были разосланы в войска уже в $4\frac{1}{2}$ часа пополудни, следовательно, часа два спустя по окончании боя. Отмен не было; войска, следовательно, были успокоены во всех отношениях так скоро, как только было возможно.

Кронпринц, прибывший на поле сражения несколько прежде того, как появились главные силы, и оставшийся до его окончания, поблагодарил войска именем короля, приказал генералу Штейнмецу продолжать свое прикрывающее движение и на следующий день на Градлиц и, обещав одну гвардейскую дивизию в подкрепление, отправился в Хронов, куда к вечеру перенесена главная его квартира.

Рамминг донес штабу армии об исходе дела, прибавив, что VI корпус, в предвидимом на следующий день бою, *настой-*

чию может обронять позицию, но что, по важности пункта и вследствие утомления войск, необходимо подкрепление, или желательно, чтобы корпус был сменен. Просьба была уважена: 28-го, в $7\frac{1}{2}$ часов утра, VIII корпус и два четвертых батальона из Иозефштадта прибыли на смену VI. Вместе с тем IV корпус выдвинут к Долану, в семи верстах западнее Скалица.

Заключения. Трудно понять, что разумели в австрийской главной квартире под прикрытием развертывания армии у Иозефштадта, если взять в расчет, что это, во-первых, крепость, следовательно, достаточно опорный пункт; во-вторых, это приказание было отдано Раммингу с 26-го на 27-е, т.е. когда ближайшие прусские войска (разумея главные силы) были от Иозефштадта не ближе, как в двух переходах, и притом за горными дефиле. Любопытно было бы также знать, чего боялись в главной квартире от пруссаков, которые вначале думали об одном только — чтобы их не разбили по частям, следовательно, не могли мешать «развертыванию» армии у Иозефштадта.

Одна бригада истощает усилия трех австрийских, благодаря не одному собственному упорству, но еще и тому, что австрийцы как бы добровольно торопились возможно скорее издержать эти усилия, сменяя одну линию другою, оставляя части в тылу, для обеспечения пути отступления, сменяя одну бригаду другой.

Австрийцы потеряли два штандарта, 227 офицеров, 7145 нижних чинов, в том числе до 2500 пленных, 137 лошадей, 7 орудий; пруссаки — 58 офицеров, 1280 рядовых и 300 лошадей. Причина такой страшной несоразмерности лежит преимущественно в том, что австрийские начальники

мало подготавливали атаки огнем, а рядом с этим атаковали нерешительно; и в том еще, что они, как кажется, если не совсем, то весьма мало пользовались местностью. Наступление мимо леса, не осветив его, в бригаде Гертвега и Розенцвейга, атака рощи, мимо Венцельсберга, занятого пруссаками, тем же Розенцвейгом, кажется, это достаточно доказывают. Между тем лес правее шоссе мог прикрыть прямое наступление к Альтштадту, в обход Венцельсберга и леса, около которых австрийцы понесли самые большие потери.

Страшная потеря офицеров показывает, что если они и не совсем ловко исполняли свои боевые обязанности, зато не задумывались перед возможностью честно лечь в бою. Для людей, которые были равнодушны к мысленной работе по своей специальности в мирное время, но для которых долг и честь не пустые слова, это единственный исход, который примиряет с ними за предшествующую ошибку. Они не последовали мудрому совету сочинителя инструкции, который располагал их не очень рисковать собою.

При меньшей страсти к разбрасыванию войск и смене линий, более решительные результаты, несмотря на игольчатые ружья, вероятно, были бы достигнуты и меньшими силами, и с меньшими потерями.

Ошибки в направлении войск и старших, и ближайших начальников все были свалены на действительность прусского оружия; следовательно, начальство само способствовало тому, чтобы ко времени решительного столкновения игольная паника охватила войска...

До десяти часов пруссаки находились в отчаянном положении; но австрийцы этим не воспользовались, понесли страшный урон и в заключение были отражены: смело мож-

но сказать, что на войне ни за что так жестоко не бьют, как за потерю времени, ибо за минутой с благоприятными для вас обстоятельствами непосредственно наступает другая, столь же благоприятная противнику. Это не только улучшение его положения, но в такой же мере ухудшение вашего, ибо в борьбе интересы противников прямо противоположны.

Прусский авангард был и слишком отдален от главных сил и странно употреблен: от Гелленау, где стояло его непосредственное подкрепление, до Венцельсберга 10 верст, а от главных сил — 20 с лишком. Всю тяжесть боя, судя по потерям, вынес на себе 37-й полк. При несколько большей решительности со стороны австрийцев это могло кончиться тем, что находское дефиле не удалось бы форсировать.

От плато, занятого бивуаками Штейнмеца, до Скалица всего 7 верст; следовательно, бивуак примыкал тылом к непроходимому почти препятствию, т.е. к крутым скатам: положение рисковое, могут заметить некоторые, предполагая решительный переход в наступление со стороны австрийцев, т.е. предполагая *их* такими, какими они не были. Представления о *лучшем*, исчерпаемые из теоретически односторонних соображений, в практике стушевываются, наталкиваясь на закон необходимости. Упущением из вида этого закона мирные военные в особенности грешат, забывая, что в практике *лучшее есть только возможное* в данную минуту.

Части австрийской кавалерии, участвовавшие в стычке, показали себя хорошо, но употреблены были непостижимо странно: в той же реляции, в которой упоминается, что уланский полк № 10-го построился левее Ионака, находим, что этот уланский полк не заявил даже о своем существовании, и когда решено было дать войскам кавалерийскую поддержку,

берут бригаду Сольмса и употребляют ее именно в том месте, где должен был стоять этот уланский полк. Из всей бригады Сольмса атакует всего 5 эскадронов кирасир: куда девались остальные три, остается совершенно необъясненным.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ ПРУССКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ

В австрийском расположении произошла только одна существенная перемена: II корпус, 27-го, прибыл в Опочно и, следовательно, мог на следующий день принять участие в деле.

1-я гвардейская дивизия прибыла на ночлег в Эйпель. Вначале она предложена была в подкрепление генералу Бонину; но тот отказался, не считая себя вправе отклонять ее от прямого направления на Эйпель.

2-я гвардейская дивизия в течение утра была двинута до Хронова, с назначением, в случае надобности, поддержать V корпус; к вечеру перешла в Костелец. Главная квартира переведена в Хронов.

О первом корпусе в течение 27-го не знали ничего положительного; посланный туда офицер вернулся только ночью с 27-го на 28-е и донес, что после довольно упорного боя у Траутенау генерал Бонин потерпел неудачу.

На основании этого первоначальное предположение о подкреплении Штейнмеца одной дивизией было изменено, и весь гвардейский корпус, 28-го, около трех часов пополудни, получил приказание двинуться на Кайле и Пильникау, т.е. во фланг и тыл австрийским войскам, действовавшим против Бонина.

27-го же отряды Штольберга и Кнобельсдорфа имели удачное дело у Освейцима, после которого перепортили железную дорогу на Krakow и тем прекратили прямое сообщение австрийцев с этой крепостью на всю кампанию.

Бой у Траутенау, 27 июня. Генерал Бонин, для исполнения общего плана, предписал своему корпусу на 27-е число движение от Шёмберга через Либау, Траутенау на Арнау. Начало движения назначено в 4 часа пополуночи, причем авангарду¹ было предписано остановиться не доходя до Траутенау, выждать, пока главные силы стянутся у Паршница, и затем уже продолжать движение. За авангардом, в одной колонне, следовали пехота и артиллерия; в хвосте назначено идти кавалерии тогда уже, когда дефиле Траутенау будет в руках пруссаков.

Задержанные трудной дорогой, главные силы достигли Паршница только около десяти часов, после чего началось дальнейшее движение. Головной отряд (два эскадрона драгун), разобрав баррикаду, которою был загорожен мост через Аулу, беспрепятственно прошел Траутенау; за ним начал втягиваться и авангард, который ждала самая неприятная неожиданность: батальоны, втянувшиеся в город, встречены были из домов огнем и чем попало. В то же время драгуны наткнулись за городом на драгунский полк Виндишгреца и были им опрокинуты. Несмотря на то, части авангарда заняли юго-западную окраину города и гору левее его, на которой стоит капелла Св. Иоанна. Австрийцы не противились, ибо в эту минуту силы их состояли всего из одной бригады с полком кавалерии.

¹ 41-й полк, 1-й егерский батальон, два эскадрона литовских драгун № 1.

То была бригада Мондля X корпуса (Габленц)¹.

Х корпус 25 июня прибыл на позицию между Шурцем и Яромиржем.

26-го Габленц выдвинул Мондля к Праусниц-Кайле. Вследствие донесений с аванпостов о наступлении неприятеля со стороны Штаркенбаха, Траутенау, Полица и Находа², Габленцу приказано было двинуться, 27-го, к Траутенау, с тем, чтобы решительно броситься оттуда на неприятеля, где бы он ни показался, не увлекаясь, однако ж, преследованием.

Имея в виду, что, в случае наступления противника от Штаркенбаха или Эйпеля, фланги его расположения у Траутенау подвергались бы большой опасности, Габленц обратился в главную квартиру с просьбою о принятии мер для их обеспечения. Оттуда он получил разрешение обратиться за содействием к IV корпусу (Фестетич), сделал это и указал вместе с тем, что желал бы иметь отряды у Праусниц-Кайле³ и Арнау.

Получив уведомление, что это будет исполнено, Габленц сделал распоряжения для движения своего корпуса с известных уже позиций к Траутенау. Бригада Мондля должна была выступить 27-го в 8 часов утра, достигнув Траутенау, выставить аванпосты и держаться там до прибытия корпуса, которому назначено выступить также в 8 часов.

На следующий день, 27-го, Габленц, обогнав корпус, застал бригаду Мондля завязавшую уже с пруссаками бой. Не желая истощать сил по частям, Табленц предпочел оттянуть

¹ 28 батальонов, 72 орудия.

² Из этих донесений только первое было преувеличено, ибо со стороны Штаркенбаха появились только незначительные кавалерийские партии от I армии для открытия сообщений со II армией.

³ На дороги из Полиц-Эйпель в Краледвор.

с боем эту бригаду назад, в ожидании прибытия главных сил, и расположил ее на позиции у Ней-Рогница, верстах в $2\frac{1}{2}$, южнее Траутеная.

Пруссаки, видя это отступление, все более и более развертывали свои силы влево от Траутеная, на высотах, фронтом к Ней-Рогнице, встречая только местные препятствия и угрожая правому флангу Мондля. Наконец этот последний получил первое подкрепление: батарея бригады Гриевича опередила ее и прибыла на позицию.

Около 12 часов пруссаки попытались атаковать позицию с фронта; но это им не удалось, благодаря действию батарей и атакам кавалерии. К этому времени прибыла наконец голова главных австрийских сил — бригада Гриевича. Приказано: перейдя вправо, атаковать левый фланг прусских войск, дабы облегчить положение Мондля, который продолжал держаться на позиции у Ней-Рогница.

Гриевич, построившись в две линии, двинулся против пруссаков и после непродолжительной перестрелки начал теснить левый их фланг так удачно, что опередил уже правый фланг Мондля, когда прибыла еще одна бригада (Вимпфена) с двумя батареями. Тогда ее расположили на позиции у Ней-Рогница, а Мондля подвинули к Гогенбруку. Этот успех побудил решиться на атаку ключа позиции — горы, на которой находится капелла. Огонь 32 орудий обратили против этого пункта, с расстояния около 800 сажен, и после довольно продолжительной канонады решились двинуть на него Вимпфена. Это можно было сделать тем более что и последняя бригада (Кнебеля) наконец прибыла.

Около $3\frac{1}{2}$ часов, под прикрытием огня батарей, двинулся Вимпфен от Гогенбрука на высоту капеллы, имея правее себя

Мондля и еще правее Гриевича. Кнебель следовал сзади. Его хотели приостановить у Ней-Рогница; но приказание до него не дошло, и, благодаря этой счастливой случайности, атакующие войска получили резерв. Позиция была труднодоступна; пруссаки защищали ее стойко: атака Вимпфена не удалась — бригада его повернула назад. Но не успели еще пруссаки опомниться от этого столкновения, как увидели, что на ту же гору идут новые силы (Кнебель); вместе с тем Гриевич, пользуясь перелесками, приближался к Партици, т.е. угрожал путем отступления.

При таких обстоятельствах, командир I корпуса счел за лучшее предпринять отступление обратно к Шембергу. Для прикрытия его пять батальонов и батарея были расположены на высотах севернее Траутенау, где и оставались до 9 часов, перестреливаясь с батареей и стрелками Гриевича через овраг.

Отступление было совершено спокойно, так как австрийцы не преследовали. Вимпfen занял Траутенау; Гриевич остался на ночлеге южнее Паршица, остальные за ними в резерве, севернее Ней-Рогница.

Около 8 часов вечера Габленц получил донесение от Флейштакера, командира бригады IV корпуса, отряженного для обеспечения флангов X корпуса, что он одну полубригаду расположил у Нейшлосса, на дороге в Арнау, а другую у Праусница. Как впоследствии оказалось, он занял не Праусниц-Кайле, за правым флангом Габленца, а Праусниц, находящийся к югу от Арнау. Это недоразумение имело весьма важные последствия для Габленца на следующий день, так как правый его фланг, против которого наступала прусская гвардия, остался обнаженным.

Заключения. Хотя в прусских описаниях и говорится, что дралось всего 15 батальонов против 28, однако едва ли это так, ибо в перечне потерь прусской армии, официально опубликованном, показано, что все полки корпуса понесли их. Следовательно, в этом деле произошло то же, что мы видели в находском; только противники поменялись ролями: в начале дела пруссаки были сосредоточенее австрийцев, к которым последняя бригада подошла не ранее трех часов, и если последние удержались, то благодаря нерешительности наступления первых.

Пруссаки потеряли: 42 офицера, 1250 нижних чинов¹; австрийцы — 196 офицеров, 5586 нижних чинов.

Сравнение этих цифр весьма поучительно: из них видно, во-первых, что не всегда тот бьет, кто больше убивает; во-вторых, что оружие все-таки нужно иметь возможно лучшее, ибо только при этом условии цель достигается с наименьшими потерями.

Австрийская манера действия видна и в этом деле: Кнебеля хотели оставить в резерве, и не пойди он сам в атаку, может быть, его бы и не пустили, а назначили бы для прикрытия пути отступления: вопрос о том, кто победил, кто побежден, за весьма редкими исключениями, висит на волоске. В этом деле вполне ясно, хотя и случайно, обнаружилось то основное условие успеха атаки, что раз на нее решившись, не должно щадить ничего; не должно также давать опомниться противнику, а наносить удар за ударом, что предполагает близкое расположение резервов за частями, направляемыми в атаку.

¹ По другим источникам, заслуживающими вероятности, потеря пруссаков в этом деле была около 4000.

Со стороны пруссаков расход в некоторых частях патронов был сравнительно велик, но все же несравненно меньше, чем было в прежние войны. Это наводит на два заключения: при неспокойном состоянии духа части можно бояться тем большего расхода патронов, чем оружие будет совершеннее; большой расход патронов можно устраниТЬ рациональной системой обучения стрельбе в мирное время: чем меньше эта система будет располагать людей суетиться в строю, тем лучше.

ДЕЛА 28 ИЮНЯ

1) *При Бургерсдорфе или Сооре.*

Вследствие известного уже приказания из главной квартиры II армии, голова 1-й гвардейской дивизии (Гиллера), утром 28-го, в 8 часов, прошла трудное дефиле Эйпель-Раач и была в готовности идти на Праусниц-Кайле, когда получено донесение о появлении сильных неприятельских колонн у Бургерсдорфа: то были бригады Габленца, стоявшие впереди Ней-Рогница и быстро передвинутые им на высоты Бургерсдорфа, скат которых, весьма пологий к стороне наступления пруссаков, покрыт перелесками, удобными для действия пехоты.

Для Габленца беспрепятственное наступление пруссаков с этой стороны было неожиданностью. Бежавшие перед пруссаками жители донесли первые ему об этом; только тогда он узнал, что Праусниц-Кайле, о занятии которого он просил, никем не занят. Какого рода действие производят подобного рода разочарования, особенно когда они неожиданны, нетрудно себе представить; тем не менее Габленц недолго думал о

том, что ему делать: расположившись с двумя бригадами и тремя батареями на сказанной позиции, он притянул бригаду Вимпфена в резерв, а Гrivиччу приказал направиться против правого фланга пруссаков. Едва это расположение было принято, как пруссаки появились у Стаденца.

Авангард первой гвардейской дивизии (4 фузилерных батальона, рота стрелков, две роты пионер, эскадрон гусар, одна 4-х-фунтовая пешая батарея), под командой полковника Кесселя, достигнув Стаденца, занял его и после непродолжительной перестрелки, под огнем 24 орудий, которым мог противопоставить только шесть, предпринял атаку ближайшего перелеска. Атака удалась, но дальнейшее движение вперед пруссаков было отражено, что заставило их ограничиться первым своим успехом до прибытия подкреплений. Вскоре начали они прибывать, но понемногу, ибо колонна весьма растянулась по трудному дефиле Эйпель-Раач, которое тянется версты четыре. Первой прибыла 6-фунтовая батарея, за нею 1-й и 2-й батальоны* фузилерного полка, которые направлены правее авангарда, по командующим высотам, тоже усеянным перелесками, позволявшим довольно укрытое приближение к левому флангу бургердорфской позиции; двинулись вперед; снова загорелся бой; австрийцы, несмотря на утомление предшествовавшего дня, отстаивали позицию шаг за шагом. Батареи их постепенно были усилены до 40 орудий: но с прибытием последних частей 1-й гвардейской дивизии, одной батареи и дивизионной кавалерии 2-й гвардейской дивизии пруссаки достигли наконец высот, на которых стоит Бургердорф, и около часа с половиной пополудни сбили австрийцев, начавших отступление на Пильникау.

Эта победа стоила 1-й гвардейской дивизии больших усилий, так что дальнейшие действия против австрийцев возложены были на 2-ю гвардейскую дивизию, которая, между тем, вытянулась в дефиле и была распределена следующим образом: восемь батальонов и две батареи направлены на Соор, два батальона гренадерского полка № 2-го вправо, на Рудерсдорф и Альт-Рогниц; два батальона оставлены в резерве. Направление войск на Рудерсдорф было обусловлено тем, что, во время боя у Бургерсдорфа со стороны Траутенау, по альтрогницкой дороге донесли о приближении сильной колонны. Пруссаки, не зная еще, что Бонин возвратился к Шембергу, полагали, что это его колонна, и отрядили сначала один батальон к Рудерсдорфу, чтобы войти с ней в связь.

Но это была часть бригады Гриевича, которого Габленц направил во фланг пруссакам. На него и наткнулся прусский батальон у Альт-Рогница. Сознавая всю важность назначения, которое случайно выпало на его долю, командир батальона, Годи, решился не отступать и геройски исполнил свою задачу. В узком овраге, вдоль которого тянется Альт-Рогниц, и по сторонам его произошла кровавая свалка: в короткое время командир батальона, большая часть офицеров и больше трети людей выбыли из строя. Потеснили батальон; но в южном конце деревни он успел удержаться до прибытия другого батальона своего полка. Примкнув к себе остатки батальона своего падшего товарища, майор Бен ринулся вперед и выбил австрийцев из Альт-Рогница. Гриевич, вероятно, получив уже известие об исходе дела у Бургерсдорфа, не возобновил атаки.

Это указало, что у Траутенау должен еще находиться неприятель, вследствие чего двум батальонам, оставшимся в

резерве, дано направление на Гогенбрук к Траутенау; правее их, для связи с сражавшимся у Альт-Рогница, пущены три роты фузилерного батальона того же grenadierского № 2-го полка, по лесистым высотам, которые накануне занимал Бонин. Преследование дало до 4000 пленных, два знамени и нисколько орудий. Прекратили его, дойдя до Траутенау на севере и до Соора на западе, часов около пяти пополудни. Общая потеря Габленца, по прусским сведениям, должна доходить до 8000 человек; пруссаки же потеряли 700. Таким образом, X корпус, так героически показавший себя накануне, был уничтожен наполовину, благодаря тому, что не был поддержан вовремя. Толпы, рассеянные, деморализованные, с большими усилиями направлены были на Пильникау, дабы оттуда начать кружное отступление к главным силам, на тот самый Обер-Праусниц, который подал повод к такому роковому для них недоразумению. Пруссаки, под предлогом утомления, не преследовали, забыв заповедь Фридриха Великого, что в необыкновенные дни нужно уметь делать и необыкновенные усилия.

Заключения. Габленц отчасти сам был виной катастрофы, не приняв никаких мер к тому, чтобы убедиться еще 27-го, действительно ли занят Праусниц-Кайле. На войне мало распорядиться или попросить о распоряжении, а необходимо еще посмотреть, *исполнено ли распоряжение*.

Предполагая со стороны Габленца немедленное движение к Эйпелю после боя у Траутенау, *несмотря на утомление войск*, положение его на следующий день было бы выгоднее. В горной войне только тот и выходит победителем, кто не успокаивается до тех пор, пока не все сделано. Наполеон в 1796 г. — высокий образец в этом смысле.

В тот же день, вечером, посланный от Габленца донес Бенедеку о судьбе X корпуса, ставшего второй искупительной жертвой за ошибку употребления сил по частям. Говорят, будто бы главнокомандующий, обращаясь к Геникштейну и Кризманичу, заметил: «Я вам говорил, что если будем употреблять свои силы по частям, нас побьют». Если это справедливо, то какой горечью и презрением должно было наполниться его сердце к невинной теории и к представителям ее, односторонним теоретикам, склонившим его отступить от принципа совокупного употребления сил, которого он всегда держался в бою и которому изменил, когда дошло дело до стратегического распределения масс!.. И как безвозвратно, может быть, пожалел он о том, что сам не занимался теорией хотя на столько, чтобы не преклоняться безусловно перед доводами теоретиков, понимавших ее вкривь и вкось, а найти, напротив, подкрепление в ней своему личному опыту и личному здравому смыслу!... Для обширных стратегических комбинаций действительная практика возможна чрезвычайно редко: на всю жизнь главнокомандующего, кроме эпох исключительных, придется, может быть, одна, две войны; при этом личный опыт не очень выйдет велик. И единственный возможный путь освоиться с духом этих комбинаций лежит в тщательном изучении военной истории. Если его нет, поневоле попадешь в руки Вейротеров и им подобных, и головы летят тысячами без толку, и троны колеблются, и репутации, созданные долгой трудовой, доблестной жизнью, рушатся в прах...

2) *Бой у Скалица.*

Уже известно, что у Скалица и в резерве за ним стояли три австрийских корпуса — IV, VI и VIII — и резервная кавале-

рийская дивизия принца Гольштейна, следовательно, не менее 80 000. На них Штейнмец должен был наступать с 35-ю, не более.

Генерал Штейнмец, получив приказание кронпринца продолжать наступление на следующий день, отдал диспозицию, сущность которой заключалась в том, что бригада Гофмана должна была выдвинуться к Нейштадту, выслать в пятом часу утра свой драгунский полк на рекогносцировку в том же направлении примерно на одну милю. В авангард назначен гренадерский полк № 7-го с 4-х фунтовой батареей, 4-м драгунским полком, ротой сапер на дорогу Высоково—Скалиц. Главные силы направляются за авангардом (10-я дивизия и 66 орудий — Кирхбах), имея в правом боковом отряде 17-ю бригаду, две роты стрелков, один эскадрон, 24 орудия, которым идти на Скалиц через Студниц. Обоз на Костелец, под прикрытием остальных рот пионерного батальона.

Около восьми часов войска были готовы у Высокова и Студница, с той только разницей от диспозиции, что бригада Гофмана не пошла на Нейштадт, а образовала уступ влево относительно авангарда.

Генерал Штейнмец решился направить главное усилие в обхват левого неприятельского фланга, дабы скорее иметь в своей власти дороги, по которым можно бы было войти в связь с гвардией. Для начала атак ожидали только прибытия обещанной гвардейской пехотной дивизии. Так прошло часов до десяти. Наконец было получено уведомление, что вся гвардия, вследствие неудачи I корпуса, двинута через эйпельский проход.

Это известие совершенно изменило положение, и притом не в особенно выгодную сторону. Не было сомнения, что ав-

стрийцы находятся у Скалица в превосходных силах, между тем как все войска генерала Штейнмеца дрались, и притом после трудного перехода, и только к вечеру 27-го усилены были бригадой Гофмана.

Но командир V корпуса, имея в виду свое назначение прикрывать общее движение, решил атаковать.

Австрийцы заняли узкую и длинную высоту, на которой стоит Скалиц, а передовые войска выдвинули в лесок у Дубно, правее и левее которого поставили сильные батареи.

Прусские войска двинуты вперед. Едва Левенфельд от Студница выдвинулся вперед на Шеффер-Берг, как против него открыли сильную канонаду; его батареи выдвинуты на позицию и тоже начали стрелять. Превосходство неприятеля побудило генерала Левенфельда несколько податься назад. Штейнмец, заметив это, сам поскакал к этому отряду, приказав авангарду левой колонны и бригаде Гофмана решительно атаковать лес у Дубно. Несколько времени спустя правый боковой отряд также двинулся в атаку: лес, Дубно и Клени взяты сразу, но не без упорного боя. Этот первый успех совершенно расстроил порядок в передовых войсках; части смешались, но это не помешало смело подаваться всей линии вперед. Под прикрытием этих войск дивизия Кирхбаха переведена вправо и фронтом расположилась к Зличу, упираясь правым флангом в реку Аупу. Между тем войска, атаковавшие линии Дубно и Клени, дошли до главной позиции — скалицкой высоты.

Эту высоту на правом фланге усиливалась еще углубленная железная дорога, вокзал которой и дома Скалица, прилегающие к самому скату, были заняты и приведены в оборонительное положение. На некоторое время все слилось

в общий гул от канонады и ружейной перестрелки с обеих сторон. В это время справа у Чернова появилась бригада гвардейских кирасир; ординарцы, разосланные по войскам, указывая на прибытие этого подкрепления, именем генерала Штейнмеца отдали приказ: всем ломить прямо перед собой; одновременно с фронтальной атакой Кирхбах должен был ударить с левого фланга. С фронта атака была крайне трудна, особенно у железной дороги и далее в Скалице, где приходилось брать дом за домом, и едва ли бы она удалась, если бы не энергическое содействие Кирхбаха, который с 20-й бригадой опрокинул все стоявшее на высотах севернее Скалицы и взял баррикаду, преграждавшую вход в город с его стороны. После этого героического усилия сквозь 20-ю бригаду была проведена 19-я, которая продолжала бой в городе и совместно с полком авангарда (grenadierского № 7-го) наконец очистила его от австрийцев.

Пруссаки заняли противоположный берег Аупы и преследовали только огнем отступавших к Долану австрийцев, чем и закончен бой, около четырех часов пополудни.

Пять орудий и около 2500 пленных попали в руки победителям; число убитых в точности неизвестно. Пруссаки потеряли всего: 40 офицеров и 1180 нижних чинов. Дело сделала почти исключительно пехота, так как, по свойству местности, артиллерия могла действовать только с дальних позиций, а кавалерия и совсем не была употреблена. Из показанной потери на эти два последние рода войск приходится всего 6 человек.

Со стороны австрийцев в деле принял участие один только VIII корпус, при возможности употребить три; со стороны же пруссаков дрались те же самые войска, что и вчера; при-

бавился только 38-й полк бригады Гофмана; другой его полк остался нетронутым.

Австрийцы остались верны своему принципу смены, в применении не только к корпусам (так как VI в этот день не принял участия в деле), но и к более мелким единицам; пруссаки же, напротив, до такой степени не допускали мысли о возможности отдыха, пока цель не достигнута, что ни в этот день, как и при Находе, тяжесть боя опять легла на доблестную 17-ю бригаду и на 7-й полк.

Командир VIII корпуса после этого дела был сменен, хотя невольно приходит в голову такое недоумение: отчего Бенедеку не выехать было самому для распоряжения боем? От Иозефштата до Скалица всего одиннадцать верст; о важности положения нетрудно было судить из того, что случилось с Раммингом; наконец, перемещение главнокомандующего из главной квартиры на такое незначительное расстояние не могло невыгодно отразиться на общем ходе стратегических распоряжений, обнимавших еще десятки верст. Если припомнят, граф Кlam был еще в это время у Мюнхенгреца и Субботки; следовательно, ничем не рискуя, можно было, кажется, сосредоточить все свое внимание на II прусской армии.

Как и накануне, приказ генерала Штейнмеца насчет необходимых распоряжений был готов через час после боя. Авантпосты предписано выставить на левом берегу Аупы, от Рикова через Заезд от бригады Гофмана и от 20-й; штаб-квартире перейти в Скалиц; 7-му полку занять этот город, а остальным частям обеих дивизий стать фронтом к городу, 9-й севернее, 10-й южнее находского шоссе; артиллерийскому резерву — за 10-й дивизией, от которой выставить авантпосты к стороне

Нейштадта. Войска предупреждены, что в Находе устроен лазарет иоганнитов. Войскам приказано выдать двойную порцию; на следующий день, утром, сделать варку; обед кончить к одиннадцати часам.

В случае, если неприятель ранее этого времени произведет нападение, котлы оставить на кострах и отрядить к ним по нескольку человек.

Обратить внимание, чтобы все питейные запасы в городе были конфискованы и распределены между частями.

Если на следующий день не последует движения, то войскам, вечером, выдать еще порцию.

Патроны пополнить к сегодняшнему вечеру».

Заметка о котлах говорит сама за себя во всех смыслах.

29 июня. Положение австрийцев. После неудач 28 июня в австрийской главной квартире, кажется, признали, что уже достаточно сделано для прикрытия *стратегического развертывания армии* и что можно было приступить наконец к тому, чтобы противодействовать соединению враждебных масс. Как уже сказано при описании боя у Гичина, утром 29-го, решено было, задержав I армию у этого пункта,пустить в промежуток между ней и II армией четыре корпуса через Милетин в направлении к Турнау, о чем и извещен был принц Саксонский. Но эта решимость, кажется, была принята за тем только, чтобы ее немедленно оставить: перед обедом войска получили диспозицию, предписывающую им следующее расположение:

IV корпусу оставаться на позиции у Долана, не вступая в неравный бой с превосходными силами неприятеля, в случае нападения которого отступать на Сальней, где и стать в ре-

зерьве за II корпусом, вместе с 1-й резервной кавалерийской дивизией.

II корпусу занять высоты Сальней и Кукуса и быть в готовности отразить нападение с востока и северо-востока.

VIII корпусу занять пространство левее II, фронтом частью на восток, частью на север.

VI корпусу стать левее VIII, у Зибоеда, фронтом на север; X — в резерве за VI, между Штерном и Либталем.

2-й и 3-й резервным кавалерийским дивизиям прикрывать левый фланг VI корпуса.

III корпусу расположиться у Милетина; артиллерийскому резерву, под прикрытием одного уланского полка, у Большого Бюрглица¹.

Войска, вверенные принцу Саксонскому², должны были присоединиться к главным силам, избегая боя с превосходным в силах неприятелем.

Эту позицию приказано сохранять и в течение 30 июня.

Современные действия пруссаков. По диспозиции из главной квартиры, соединение корпусов II армии у Кралевора должно было наконец состояться 29 июня.

Гвардейский корпус, бивуакировавший на тех местах, где окончил бой накануне, направлен через Бургерсдорф и Реттендорф к Кралевору. С началом движения 3-й гвардейский полк наткнулся на рассеянные толпы X корпуса, укрывавшиеся в перелесках около Бургерсдорфа и, следовательно, ночевавшие почти в расположении пруссаков, чего последние и не подозревали. Стычка не могла быть серьезна: истощен-

¹ Верстах в 4 с лишком за позицией.

² Т. е. его и I корпус.

ные, потерянные, они скорее бросали оружие, чем дрались: до 400 пленных попали, таким образом, в руки пруссаков.

Авангард гвардейского корпуса¹, при движении к Краледвору, получил донесение от своих гусар, что этот пункт занят неприятелем; на высотах по ту сторону Эльбы видны были идущие войска; занимал Краледвор полк Коронини (№ 6-го), с двумя егерскими ротами бригады Флейшгакера, которому случайность отвела такое роковое место в поражении Габленца и который теперь призван был прикрыть отступавшие остатки его корпуса.

Гвардейский авангард выстроился к атаке; раздвинулись и главные силы, дабы облегчить артиллерию выезд на позицию. После непродолжительной канонады авангард пошел в атаку, потеснил цепи, рассыпанные в полях впереди города, затем ворвался в него с нескольких сторон и, не обращая внимания на огонь из домов, бросился к мосту через Эльбу. Пруссики достигли его ранее, нежели австрийцы очистили дворы. Это имело следствием полное расстройство полка Коронини: два знамени и 400 пленных достались пруссакам, которые с своей стороны потеряли не более 70 человек. В колонне генерала Штейнмеца также не обошлось еще без одного дела.

ДЕЛО У ШВЕЙНШЕДЕЛЯ

Генералу Штейнмецу приказано было достигнуть, 29-го, Градлица. С каждым шагом вперед положение его колонны становилось опаснее, ибо она приближалась к средоточию

¹ Состав тот же, что и накануне.

австрийских сил. Притом и войска были утомлены нечеловеческими усилиями двух предшествовавших дней. По счастью, австрийская диспозиция значительно уменьшала риск предприятия: как уже известно, Фестетич (IV корпус) должен был «избегать боя с превосходными силами», причем всякое решительное наступление могло показаться наступлением превосходных сил. Так и было. Генерал Штейнмец знал, с кем имеет дело.

Чтобы дать отдохнуть войскам, он приказал выступить только в два часа пополудни. По собранным сведениям, значительные неприятельские силы были сосредоточены у Долина: вследствие чего и решено, избегая столкновения с ними, пройти на Градлиц вправо, выслав боковой авангард к Швейншеделю из 20-й пехотной бригады с двумя батареями и драгунским № 4-го полком.

Главные силы должны были переправиться выше Скалица, у Злича и Ратибориц и двинуться в обход левого неприятельского крыла, Мисколес, Хвалковиц, Градлиц. Авантгард колонны главных сил составляли 19-я бригада, две роты стрелков, уланы № 1-го и две батареи, под командой генерал-лейтенанта Кирхбаха; за ним непосредственно шла гвардейская кирасирская бригада со своей батареей.

Около четырех часов, когда голова бокового авангарда достигла Тржебузова, показались сильные колонны со стороны Иозефштадта. 20-я бригада построилась в две линии полубатальонных колонн правее дороги, имея левее ее только два полубатальона.

В то же время Кирхбах, дошедший до Мисколеса, перешел здесь через овраг, пристроился к боковому авангарду, и обе бригады двинулись к линии Зебуч—Швейншедель; тот

и другой пункты были взяты без особенного труда у частей IV корпуса.

Австрийцы отступили непреследуемые, так как V корпусу нужно было идти на Градлиц, а не на Иозефштадт.

Выдвинув всю свою кавалерию¹ за Швейншедель, генерал Штейнмец стянул за хвелковицкий овраг пехоту и у Буковины остановил ее на привал до девяти часов вечера, после чего беспрепятственно дошел до Градлица, где и расположился на ночлег, выдвинув авангард к юго-западу в направлении к Яромиржу, и расположив аванпосты по Алленбаху. Хвост колонны прибыл к месту только утром 30-го.

29-го же корпус генерала Бонина возвратился от Шемберга, у которого отдыхал в течение всего 28-го, и прибыл к Пильнику.

VI корпус (генерала Муциуса) 29-го прибыл к Скалицу.

Таким образом, трудная задача сосредоточения у Краледвора, державшая целые два дня II прусскую армию в положении критическом, была решена, благодаря непонятным колебаниям Бенедека, благодаря настойчивости генерала Штейнмеца, который с одними и теми же войсками три дня сряду наступал и дрался, по трудным дорогам и в сильную жару². Половина австрийских сил³ понесла весьма чувствительные потери и поколеблена нравственно двумя прусскими корпусами⁴. Бенедек дорого заплатил за потерю удобной минуты к переходу в наступление. В общем, потери его дошли

¹ Гвардейская кирасирская бригада с батареей, драгунский 4-й и уланский 1-й полки.

² Сделав в три дня около 42 верст.

³ VI, VIII, X, IV корпуса.

⁴ 5-м и гвардейским.

ли до 40 000 чел.; о нравственном же упадке и говорить нечего. Вместе с тем это подняло уверенность в себе пруссаков до той степени, на которой становится почти невозможным победить армию тому, кто перед тем был ею побежден. Смело можно сказать, что, после всего происшедшего, каждый пруссак стоил по крайней мере двух австрийцев.

Потеря минуты — такой грех в военном деле, за который противник мало-мальски искусный всегда жестоко бьет. Это верно как относительно самых мелких боевых, так и самых крупных стратегических положений. В начале кампании прусской II армии представляется превосходный случай вторгнуться в Богемию между 21-м и 24-м июня; она упустила эту минуту, благодаря бесполезному передвижению к Нейссе. Вследствие этого шансы перешли на сторону австрийцев: дни 27-го, 28-го и 29-го могли быть для них самыми доблестными и самыми роковыми для пруссаков. Силы последних разбросаны по дефиле, растянуты трудными дорогами; Бенедек имеет, напротив, свои силы сосредоточенными. Но вместо того, чтобы ударить направо или налево, он колебляется между обеими этими решимостями, мучит войска, сцеплением приказаний и отмен их, пропускает минуту и кончает кениггрецкой катастрофой, к чему его не привела бы самая дерзкая решимость вначале, но только на что-нибудь одно¹.

Положение пруссаков и австрийцев 30 июня. В этот день решено было прусским войскам дать отдых. Только VI корпус притянут к Градлицу. Предстояло решить еще одну задачу — соединиться с принцем Фридрихом Карлом, который в это время находился в 20 верстах с лишком.

¹ Составший из артиллерийских резервов III и IV корпусов, которые принц Фридрих-Карл соединил в один.

Связь с ним была уже восстановлена: от Гичина, 30-го, к Нейштедтлю, где стоял I корпус, прибыл 1-й гвардейский драгунский полк от армии принца Фридриха-Карла.

30-го произошла одна только незначительная тревога; трудно решить даже, кто первый ее поднял — австрийцы или пруссаки.

Рано утром, часов около четырех, две прусские батареи¹, выехавшие южнее Градлица, открыли огонь и нанесли некоторый урон бригадам принца Виртембергского и Сафрана (II корпуса). Войска быстро стали в ружье; австрийские батареи также открыли огонь по Градлицу; несколько снарядов попало в бивуаки V корпуса — и там тревога; в Градлице зажжено несколько домов. Пруссаки думали, что австрийцы собираются что-либо предпринять, австрийцы ожидали того же со стороны пруссаков; но ни того, ни другого не было. Редкая канонада тянулась часов до девяти утра, после чего замолкла для того, чтобы возобновиться опять около шести часов, точно так же бесцельно.

30 же июня король прусский прибыл в Рейхенберг и принял начальство над армиями, действовавшими в Богемии. 1 июля его главная квартира перенесена в Турнай, 2-го — в Гичин.

Между тем в главной австрийской квартире оставили на-мерение оборонять линию Эльбы, и к вечеру всем корпусам разослано приказание отступить ночью в окрестности Кениггреца (Кралеграда), оставив арьергарды и аванпосты до рассвета на занимаемых позициях.

Снялись корпуса с позиции и потянулись; но ночное движение обратилось в дневное. Чего стоило это движение вой-

¹ Считая по линии Нейштедтель — Праусниц — Гориц — Башници.

скам, достаточно свидетельствует один факт: II корпус, долженствовавший отступить к дер. Тротине, т.е. сделать всего около десяти верст, прибыл туда только 1 июля, около полудня, задержанный столплением войск и обозов около Яромиржа. Движение, несмотря на эту случайность, совершено беспрепятственно — лучшее доказательство, что не было никакой надобности предпринимать его ночью.

VII

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ ПЕРЕД БИТВОЙ ПРИ КЕНИГГРЕЦЕ

Положение пруссаков. Хотя соединение обеих прусских масс еще и не состоялось, но этому не было уже более никакого препятствия; торопиться с ним не было надобности, ибо если австрийцы не имели достаточно решительности и подвижности, чтобы разбить отдельные дебуширующие из горных дефиле корпуса, то тем менее можно было опасаться какого-либо решительного предприятия против одной из разрозненных между собою армий, из которых каждая имела свои силы уже сосредоточенными. Притом же австрийцы так были потрясены предшествующими неудачами, что принимать против них предосторожности, советуемые теорией в отношении противника предприимчивого, было бы только тратой времени и бесполезным утомлением войск.

К этому присоединялось еще и то соображение, что, в случае соединения прусских сил на правом берегу Эльбы, Бенедек мог бы, переправившись на левый, занять фланговую позицию Иозефштадт Кениггрец, что заставило бы снова переправляться на левый берег, только с боем.

Вследствие этого кронпринц, по распоряжению свыше, не присоединил своей армии к I, а только принял меры к тому, чтобы, в случае надобности, иметь беспрепятственный переход на правый берег Эльбы. Для этого дальнейший от австрийцев корпус — генерала Бонина — 1 июля перешел у Нейштедтля на правый берег Эльбы и достиг Обер-Праусница, выслав авангарды в Желеиов и Аухлеиов. Кавалерийская дивизия II армии, шедшая по одной дороге с I корпусом, осталась у Нейштедтля.

2 июля и 1-й гвардейской дивизии, стоявшей у Краледвора, приказано выдвинуть авангард на правый берег Эльбы, в Даубравиц. 2-я гвардейская дивизия и тяжелая гвардейская кавалерийская бригада остались у Реттендорфа; V и VI корпуса, по-прежнему, у Градлица; главная квартира — Краледвор.

Современно этому, корпус Герварта прибыл к Смидару и расположился в окрестностях этого пункта; и 1-я же армия заняла следующее расположение, считая от правого фланга:

II корпус (Шмит): 4-я дивизия у Собшица и западнее; 3-я у Востромера.

Артиллерийский резерв впереди 3-й дивизии, у Домославица и Ауезд-Сибвару.

IV корпус: 8-я дивизия у Головуса, 7-я у Горица.

III корпус: 5-я дивизия у Добес, 6-я у Милетина.

Артиллерийский резерв армии* за III корпусом у Влканова и Малого Милетина, следовательно, как раз впереди авангарда I корпуса у Зелеиова.

Резервный кавалерийский корпус (принца Альбрехта) в авангарде южнее Горица, у Гутвассера, Лисковица и Башница.

Аванпости I армии были выдвинуты на линию Планек—Клениц—Череквиц.

Главная квартира в Камениде, в 12 верстах за Горицем, по гичинской дороге.

Все прусское расположение занимало: по фронту: от Смидара до Градлица, около 30 верст, в глубину не более 20**. Большая часть II армии была притом отделена Эльбой от остальной массы сил.

Расстояние между главными квартирами было: от Гичина до Каменца 9 верст; от Гичина до Краледвора около 30 с лишком и от Каменица до Смидара* около 14 верст.

В главной квартире короля полагали, что Бенедек займет позицию на левом берегу Эльбы, между крепостями, вследствие чего и решено было дать 2 июля отдых войскам, а 3-го приказано сделать рекогносцировки: от I армии к Кениггрецу, а от II к Иозефштадту. Разосланы были соответствующие приказания; принц Фридрих-Карл, бывший в Гичине, лично получил их и около полудня отправился в Камениц. Но по прибытии туда он получил несколько донесений о том, что неприятель сосредоточен на правом берегу Эльбы, за Быстрицей, и что есть части, расположенные даже по сию сторону этой речки и занимающие Чернутек и Дуб.

Таким образом, дело представилось совершенно в другом свете, чем казалось в главной квартире, и естественно требовало иных распоряжений. Решимость неприятеля принять бой в подобном положении была до такой степени выгодна для пруссаков, что должна была вызвать с их стороны безотлагательную атаку, дабы не дать Бенедеку времени перемянить свое намерение.

Главнокомандующий 1-й армией решился поэтому, во всяком случае, вызвать бой утром 3-го, и не был уверен толь-

ко в одном: собираются ли австрийцы наступать, или оброняться.

Сообразно этому намерению, войскам разослано приказание двинуться в ночь со 2-го на 3-е в направлении к Быстрице и занять позиции, на которых они могли бы обороняться до прибытия подкреплений; генералу Герварту приказано выступить возможно ранее на Неханиц и действовать во фланг неприятелю, будет ли он атаковать, или оброняться. К кронпринцу отправлен ординарец с просьбой подкрепить I армию хотя одним корпусом, направив его в правый фланг австрийцев.

Генерала Фохтс-Реца принц послал к королю с донесением о вновь полученных сведениях. Фохтс-Рец прибыл в Гичин около десяти часов вечера и донес королю о распоряжениях своего главнокомандующего. Собран военный совет: немного употребил он времени на то, чтобы решиться, но только инициативе принца Фридриха-Карла дал полное развитие: не одному корпусу II армии, но всей армии приказано двинуться во фланг предполагаемого расположения Бенедека. Мгновение выпадало драгоценное, подобного которому могло не представиться более во всю кампанию: нужно было ловить его на лету, и великая заслуга прусских военачальников заключалась именно в том, что они поняли это положение и быстро решились. При таком условии, хорошо соображеный план нападения составлял уже если не второстепенное, то далеко не главное условие.

Когда судьба посыпает возможность напасть на противника в минуту ошибочного его положения, первой заботой должно поставить себе *быстро* бить; искусство удара является делом второстепенным. Но пруссаки не упустили из

вида и этого последнего условия; напротив, выполнили его хорошо, если принять в расчет пассивность австрийских начальников и нравственное состояние их армии.

Общая идея плана атаки заключалась в том, чтобы употребить $4\frac{1}{2}$ корпуса принца Фридриха-Карла на атаку с фронта, дабы, так сказать, придержать Бенедека на позиции, не дать ему уйти за Эльбу, и тем выиграть время, необходимое на то, чтобы армия кронпринца ударила ему во фланг. Дополнение этой основной идеи, дополнствовавшее усилить для австрийцев последствия поражения, если бы оно состоялось¹, заключалось в том, что Герварт получил приказание прямо устремиться к Кениггрецу, в обход левого австрийского фланга, не очень занимаясь фронтальным сбиванием с позиции войск, который ему будут противопоставлены.

Король назначил свой выезд из Гичина 3-го, в пять часов утра, к армии Фридриха-Карла. Вменено в обязанность этому последнему не завязывать дела слишком рано (если не последует нападения со стороны противника), дабы дать время подойти II армии. К кронпринцу в Кенинггоф послан с приказаниями флигель-адъютант Финкенштейн, около часа пополудни, 3 июля.

Распоряжения для осуществления вышеизложенной идеи заключались в следующем:

а) В 1-й армии: Герварту, с возможно большим числом войск, идти по известному уже направлению, от Смидара.

Остальным трем корпусам армии быть к двум часам утра на следующих местах:

¹ А пруссаки в этом почти не сомневались после одержанных успехов.

II корпусу — в *Бржистане* 3-й дивизии и в *Планеке* 4-й.

IV корпусу — 8-й в *Миловице* на шоссе; 7-й по переправе через *Быстрицу* у *Болешого Еричка*, в *Череквице*, на левом фланге расположения.

III корпусу составить резерв, расположившись к югу от *Горица*.

Резервной кавалерии с рассветом быть в готовности на бивуаке у *Тутвассера*.

Артиллерийскому резерву армии — *севернее и западнее Горица*, на милетинской и гичинской дорогах. Все это расположение заняло в глубину и по фронту около 10 верст¹.

Вместе с тем II корпусу вменено в обязанность войти в связь с корпусом Герварта, а 7-й дивизии с армией кронпринца.

б) Во II армии:

Утром 3-го, в четыре часа, прибыл в Краледвор флигель-адъютант Финкенштейн, со следующим королевским приказом главнокомандующему:

«По сведениям, полученным из I армии, неприятель, в числе трех корпусов, а может быть и больше, перешел Быстрицу при Садовой, и потому можно ожидать там встречи с ним.

«I армии приказано 3-го, в два часа пополудни, находиться: двум дивизиям при Горице, одной при Череквице, двум при Планеке и Бржистане; кавалерийскому корпусу у Гутвассера.

¹ Относительно предварительного расположения всех австрийских корпусов нет положительных данных; здесь показано приблизительное расположение, основанное на очерке действий II корпуса, напечатанном уже в *Oesterr. Militair, Zeitschrift*, и на прусском свидетельстве о том, что на правом берегу Быстрицы стояло три австрийских корпуса.

Ваше королевское высочество должны тотчас принять нужные меры, чтобы всеми силами подкрепить I армию против правого фланга предполагаемого положения противника, и как можно скорее быть в состоянии напасть на него. Отданые после обеда приказания отменяются.

Главная квартира Гичин, 2 июля. Вечер 11 часов.

Мольтке».

На основании этого приказания войскам II армии в пять часов разослана следующая диспозиция:

С получения сего войскам двинуться:

«1) I корпусу, в двух колоннах, через Большой Тротин и Забржес к Большому Бюрглицу.

2) Кавалерийской дивизии за I корпусом.

3) Гвардейскому корпусу от Краледвора на Еричек и Лота.

4) VI корпусу на Вельхов, оставив отряд для наблюдения за Иозефштадтом; назначенная рекогносцировка к стороне этой крепости отменяется.

5) V корпусу выступить два часа спустя после шестого на Хотеборек.

6) Обоз остается на месте, впредь до приказания».

Следовательно, по приведении в исполнение этого передвижения, II армия должна была сосредоточиться в окрестностях Хотеборека, на пространстве не более семи верст по фронту, в расстоянии около четырех верст от Гореновеса, у которого, как сейчас увидим, начиналась позиция австрийцев.

Нет надобности разбирать приведенные документы — они говорят сами за себя: краткость, ясная постановка цели,

полное предоставление подробностей исполнения частным начальникам.

Положение австрийцев. После утомительного ночного движения австрийские силы прибыли в окрестности Хлума, в течение утра 1 июля, и заняли приблизительно¹ следующее расположение: II корпус — вдоль Тротины, от деревни того же имени, до высоты впереди Сендразица; впереди его 2-я легкая кавалерийская дивизия, с назначением содержать аванпосты к стороне II армии; VIII корпус — между Гореновесом и Бенатеком; IV корпус — за Неделистом; VI и X корпуса — у Гневцовеса, Советица и Садовой, на обоих берегах Быстрицы; III корпус — у Дуба и Чернутек; саксонцы у Прима и Проблуса, имея авангард за Поповецом, и оборонительные посты в Пубно, Неханице и Кунчице.

1-я легкая кавалерийская дивизия — с саксонцами.

1-я, 2-я и 3-я резервные кавалерийские дивизии — западнее Кениггрецца.

Главная квартира в Кениггрече.

Нравственное настроение австрийской армии нетрудно себе представить, взяв в расчет понесенные потери, утомление войск бесцельными движениями и наконец то, что рассказы о прусском ружье мало-помалу возвели его на степень баснословно-могущественного средства.

При таких обстоятельствах едва ли расчетливо было решаться на бой, не дав времени войскам хотя несколько

¹ По свидетельству некоторых прусских писателей, было перехвачено письмо Бенедека к одному из генералов, в котором он заявлял о своем намерении броситься на одну из прусских армий отдельно, если ему откажут в перемирии. Если это так, то и в этом случае, значит, дело не обошлось без колебаний.

освободиться от тяжкого впечатления неудач, которые были у всех в свежей памяти. Но Бенедек, по собственному ли намерению, или по предписанию свыше, к вечеру 1 июля начал решаться на то, чтобы принять оборонительный бой на позиции за Быстрицей*. Начальнику инженеров армии, полковнику барону Пидоллю, приказано построить *несколько* укреплений между Липой и Неделистом. В течение 2-го и утра 3 июля возведено семь горизонтных батарей¹; из них четыре занимали весьма выгодное место по обеим сторонам Хлума, но остальные три расположены² под выстрелами с командующей Масловедской высоты, находящейся от них в расстоянии около 600 сажен. Зато отделка батарей отличалась замечательной чистотой и изобилием ломаных линий, а прямолинейность общего направления, на котором батареи построены, соблюдена вполне точно. Под мерлонами были устроены пороховые погребки, хотя и неизвестно для какого назначения. Кроме того, на опушке рощи между Хлумом и Липой устроены засеки. Саксонцы также усилили свою позицию одной батареей, возведенной на высоте южнее Лубно.

Работ, имеющих целью затруднить путь неприятелю к позиции, как порча дорог и мостов, австрийцами сделано не было; саксонцы же приготовили к уничтожению мост у Неханица.

Кроме того, штаб II корпуса распорядился исправлением мостов через Эльбу, у Лохница и Предмерица. Как кажется,

¹ Для сооружения каждой из них требовалось 5—6 часов времени и 1 офицер, 4 унтер-офицера, 4 ефрейтора, 30 рядовых инженеров; 12 плотников и 140 нижних чинов от войск.

² На линии Хлум—Сондразиц.

Бенедек остановился на том предположении, что прусские армии соединятся и потом атакуют его с фронта.

Говорят, что от дивизии Турн-Таксиса, вечером 2-го, получено в главную квартиру донесение о том, что прусская II армия остается, по-прежнему, у Кенигингофа; но Бенедек нашел это донесение неосновательным.

До самого начала утра 3-го войскам неизвестны были намерения главнокомандующего; только около четырех часов получено приказание его изготавиться к бою и следующая диспозиция:

«В таком случае (т.е. предполагая бой), саксонский корпус занимает высоты у Поповец и Трезовиц, подав левый фланг несколько назад и прикрыв его частью кавалерии. Уступом на крайнем левом фланге, у Проблуса и Прима, *на удобной местности*¹, стать 1-й легкой кавалерийской дивизии.

Х корпусу занять позицию правее саксонцев, а правее X расположиться III корпусу, которому занять высоты Липы и Хлума.

VIII корпус составляет подкрепление саксонцев и располагается за ними.

Прочие войска, о которых здесь не упоминается, остаются в готовности к бою, пока нападение будет произведено только на левое крыло. Если нападение противника примет большие размеры, то вся армия становится на позицию. Тогда IV корпусу расположиться правее III, на высоте между Хлумом и Неделистом, а на крайнем правом фланге, возле IV корпуса, стать второму.

¹ Это писалось такому начальнику дивизии, как Эдельсгейм.

2-й легкой кавалерийской дивизии стать за Неделистом и находиться в полной готовности.

VI корпус собирается на высотах у Всестара, а I — у Розница, в резервном порядке.

1-я и 3-я резервные кавалерийские дивизии следуют к Светы.

В случае общего неприятельского нападения, I и VI корпуса, пять кавалерийских дивизий и артиллерийский резерв армии, который становится за помянутыми двумя корпусами, составляют резерв армии.

Если армия вынуждена будет отступить, то отступление производится по дороге из Голица в Гогенмаут, минуя Кениггрец.

II и IV корпуса должны немедленно озаботиться наводкою понтонных мостов на Эльбе, а именно II корпус двух, между Лохеницем и Предмерицем.

От I корпуса навести один мост у Свиара¹.

Позиция австрийцев. Позиция перед Кенигтрецом состоит из ряда высот, наполняющих пространство между Быстрицей, Эльбой и Тротиной; последняя речка составляет границу правого фланга позиции. Сказанные высоты спускаются к Быстрице и Тротине гораздо круче, нежели к Эльбе.

Направление фронта позиции определяется Быстрицей, текущей от Гневцовеса в юго-западном направлении; следовательно, II прусская армия у Кралеворта находилась на прямом направлении к флангу этой позиции.

Высоты, позицию составляющие, представляют на правом фланге небольшие параллельные друг другу хребты Го-

¹ Через Адлер, левый приток Эльбы. Свиар находится на Адлере, верстах в пяти к востоку от Кенигтреца.

реновский и Масловедский, обращенные длинной и крутой своей стороной на северо-восток, т.е. ко II прусской армии, а короткими — к Быстрице и Эльбе; левее Масловедской лежит Хлумская высота с весьма пологими и длинными скатами, тянущаяся отлогим хребтом, с различными видоизменениями, параллельно Быстрице до самого Лубно, где развивается в Градекерские высоты. Восточнее этих последних и южнее перехвата Хлумского хребта у Стрезетица возвышается группа Проблус. Командующие пункты, а следовательно, и тактические ключи позиции, представлялись высотами Масловедской, Хлумской, Градекер и Проблус. Передовыми пунктами, преграждавшими доступы к главной позиции, могли служить все деревни вдоль по левому берегу Быстрицы и лески Гола и Скалка, расположенные правее и левее шоссе. По непонятному недоразумению, и Масловедская высота, судя по диспозиции и укреплениям, тоже была отнесена только к передовым пунктам, несмотря на свое командование и на то, что лес и деревня Масловед, венчая эту высоту, делают ее позицией в высшей степени сильной. Представляя подобные тактические выгоды, пункт этот в то же время был важен в стратегическом отношении, ибо, предполагая направление армии кронпринца прямо на позицию, не соединяя ее предварительно с I армией¹, соединение их упрочивалось только со взятием Масловедской высоты.

Внутреннее пространство позиции пересечено множеством лощин, способствующих укрытию войск, но проходимых для всех родов оружия. На том же пространстве дороги довольно часто представляют углубленную форму.

¹ Как оно действительно и было, но возможности чего в австрийской главной квартире не допускали.

Деревни состоят частью из кирпичных, частью из глинообитных построек (Fachwerk). Протяжение фронта позиции, считая от Гореновеса до Нижнего Прима, около девяти верст.

Доступы к позиции. На всем пространстве от Неханица до Гореновеса с прусской стороны нет позиций, особенно удобных для артиллерии, ибо ширина лощины Быстрицы на этом протяжении в самом узком месте не менее пяти верст¹; следовательно, в этом отношении перевес был вполне на стороне обороняющегося: от Хлума, Масловеда и из-за Гореновеса скаты представляли австрийцам все данные для пре-восходного обстрела, начиная с самых дальних дистанций². Только к востоку, т.е. по лощине реки Тротины, эти местные отношения несколько изменяются в пользу наступающего: высоты у Франтова и восточнее Рачица давали возможность бороться прусской артиллерией с австрийской хотя с некоторыми вероятностями на успех. Берега Тротины сближаются ниже Рачица на 600 сажен, и разница в командовании не так велика, как в остальных пунктах позиции.

Переходы через Быстрицу и Тротину, которые обе протекают в болотистых лощинах, для пехоты возможны почти везде, для кавалерии же и артиллерии только по мостам.

¹ Считая между вершинами высот, образующих эту лощину.

² Случайности вроде просек в роще Гола еще более способствовали действию артиллерии. Затем вырубки целых лесных участков, как то казалось некоторым пруссакам, и с легкой их руки некоторым нашим повествователям, не было никакой, что свидетельствует пре-восходный прусский план поля сражения, снятый по горячим следам. Сомнительно также, чтобы расстояния были вымерены и намечены: сомнительно по той простой причине, что ни в одном австрийском источнике не говорится об этом ни слова.

В тылу позиции протекает Эльба; но едва ли это можно считать важным неудобством, принимая в расчет: 1) что от Лохница Эльба круто поворачивает на юг, между тем как позиция имеет юго-западное направление; 2) что фронт позиции, считая по шоссе Садова—Краледвор, отстоит от этой реки не ближе 11 верст, и что наконец на Эльбе было значительное число мостов. Путь отступления большей части австрийской армии лежал скорее на Пардубиц, нежели на Крагград; а по этому направлению от Хлума до Эльбы было, по крайней мере, 28 верст. Что не положение Эльбы в тылу позиции усилило бедственное положение австрийцев, доказательством может служить и то, что, как увидим ниже, они скорее были отрезаны от этой реки, нежели притиснуты к ней.

VIII

КЕНИГГРЕЦСКАЯ БИТВА

ОТ НАЧАЛА ДЕЛА ДО ПРИБЫТИЯ 2-Й АРМИИ

Расположение австрийцев на позиции. Утром 3-го погода была дурна: шел сильный дождь. Несколько позже четырех часов австрийские войска пришли в движение, для занятия указанных им по диспозиции мест. Не двигались пока части, назначенные в резерв, и II корпус, который уже стоял почти на своей позиции. Начальник его распорядился только выслать 6-й уланский полк для разведок вверх по Эльбе, так как дивизия Турн-Таксиса, по диспозиции, должна была сняться с аванпостов и стать за Неделистом. Коман-

диру 6-го уланского полка приказано сообщать важные до-несения не только корпусному штабу, но и правофланговой бригаде Генрикеца; последний получил инструкцию обратить особенное внимание на обеспечение правого фланга. Мосты, указанные по диспозиции, наведены, положение их и дороги, к ним ведущие, сообщены войскам. VI корпус, выдвинув бригаду Бранденштейна в виде авангарда, в Масловед, стал за Неделистом. III корпус занял бригадой лес Гола, а остальные войска расположены сосредоточенно у Липы и Хлума. VIII корпус перешел на левый фланг, к Бору, за Проблус и составил резерв левого фланга. Слабый X корпус расположен на высотах переди Лангенгофа, занимая передовыми отрядами Нижний Догалиц, Догаличку и Мокрую Весь, и имея при них несколько орудий правее и левее Догалички.

Саксонцы, найдя место, назначенное им по диспозиции¹, неудобным, просили и получили разрешение главнокомандующего расположиться между Проблусом и Нижним При- мом, заняли это пространство дивизией Штиглица, имея одну бригаду дивизии Шимпфа в резерве; другая еще на- кануне была выслана для содержания авангарда и оборони- тельных постов по Быстрице². Вместе с тем, при содействии сапер VIII корпуса, Проблус приведен в оборонительное по-ложение.

¹ Между Тресовицом и Поповцом.

² Оборонительные посты: 11-й батальон у Градека, отделив две роты в Кунчиц; 8-й батальон со взводом кавалерии у Старого Нехани- ца, по ту сторону Быстрицы; 7-й батальон с эскадроном у Неханица; 9-й батальон в Лубно. Авантур: 2-й егерский батальон в Поповце, 5-й в Тресовице, 6-й — за ними в резерве в лесу, нарезная батарея — на высоте левее Поповца; кавалерийская дивизия Фрича — у Неханица.

Австрийцы имели всего около 180 000 и 650 орудий. У пруссаков в обеих массах было до часа около 120 000 и 400 орудий; а после часа около 220 000, при 702 орудиях¹.

Атака принца Фридриха-Карла. Так как со стороны австрийцев не последовало нападения, которого пруссаки ожидали, то принц двинул дивизию Горна от Миловица на Дуб к Садовой, около пяти часов. Одновременно с ним дивизии II корпуса от Псанека и Бржистана направлены через Лоту и Мцан на Догалиц и Догаличку.

Горн никого не нашел у Дуба (следовательно, предположение о возможности атаки со стороны австрийцев не осуществилось) и продолжал движение к Садовой, имея в голове улан; но у этой деревни был встречен артиллерийским огнем батарей, расположенных правее леса Гола, на одной высоте с Чистовес. За дождем ничего, или почти ничего, нельзя было разглядеть. Убеждение, что Бенедек не решится принять боя по сию сторону Эльбы, так было сильно, что показавшихся австрийцев приняли сначала не более как за арьергард, прикрывавший отступление главных сил; но вскоре убедились, что перед ними был не арьергард, а армия или, по крайней мере, значительная ее часть.

Горн приостановился и построился в боевой порядок, а правее и несколько позади расположились дивизии II корпуса; батареи этих частей завязали перестрелку. Было около восьми часов. В это время прибыл король на поле сражения.

Артиллерия 8-й дивизии, выехав на гору Роккос², вступила в неравную борьбу с австрийскими батареями; почти в то же

¹ Нужно, впрочем, заметить, что у пруссаков около 300 орудий было гладких, и что в деле приняла участие только половина II армии.

² Западнее Советиц.

время открыли огонь батареи 3-й и 4-й дивизий, расположенный западнее Мцан: они действовали успешнее, ибо были с австрийскими батареями в более равных шансах.

Канонада вызвала ответ со стороны австрийцев; но в каких силах они были — нельзя было вывести положительного заключения. Так как и погода, и местность мешали разглядеть расположение противника, то пришлось решиться на усиленную рекогносцировку, дабы вынудить его раскрыть свои силы.

В девять часов король приказал I-й армии перейти Быстрицу.

8-я дивизия двинулась в атаку по каменному мосту и утвердила в лесу Гола; одновременно с этим 6-я бригада, имея 54-й полк в первой линии, 14-й в частном резерве, бросилась в брод на Мокрую Весь; после непродолжительного боя фузилеры 54-го полка овладели этой деревней, а 1-й и 2-й батальоны того же полка, при содействии нескольких рот 14-го полка, выдвинутых из частного резерва, вытеснили австрийцев из Догалица. Пионеры немедленно исправили переправы, и за 6-й бригадой вынеслись на позицию одна 12-фунтовая и одна 4-фунтовая нарезные батареи. 5-я бригада переправилась немедленно за 6-й, оставив свои батареи на правом берегу Быстрицы, под прикрытием дивизионной кавалерии¹.

4-я дивизия не менее успешно начала дело: 49-й полк² без большого затруднения овладел Догалицем и занял потом, имея за собой часть 8-й дивизии, правую часть леска Гола. Около одиннадцати часов 4-я дивизия, за исключением двух батальонов 9-го полка³ и дивизионной кавалерии, выстрои-

¹ 5-й гусарский полк.

² 7-й бригады, 4 дивизии.

³ 2-й батальон оставлен в Турнау.

лась впереди Догалица, между Быстрицей и леском. В этом расположении пруссаки сильно страдали от огня батарей Габленца, расположенных на высотах впереди Лангенгофа, и эрцгерцога Эрнста, расположенных у Липы. Тщетно некоторые части 4-й и 8-й дивизий пытались завладеть этими батареями: войска несли огромные потери, но не достигли ни той, ни другой цели. Не только пройти открытое пространство, разделявшее пруссаков и австрийцев, но даже оставаться на южной опушке Гола не было никакой возможности: благодаря просекам и тому, что лес расчищен, он легко исчертывался австрийскими снарядами по всем направлениям. Со своей стороны и австрийцы, ободренные этими неудачами, пытались не один раз выбить пруссаков из лесу, но безуспешно: открытый промежуток между им и австрийскими батареями становился роковым для того, кто отваживался его перейти.

Пришлось ограничиться обеим сторонам удержанием за собой занятых мест. Пруссаки достигли этого, сосредоточив по обеим сторонам Догалички такое число батарей, которое только могло там поместиться. Часов в одиннадцать все упомянутые войска осуждены были на пассивную роль: не отступили они назад, но и вперед тоже не подались. Тем не менее, как оказалось впоследствии, отчаянные попытки их в направлении к Липе имели громадное последствие: бригады III корпуса все были стянуты к этой деревне и к лескам, лежащим правее ее, и *одна из главных командующих точек позиции — Хлум — осталась незанятой*.

При таких обстоятельствах пруссакам нельзя было и думать о прорыве неприятельского центра, хотя бы и с большими потерями, и пришлось поддерживать бой только для того, чтобы дать время подойти кронпринцу и генералу Герварту.

В ожидании их, король приказал поддерживать бой артиллерией и лично убедился, действительно ли прибыли III корпус и резервная артиллерия, которые пришлось бы ввести в дело, если бы неприятель перешел в наступление до прибытия II армии. III корпус около одиннадцати часов уже стоял у Дуба; но, как последний резерв, его не решались употребить на подкрепление II и IV корпусов часов до 12, когда в этом представилась настоятельная необходимость.

*Атака 7-й дивизии*¹. Действия Франзецкого представляют один из самых доблестных эпизодов кениггрецкой битвы для пруссаков. Своими энергическими атаками на Масловедские высоты он притянул на себя два австрийских корпуса и тем могущественно содействовал успеху движения армии кронпринца. Подвиг этот стоил дивизии около 2500 человек.

Около шести часов утра авангард 7-й дивизии², наступая на Бенатек, завязал перестрелку с передовыми постами бригады Бранденштейна и около семи часов достиг Бенатека, который был взят без большого затруднения, несмотря на огонь австрийских батарей, поставленных на плато за Гореновесом и по сторонам Масловеда. Тогда дивизия перестроилась в боевой порядок³ левее и правее Бенатека и двинута в атаку на впереди лежащую Масловедскую высоту, подавая правый фланг вперед, дабы охватить лес с северо-запада.

14-я бригада, охватив лес с запада, заняла его, не встретив почти никакого сопротивления, только у Чистовес первая

¹ 13 бригада — Шварцгоф; 26-й и 66-й полки; 14-я бригада — Гордон; 27-й и 67-й полки. Гусарский № 10-го полк, 4 батареи.

² Фузилерные батальоны 27-го и 67-го полков.

³ Левее авангарда — 13-я бригада в одну линию, каждый батальон в две линии ротных колонн; правее, между Бенатеком и Гневцовес, 1-й и 2-й батальоны 27-го полка; два батальона в резерве.

атака была отбита частью III корпуса, расположенного в этой деревне, но вторая атака удалась. Тогда со стороны Хлума в лес и деревню посыпался град снарядов. Чтобы парализовать сколько-нибудь действие этого огня, пять батарей из артиллерийского резерва I армии выдвинуты западнее Масловедского леса и открыли огонь.

Не то было в 13-й бригаде, которая три раза пыталась атаковать Масловед, занятый большею частью бригады Бранденштейна, и три раза была отбиваема. Чтобы не отрываться от 14-й бригады, она отступала после отбития на Бенатек, так что вся дивизия естественно переменила фронт левым флангом назад. Это случилось тем проще, что 14-я бригада, развивая свой успех, подавалась к восточной опушке, т.е. к Масловеду. Но и в лесу недолго было суждено пруссакам продержаться спокойно: подходила наконец помохь к бригаде Бранденштейна. Это были остальные бригады IV и три бригады II корпуса: *таким образом, по инстинктивному почти влечению, австрийские войска притянулись к позиции более выгодной, чем та, которую они должны были занимать по диспозиции*, и действия на правом фланге начали принимать не то направление, которое думал им дать главнокомандующий.

ДВИЖЕНИЕ К МАСЛОВЕДУ IV И II КОРПУСОВ

II корпус выступил с мест бивуачного расположения около шести часов, как только началась перестрелка на передовых постах Бранденштейна: бригада Тома — на Гореновес, выслав один батальон в Рачиц и оставив другой за Рачицом на высоте; две батареи расположились на вершине за Го-

реновесом и открыли огонь по пруссакам, в направлении к Врховницу. Дойдя до Гореновеса, бригада Тома, заняв небольшими передовыми частями парк и деревню, расположилась в резерве за парком. Бригада принца Виртембергского стала между парком и Масловедом, бригада Сафрана стала в резерве за Масловедом. Корпусный артиллерийский резерв расположен частью на плато за Гореновесом, частью правее Масловеда: все части фронтом к западу.

Бригада Генрикеца, назначенная в резерв, получила приказание оставаться пока у Тротины для прикрытия правого фланга, и в одиннадцать часов двинуться к Сендразицу, где ждать приказаний.

Несколько позже¹ начали прибывать и бригады IV корпуса, из-за Неделиста.

Так как Франзецкий в это время (около девяти часов) занял уже масловедский лес, то бригада Виртемберга, построившись в две линии правее Масловеда, двинулась в атаку, но была отбита и, возвратившись на свое место правее Масловеда, открыла перестрелку. Тогда расположение было усилено тремя батареями, расположенными впереди гореновесского парка, и четырьмя левее Масловеда (из резерва IV корпуса). После довольно продолжительной канонады решено было снова перейти в наступление, около одиннадцати часов, причем и бригаде Сафрана приказано дебушировать из Масловеда и атаковать лес вместе с принцем Виртембергским; бригады IV корпуса двинуты также в атаку на левом фланге, в обхват рощи с юга. Подготовленная сильным артиллерийским огнем, атака удалась: пруссаки, опрокинутые на опуш-

¹ Сколько можно догадываться, по имеющимся источникам, бригады II корпуса прибыли к Масловеду первыми.

ке, начали отступать, отстреливаясь. С целью вытеснить их скорее из леса, приказано было и батальонам бригады Тома двинуться туда же. Но еще не успели исполнить этого движения, как из рачицкого отряда получено донесение, что на него идут значительные неприятельские силы. В то же время (после полудня) из штаба армии прибыл офицер с приказанием II корпусу занять позицию под углом к общему расположению, для встречи *одного* прусского корпуса, который, на основании телеграммы коменданта Иозефштадта, ожидался со стороны Габрины.

Таким образом, атаку, сулившую верный успех, нужно было прекратить, вывести целых две бригады, углубившиеся в лес, и начать отступление. Для прикрытия этого трудного маневра употребили бригаду Тома, расположившуюся на окончности хребта Масловед—Сендразиц, упираясь правым флангом в эту последнюю деревню; части бригад Виртемберга и Сафрана, по мере того, как они выходили из лесу, собирали у Масловеда и направляли по дороге на Неделист. Батарея у Гореновеса (40 орудий) пока оставалась на этой позиции и отвечала на огонь вдвое сильнейших прусских батарей, бивших ее перекрестно от Франтова и из-за Рачица.

Между тем, в Масловедский лес вместо бригад II корпуса пущены оттуда бригады IV, которые выбили пруссаков из леса и, увлеквшись этим успехом, начали теснить их к Быстрице, в направлении на Гневцовес.

Но IV корпус купил этот успех дорогой ценой: благодаря роковой случайности, смертельно ранен командир его, граф Фестетич; за ним ранены: помощник его, генерал Молинари, начальник штаба и старший по нем офицер генерального

штаба. Бригады подавались вперед каждая сама по себе: о соглашении общих действий некому было думать.

Итак, II и IV корпуса, около часу пополудни, приняли противоположные направления: первый к Неделисту, на юго-восток, второй к Гневцовесу, на северо-запад; связь между ними пропала, и *пространство у Масловеда осталось незанятым*.

Припомнив, что австрийцы около этого же времени сдвинулись и с Хлума, к Липе и в рощу около этой деревни,увидим, что *направление Масловед—Хлум, около часа пополудни, было готово для беспрепятственного движения пруссаков*.

Обратимся к действиям корпуса Герварта, на правом фланге I армии.

В шесть часов передовые части корпуса Герварта подступили к передовому саксонскому расположению в трех пунктах: у Кунчица, Старого Неханица и Лубно, и начали обстреливать войска, их занимавшие. 8-й саксонский батальон от Старого Неханица отступил за Быстрицу и, уничтожив мост, занял Неханиц; правее его стал 7-й батальон. Эти войска оставались на занятой позиции часов до восьми, благодаря содействию одной конной батареи, выдвинутой от саксонской кавалерии, стоявшей за Неханицом. Около $8\frac{1}{2}$ часов, вследствие полученного приказания, они отступили на авангардовую позицию, между Тресовецом и Поповцом, под прикрытием 9-го батальона, занимавшего Лубно и отступившего затем на главную позицию, к своей бригаде¹. Саксонская ка-

¹ Саксонская пехота разделялась на бригады, по четыре линейных и одному стрелковому батальону в каждой. Дивизия Шимпфа состояла: из 2-й бригады — 5, 6, 7, 8-й и 2-й егерский батальоны; 3-й бригады — 9, 10, 11, 12-й и 3-й егерский. Дивизия Штиглица из лейб-бригады — 13, 14, 15, 16-й, и 4-й егерский, 1-й бригады — 1, 2, 3, 4-й и 1-й егерский батальоны.

валерийская дивизия некоторое время оставалась еще южнее Неханица, бесполезно подвергаясь выстрелам неприятеля.

Выдвинув батарею и переправив часть войск в Неханиц, Герварт приступил к наводке моста; в то же время было атаковано и Лубно. Около десяти часов начата переправа головной дивизии (Мюнстера), которая направлена через Лубно на Проблус и Прим, между тем как остальные две дивизии (Канштейна и Эцеля) и резервная артиллерия двинуты на Градек, в обход левого фланга саксонцев.

Во время передовой перестрелки саксонский корпус переходил с бивуаков на позицию: Проблус и Нижний Прим заняты, каждый, тремя батальонами из дивизии Шимпфа; дивизионная артиллерия стала между деревнями; дивизия Штиглица расположилась побригадно в резерве за упомянутыми деревнями; ее дивизионная артиллерия — в промежутке между бригадами, артиллерийский резерв — уступом влево относительно бригады, расположенной за Нижним Примом. Дивизионная кавалерия Штиглица расположена на правом фланге, для поддержания связи с Габленцом.

14-я прусская дивизия, расположившись на высоте у Лубно, открыла канонаду. Огонь саксонцев обнаружил сильное их расположение, к которому от Лубно доступы совершенно открыты; вследствие этого Герварт решил повести главную атаку со стороны Градека, где местность допускала более скрытое приближение к левому флангу противника. Атака возложена на дивизию Канштейна (15-ю), который, дойдя до Градека и выставив там сильную батарею, выбрал два направления для атаки Нижнего Прима: на Зехлиц и Новый Прим. Дивизия Эцеля оставлена пока в резерве.

Со своей стороны саксонцы убрали кавалерийскую дивизию от Неханица в резерв за середину позиции, а авангард, стоявший у Поповца, в резерв же, за правый фланг ее; а против прусских батарей у Градека выставили пять батарей левее Нижнего Прима.

Канонада с обеих сторон не отличалась особенной действительностью, ибо была открыта на слишком большом расстоянии, но Канштейну она принесла ту пользу, что отвлекла внимание саксонцев от его пехоты. Пока они канонировали, пруссаки, пройдя Зехлиц, очутились в роще между этим пунктом и Нижним Примом, и сделали даже попытку атаковать эту последнюю деревню; впрочем, были отражены тремя батальонами, ее занимавшими.

В то же время другая часть дивизии Канштейна, обогнув справа Новый Прим, заняла лес между ним и Верхним Примом.

Было около двенадцати часов. Саксонцы приняли удачу первой своей атаки и то, что пруссаки все более и более растягивались к востоку, за благоприятный случай к переходу в наступление.

Для этой цели была назначена бригада, поставленная первоначально в резерве за Проблусом, которая, переменив фронт налево и построившись в боевой порядок, двинулась в промежуток между Нижним и Верхним Примом, в направлении на Градек. Левее ее пристроилась одна бригада VIII австрийского корпуса, который имел назначением поддержать саксонцев. Саксонцы рассчитывали, что в то время, когда они двинутся вперед на Зехлиц и Новый Прим, австрийцы займет лес, находящийся влево. Начало атаки было удачно: батальоны, занимавшие Нижний Прим и пристроившиеся к

атаке, выбили пруссаков из зехлицкого леска; бригада, выдвинутая из резерва, достигла уже передними своими частями Нового Прима, когда левый фланг ее в лесу, который должна была занять австрийская бригада, но этого не сделала, наткнулся на пруссаков. Неожиданность эта имела следствием отступление саксонцев.

Новая последовавшая затем атака саксонцев, при содействии другой бригады VIII корпуса, имела тот же исход и от той же причины: австрийцы, шедшие на левом их фланге, снова пришли в смущение, опять вследствие атаки пруссаков из того же самого леса. Хотя пруссаки и были остановлены в преследовании саксонцами, однако пора было этим последним подумать и о прикрытии отступления, ибо пруссаки все более и более захватывали на восток. Вследствие этого одна из саксонских бригад была отправлена для занятия леса, находящегося к юго-востоку от деревни Бор. Было около двух часов.

До сих пор бой для австрийцев на большей части пунктов если и не сопровождался полным успехом, то все же разыгрывался скорее к их выгоде, чем к невыгоде. Пассивной цели — удержания позиции — они достигли вполне; у Масловеда даже перешли в наступление; но этот временный успех послужил к тому только, чтобы поражение обрушилось на них более гибельно и решительно.

НАСТУПЛЕНИЕ АРМИИ КРОНПРИНЦА К ПОЛЮ СРАЖЕНИЯ И ПОСЛЕДОВАВШИЕ ЗАТЕМ ДЕЙСТВИЯ

Согласно диспозиции, разосланной около пяти часов, части, ближайшие к Краледвору, выступили часов около шести утра, под сильным дождем. VI корпус выступил несколько

раньше, в исполнение полученного еще накануне приказания сделать рекогносцировку к Иозефштадту, так что новая диспозиция застала его уже наполовину переправившимся через Эльбу. Несколько раньше выступил также и авангард 1-й гвардейской дивизии от Даубравица, под командой генерала Альвенслебена, который, получив от Франзецкого приглашение ему содействовать, пошел на гул канонады, начавшейся впереди Бенатека. I корпус, как дальнейший¹, получил диспозицию и выступил несколько позже других. Несколько запоздала также 2-я гвардейская дивизия от Реттендорфа, ибо ей приказано пропустить вперед стоявшие за ней на биваке артиллерийский резерв гвардии и гвардейскую кирасирскую бригаду.

Дорога предстояла II армии утомительная: глинистый грунт распустило, все проселками, да вдобавок с значительным числом спусков и подъемов.

Кронпринц, пропустив мимо себя 1-ю гвардейскую дивизию, обогнал ее со своим штабом и поехал в направление на Хотеборек, которого достиг в $10\frac{1}{2}$ часов, в ту минуту, когда авангард Альвенслебена спускался с высоты, лежащей юго-западнее этого пункта.

От Хотеборека начинается волнообразный скат к реке Тротине, и потому с помянутых высот ясно были видны высоты противоположного ее берега — Гореновский хребет и на нем довольно сильная батарея; кроме того, так как Хотеборек находится как раз на направлении колена Быстрицы, которое прикрывало позицию австрийцев с фронта, то можно было также отдать себе отчет о положении боевых линий против-

¹ От Обер-Праусница до Краледвора семь верст.

ников по массе огня и дыма от канонады и от зажженных деревень. Несколько времени спустя, на ближайшем конце этой линии показалось, что прусская сторона подалась назад: то была 7-я дивизия, которая, истощив последние свои усилия, действительно начала отступать в эту минуту.

От Хотеборека совершенно ясно было видно также, что II армия вышла как раз против фланга и даже тыла австрийцев; оставалось убедиться в том, прибыли ли корпуса к назначенным им пунктам, дабы начать дальнейшее движение. Но едва, с этой целью, были разосланы ординарцы, как генерал Муциус донес, что его корпус прибыл в Вельхов и продолжает путь далее, на выстрелы; вскоре получено донесение и от V корпуса, что он приближается к Хотебореку; недоставало только донесения от I корпуса, но знали, что он должен был несколько отстать, вследствие более позднего выступления; более дальнего и трудного пути¹.

Высоты Гореновеса были первой целью, которая представлялась II армии. До них от Еричек около 4 верст совершенно открытого пути, следовательно, австрийцы могли утвердиться на этих высотах прежде, нежели прусская армия успела бы их достигнуть, и сделать овладение ими в высшей степени трудным. Ожидая этого сопротивления, кронпринц дал всем силам направление к Гореновесским высотам, приказав ориентироваться на два отдельные высокие дерева, находящиеся на их вершине.

¹ Правой колонне I корпуса до Бюрглица — 14 верст, левой — около 12, 1-й гвардейской дивизии от Кенингтофа до Еричек — 10, V корпусу от Градлица до Хотеборека — 9. Последние части должны были притом переправиться через Эльбу и взбираться на весьма крутый подъем правого ее берега.

Но опасения, что австрийцы успеют утвердиться у Гореновеса до прибытия пруссаков, были напрасны: самый внимательный розыск при помощи биноклей не открыл пруссакам *на пространстве между Еричком и Гореновесскими высотами ни одного австрийского разъезда*; а ближайшие войска, которые могли им стать наперевес (II и IV корпуса), заняты были, как уже знаем, уничтожением Франзецкого, т.е. смотрели не к армии кронпринца, а совсем в другую сторону.

Только батарея у Гореновеса (40 орудий) со своим прикрытием из одного батальона, пост у Рачица и южнее бригада Генрикеца — вот все, что могло противодействовать наступлению прусских дивизий, составлявших голову марша (1-я гвардейская, 11-я и 12-я).

Движение началось. Около $11\frac{1}{2}$ пруссаки заметили, что батареи у Гореновеса поворачивают в их сторону, и в 11 часов 40 минут раздался против них первый выстрел; но было поздно: авангард Альвенслебена, выступивший, как известно, раньше и направившийся на Жижеловес¹ для поддержки Франзецкого, в $11\frac{1}{4}$ прошел эту деревню и несколько спустя открыл стрельбу по трем батареям, стоявшим у подошвы Масловедской высоты, параллельно дороге из Брховница в Масловед.

За авангардом следовала 1-я гвардейская дивизия, которая, переправившись у Еричка через Тротину, продолжала держаться направления на деревья. Около 11 часов к ней пристроился и гвардейский артиллерийский резерв.

¹ На плане V: 2-й, по ошибке, Цицеловес.

Левее VI корпус шел в двух колоннах: 11-я дивизия¹ на Рациц, 12-я дивизия, Прондзинского², на Габрину и Родов. Только последняя из них встретила на своем пути кавалерийские разъезды австрийцев, высланные, если припомнят, от II корпуса.

Гвардия выставила свои батареи у Франтова, VI корпус свои — на высоте между Рачицем и Родовым³, и открыли перекрестный огонь по батарее, стоявшей на высоте у горено-веських деревьев; к часу пополудни она очистила позицию, а Гореновес и Рачиц, после короткой стычки, перешли в руки авангардов: первый — гвардейского, второй одиннадцатой дивизии. Одновременно Прондзинский⁴ приближался к Тротине и завязал перестрелку с батальоном бригады Генрикеца, занимавшим эту деревню.

1-я гвардейская дивизия, по занятии Гореновеса, двинулась на Масловедскую высоту, оставляя правее деревню того же имени. Ни один выстрел не встретил ее при этом движении.

¹ Цастров: бригада Ганенфельда — 10-й, 50-й полки; бригада Гофмана — 38-й, 51-й полки, драгуны, № 8, четыре батареи.

² 22, 23-й полки; 6-й егерский батальон, гусарский полк № 6-го, две батареи. Другая бригада была раскомандирована в начале кампании: один полк для занятия Нейссе, один в отряд Кнобельсдорфа.

³ На тридцать шагов интервала между орудиями для уменьшения потерь от огня. Эта прекрасная сноровка не нова, но, к сожалению, в бою часто забывается, даже когда места совершенно достаточно, чтобы ее применить.

⁴ Дивизия, или, правильнее, бригада Прондзинского была назначена для наблюдения за Иозефштадтом и, следовательно, для обеспечения тыла армии от вылазки со стороны гарнизона этой крепости; но Прондзинский пошел на выстрелы вперед, взяв на себя ответственность за последствия. Когда начальники одушевлены подобной решимостью рисковать собой для общего дела, армия может испытать неудачу только при особенно несчастных случайностях.

нии, ибо IV корпус был на северо-западной опушке леса, а бригады II успели уже отойти версты на $1\frac{1}{2}$ от Масловеда к Неделисту. Только поднявшись на хребет, 1-я гвардейская дивизия увидела эти бригады, и увидела также, что они попадут под удары VI корпуса, поэтому, не заботясь о своих флангах, продолжала движение к следующему, резко обозначающемуся на горизонте пункту¹ — к Хлумской высоте, т.е. на 2700 шагов² за бывшую позицию IV корпуса.

На пути своем 1-я гвардейская дивизия не встретила никакого сопротивления; только авангард ее был выдвинут вправо, против австрийской бригады, появившейся со стороны Чистовеса; главные же силы, пройдя Хлум, достигли Росберица около $2\frac{3}{4}$ часов пополудни.

Только здесь увидели пруссаки, куда зашли: саженях в 600 западнее Всестара, в резервном порядке, стояли два австрийских корпуса I и VI, т.е. не менее 40 000; восточнее Всестара стоял артиллерийский резерв; далее, за Светы, массы резервной кавалерии. Настояла необходимость возможно скорее поддержать 1-ю гвардейскую дивизию в ее столь же громадном, сколько и неожиданном успехе. Были разосланы соответствующие приказания: даже VI корпусу предписано, при малейшей возможности, идти на помощь к Росберицу. Но все совершилось так быстро, что даже и 2-я гвардейская дивизия находилась позади, по крайней мере, в часе; что же касается до I и V корпусов, то, несмотря на все усилия ускорить движение, особенно пятого, они не ранее шести часов могли поспеть на поле сражения.

¹ Только драгунский № 2-го полк (дивизии Манштейна III корпуса), пристроившийся к 1-й гвардейской дивизии, атаковал хвост бригады Сафрана, к юго-востоку от Масловеда, но был отражен.

² Считая от Масловеда.

До какой степени это движение было беспрепятственно для пруссаков, указывает то, что от Гореновеса, взятого в час пополудни, до Росберица через Хлум — почти пять верст, которые пройдены всего в час и три четверти; следовательно, гвардейская дивизия, шедшая в боевом порядке, целиком достигла этого пункта с такой же скоростью, с какой производится походное движение утомленными войсками, при спусках и подъемах и при скользкой дороге.

Со своей стороны, VI корпус тоже подвигался вперед, но медленнее, ибо встретил, и довольно упорное, сопротивление.

11-я дивизия (Цастрова), заняв высоты Гореновеса, завязала перестрелку с бригадой Тома, построенной левым флангом к крайней земляной батарее¹, а правым к Сендразицу. Несмотря на невыгодные позиции, обстреливаемой с командующих высот, из-за Сендразица, эта бригада удержалась на ней до трех часов, т.е. до тех пор, пока бригады Сафрана и принца Виртембергского не отступили за нее через Неделист, в направлении к Предмерицу.

12-я дивизия (Прондзинского) шла на Тротину, против бригады Генрикеца. Генрикец, который должен был выступить около 11 часов со своей позиции у Тротины к Сендразицу, оставил там егерский батальон, едва начал это движение, как переди Тротины у Габрина завязалась перестрелка с передовыми войсками Прондзинского. Вследствие этого бригада возвращена к Тротине и расположена следующим образом: в первой линии, фронтом к Родову, 4 батальона с бригадной батареей, правым флангом занимая Тротину и на-

¹ Саженях в 460 севернее Неделисте.

блюдая пространство до Эльбы; пятый оставлен в резерве, а шестой отправлен в Лохениц, для прикрытия моста.

Прондзинский, имея 23-й полк в боевой линии и 22-й в резерве, занял Родов, открыл канонаду и на некоторое время приостановился, находя, что против него превосходные силы. Но так как Цастров подавался вперед, то около трех часов и он решился на атаку, направив ее на мельницу Тротины, севернее деревни того же имени.

Итак, около трех часов пополудни противники занимали следующее расположение:

Австрийцы: II корпус — Тротина, Сендразиц, Неделист; IV — Бенатек и масловедский лес; III — Чистовес, Липу и пространство влево, до Лангенгофа; X — высоту впереди Лангенгофа и Стрэзетица; саксонский и VIII — в отступлении к Бриза.

Пруссаки: корпус Герварта — на линии Проблус—Стезирек; 2-й и 4-й — на позициях, занятых в начале боя, кроме дивизии Франзецкого, оттесненной на Советиц и Гневцовес; 3-й употреблен по частям на поддержание 2-го и 4-го корпусов; кавалерийский корпус 1-й армии — на высотах Дуба; 1-я гвардейская дивизия — в Хлуме и Росберице; 2-я гвардейская — на марше от Гореновеса, в направлении правее Хлума; VI корпус — на высотах Гореновеса и Родова; I и V — на марше к Масловеду и Рачицу.

Бенедек, прибывший на поле сражения около десяти часов, стоял у Липы и принял на себя роль командира III корпуса, занимаясь подробностями расположения войск в этой деревне и в роще правее ее, а также усилением этих войск при последовавших атаках пруссаков. Так прошло время часов до двенадцати, когда получена была известная уже депеша

иозефштадтского коменданта. Послав ее командиру II корпуса, Бенедек, несколько спустя, поскакал лично на правый фланг и, найдя там положение дел удовлетворительным, возвратился к Липе, где в три часа получил донесение, что Хлум занят пруссаками. Одновременно с этим пришло другое донесение, что саксонцы очистили позицию у Проблуса и Прима и отступают с боем в направлении на Бризу.

Бенедек бросился к Хлуму, не доверяя донесению, но встречен был выстрелами, после которых трудно было сомневаться в истинном положении дел. Тогда он поскакал к резерву и, направив одну бригаду I корпуса на подкрепление саксонцам, две назначил на усиление *центра*¹, а четвертую для того, чтобы выбить пруссаков из Хлума; VI корпусу приказано атаковать Росбериц, а резервная артиллерия, расположившись впереди Светы, открыла усиленную канонаду против Росберица и по артиллерийскому резерву прусской гвардии, который в это время выехал на позицию восточнее Хлума.

Эти распоряжения имели следствием отчаянный бой у Хлума, в котором австрийцы предприняли атаку командующей точки собственного своего расположения, обороняемой пруссаками.

БОЙ У ХЛУМА И РОЗБЕРИЦА

VI корпус напал на слабо занятый Розбериц, выбил оттуда пруссаков и продолжал наступление на Хлум.

Положение 1-й гвардейской дивизии становилось критическим: ближайшие подкрепления были еще довольно дале-

¹ В мнении Бенедека *центр*, т.е. деревня Липа, до конца боя сохранил, как кажется, преобладающее значение.

ко позади; только артиллерийский резерв подоспел и около трех с половиною часов открыл огонь по густым австрийским массам, которые, несмотря на это, продолжали подвигаться к линии Липа—Хлум, и отчасти в обхват левого фланга этого резерва. Это обстоятельство побудило начальника гвардейского артиллерийского резерва, у которого не было достаточного прикрытия, отступить¹.

В то же время со стороны Липы и Чистовеса стали появляться массы III и IV корпусов, до которых дошла наконец весть о том, что пруссаки у них в тылу. Хотя эти войска и считали себя обойденными, однако, в соединении с I и VI корпусами, наступавшими вперед, они могли опомниться и тогда грозили бы пруссакам, занимавшим Хлум, серьезной опасностью. Но дело обошлось гораздо счастливее для пруссаков, чем можно было предполагать: сказанные массы двигались, руководимые собственным инстинктом, без всякого направления от начальства, и думали не о том, чтобы атаковать пруссаков, а о том, чтобы ускользнуть от их ударов.. Вследствие этого, наткнувшись на пруссаков, они повернули вправо и вместе с X корпусом начали отступление в направлении к Кениггрецу, западнее шоссе. А одна часть проскользнула, как кажется, в тылу пруссаков у Хлума и бросилась на Неделист, к мостам II корпуса. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Фронтальная атака австрийцев на Хлум, произведенная в густых массах, была отражена залпами батальонов 1-й гвардейской дивизии, развернутых или, правильнее, рассыпавшихся по сторонам Хлума. После этого последовал

¹ Вообще этот резерв наступал весьма нерешительно: на нем вполне обнаружилось подчинение прусских артиллеристов предрассудку о важности потери орудий.

небольшой перерыв боя, во время которого, около четырех часов, подошел наконец авангард 2-й гвардейской дивизии. Он тотчас же направлен на лесок правее Хлума и выбил оттуда австрийцев.

Несколько времени спустя, около $4\frac{1}{2}$ часов, начали прибывать и главные силы 2-й гвардейской дивизии: генерал Будрицкий с пятью батальонами, эскадроном и батареей, за которым почти непосредственно следовал ген. Лён с остальными частями этой дивизии. Первый из этих эшелонов сразу взял Липу и, соединившись со вторым, направился на Лангенгоф, который около пяти часов тоже перешел в руки пруссаков.

Между тем, с фронта, у Хлума, кипел ожесточенный бой. Рамминг несколько раз возобновлял попытки атаки, но ни разу не дошел до Хлума. Впрочем, они имели следствием полное ослабление 1-й гвардейской дивизии, которая, совершенно уже рассыпавшись, продолжала держаться на позиции, но не в состоянии была двинуться вперед. Для австрийцев атаки Раммина и частей I корпуса были тем полезны, что дали возможность отступить частям III, IV и X корпусов.

В это время прибыл авангард¹ I корпуса. Генерал-лейтенант Гиллер, увидев новую помощь своей дивизии, употребил все усилия, чтобы собрать части ее в компактные кучи и двинуть вперед вместе со вновь прибывшими войсками; но ему не суждено было видеть окончательного успеха дела, для которого он, благодаря и счастливой случайности, и собственной

¹ Этот авангард должен был оставить один батальон у Масловеда, так как ко времени его прохождения через эту деревню некоторые дома ее оказались занятymi австрийцами, которые враздробь возвращались от Бенатека и из масловедского леса.

энергии, столько сделал: пораженный осколком гранаты, он пал на том самом месте, удержанием которого стяжал себе и своим боевым товарищам громкую славу. Авангард I корпуса, пройдя Хлум, отбил шагах в 200 впереди его последние отчаянные нападения противника и продолжал путь на Росбериц, между тем как главные силы I и V корпусов подходили к Хлуму. Эти силы представляли в руках кронпринца еще нетронутый резерв по меньшей мере в 50 000. Почти единовременно с авангардом I корпуса подходила к Росберицу с востока и 11-я дивизия (VI корпуса).

Мы оставили ее за Сендразицем, около трех часов, в то время, когда она собиралась атаковать бригаду Тома, которая, исполнив свое назначение, начала отступать сама на Неделист с боем, под сильным натиском пруссаков. Особенно стали наседать они с приближением бригады к Неделисту. В эту минуту ее выручил гусарский полк Пальфи из дивизии Турн-Таксиса: он стремительно бросился на прусский гусарский № 6-го полк, прикрывавший левый фланг 11-й дивизии, смял его и затем обратился против пехоты, но до нее не дошел: пруссаки остановились и несколькими залпами в одно мгновение усеяли поле убитыми и ранеными лошадьми и всадниками. Тем не менее главная цель атаки была достигнута: бригада Тома, вырученная, уже беспрепятственно продолжала движение к Предмерицу, у которого, прикрыв переправу остальных двух бригад и дивизии Турн-Таксиса, наконец переправилась и сама около $4\frac{1}{2}$ часов.

Цастров, достигнув Неделиста около 4 часов, не продолжал преследования австрийцев, ибо в это время уже получил приказание направиться на Росбериц, Светы и Всестар, для содействия гвардии.

Со своей стороны, Прондзинский атаковал мельницу Тротины около $3\frac{1}{2}$ часов, взял ее и начал теснить бригаду Генрикеца, которая предприняла отступление с боем к Лохеницу, где и переправилась на другой берег Эльбы, не без значительных, однако ж, затруднений и потерь. Прондзинский преследуя Генрикеца по пятам, достиг Лохеница, когда переправа еще не была окончена, и атаковал эту деревню двумя батальонами 23-го полка, между тем как фузилерный батальон того же полка, по пояс в воде, обстреливал с расстояния 500 шагов переправлявшиеся по мосту войска. Лохениц занят, и понтонный парк попал в руки пруссаков.

Итак, около $4\frac{1}{2}$ часов, на всем пространстве от Хлума к востоку, через Неделист, Предмериц до Эльбы австрийских войск более не осталось, а от Хлума к западу они находились в полном отступлении: X — на Клацов и Плачиц, III, IV — по обеим сторонам кенигтредского шоссе, подходили к Плотисту и Цигельшлагу, части I и VI, отраженные от Липы и Хлума, старались удержаться у Росница, Всестара и Светы.

Саксонцы встретили высланную им бригаду Пире (I корпуса) уже у Росница, сделали попытку перехода в наступление, но были отражены и продолжали отступление в порядке, направляясь на Планка, дабы, перейдя там Эльбу, стать на дороге в Голиц. Эдельгейм прикрывал все время левый фланг саксонцев, стараясь удерживаться у Техловица и Радиковица, а к вечеру отступил к Стессеру, где и остановился на ночлеге.

Чтобы сделать отступление сколько-нибудь в порядке, Бенедек выдвинул свою резервную кавалерию левее шоссе, в направлении к Лапгенгофу, а резервной артиллерии приказал держаться у Светы.

Высоким самоотвержением этих войск закончился тяжелый для австрийцев день Кенигтреца.

Преследование австрийцев. Король заметил успехи II армии по ослаблению огня у Липы, направленного против войск I армии. Тогда он отдал приказ к общему переходу в наступление и во главе резервного кавалерийского корпуса двинулся мимо Липы к Лангенгофу. Кавалерия достигла этого пункта, когда он уже был взят 2-й гвардейской дивизией и когда с австрийской стороны выдвинулась против него резервная кавалерия. Последовало несколько атак, в которых австрийская кавалерия явила подвиги отчаянной храбрости и высокого самоотвержения, но в результате не имела успеха: атаки, производившиеся с переменным успехом против прусской кавалерии, все разбивались о пехоту, за которой эта кавалерия находила надежное укрытие. Тыла же австрийской кавалерии в это время* прикрывать уже было некому. Не в лучшем положении находился и артиллерийский резерв у Светы. Без прикрытия продолжал он оставаться на своей позиции и поражать прусские войска, наступавшие с севера и востока. Действие его прекратилось только тогда, когда почти все орудия перешли в руки 11-й прусской дивизии. Своей стойкостью и самоотвержением артиллерия заставила пруссаков предполагать, что за нею стоит сильное прикрытие, сохранившее порядок, готовое на энергический отпор. Но ничего подобного не было: в тылу за резервной батареей и за резервной кавалерией, в то время, когда они обрекали себя на гибель, чтобы скрыть от неприятеля свою пехоту, развертывалась картина, которую сами австрийцы сравнивают с отступлением через Березину. Не только части, но корпуса даже перемешались: густые толпы, бессознательно придер-

живаясь шоссе, уткнулись в Кениггрец; но им не открывали крепостных ворот, ибо, в случае отступления, положительно было приказано не пропускать никого через крепость. Тогда толпа разделилась левее и правее Кениггреца и плыла куда глаза глядели, пока не натыкалась на новые толпы у переправ, которые ждали своей очереди, чтобы попасть на мост. Счастливее были те, конечно, которые направились западнее Кениггреца; но таких было немного.

К довершению бедствия, по взятии батареи у Светы, пруссаки выставили там 42 орудия артиллерийского резерва II корпуса, которые выстрелами своими в направлении к Плотисту увеличили смятение и ужас в австрийских толпах. Много людей и лошадей погибло в наводненной местности впереди Кениггреца; много орудий брошено. Саксонцы, сохранившие еще некоторый порядок, с приближением к Плотисту, увлечены были общим потоком и увеличили собой толпу.

Во время отступления саксонцы получили приказание направиться на опатовицскую переправу (южнее Кениггреца); но это мог исполнить только хвост их. Этот пункт оказался, конечно, самым удобным; но и на нем даже столпление обозов было так велико, что последние саксонские части переправились только 4 июля, между шестым и седьмым часом утра.

Трудно сказать, чем кончилось бы дело, если бы пруссаки сделали еще версты две вперед к стороне Кениггреца; но геройская стойкость кавалерии и артиллерии была причиной, что пруссаки, кажется, и не подозревали, что делается у Эльбы. Может быть, их остановило также рутинное опасение попасть под выстрелы с крепости: никому, конечно, в голову

не могло прийти, что, благодаря распоряжениям австрийской главной квартиры, она из прикрытия обратилась в преграду войскам.

VI корпус, как ближайший к Эльбе, мог двинуться на Плотист легче всего; но, получив направление на Всестар и Светы, он удержал его до конца боя, захватил, правда, много пленных и орудий, но этим самым был отвлечен от движения к Эльбе, которое одно могло повести к еще более гибельным для австрийцев последствиям.

«Сила неприятельского расположения артиллерии и усталость собственных войск, при наступающей темноте, остановили дальнейшее преследование». Канонада продолжалась до $8\frac{1}{2}$ часов.

Войска заночевали на тех местах, где дрались; только V корпус выдвинут южнее Росвиц, остальные стали: Герварт у Харбузиц; 1-й и 6-й¹ — по сторонам Росница; гвардия — между Лангенгофом и Росберицем; кавалерийская дивизия II армии — за Лангенгофом; главная квартира II армии — в Гореновесе.

1-я армия несколько выдвинулась перед те места, на которых дрались в первую половину боя.

Результаты поражения были страшны. Австрийцы потеряли: 16 230 убитыми и ранеными, 21 700 пленными и без вести пропавшими; 174 орудия. Но это обнаружилось далеко не сразу: вечером 3-го пруссаки сами не подозревали, что наделали. В депеше, посланной в Берлин в этот день, сказано о 20 взятых орудиях; в письме, посланном на следующий день утром, — о 50 орудиях.

¹ Бригада Ганенфельда у Бризы и Кладова.

И такова странная особенность громадных столкновений человеческих масс, что между победителями даже находились такие, которые вечером с недоумением спрашивали: кто же побил — они, или их? Должно быть, подобные столкновения не менее ошеломливают победителя, как и побежденного...

На прусских бивуаках наконец все затихло; наступила холодная ночь, не принесшая покоя австрийцам: несчастные толпы их, объятые паническим страхом, долго еще теснились у переправ, и только к утру следующего дня, не без больших потерь утонувшими, хвосты попали на противоположный берег.

Поднялось пасмурное холодное утро: комендант Кениггреца, Вейгль, сделал распоряжение о спасении нескольких десятков орудий, увязнувших в тине и брошенных перед крепостью. Это ему удалось вполне, ибо пруссаки и не думали двигаться вперед; в главной квартире решено было дать дневку, а предприимчивость частных начальников замерла перед страшным зрелищем смерти и отчаяния, окружавшим прусские бивуаки: раненые и убитые люди и лошади, свои и неприятельские, устилали все пространство так далеко, как только мог захватить глаз. За остерьвенелым опьянением предшествующего дня начиналось то холодное тяжкое раздумье, которое при виде смерти неминуемо в войсках молодых, отстаивающих дорогие интересы родины, но не потерявших еще инстинкта сострадания. Мрачно было настроение прусской армии: не досчитывались многих из своих. Недаром говорится, что никогда победоносная армия не бывает так близка к поражению, как на другой день после победы... По счастью для победителей, редко случаются армии, которые

после поражения были бы способны к наступательному взаимоуважению.

И потому-то нельзя не признать мерой безусловно необходимой после удачного сражения сдвигать, при малейшей возможности, войска вперед, с места их подвигов и их гибели...

Пруссаки потеряли около 9700 человек, в том числе около 1800 пленными и без вести пропавшими.

Бенедек донес по телеграфу из Гогенмаута, 4 июля, в три часа утра: «После блестящего пятичасового боя всей армии и саксонцев на отчасти укрепленной позиции впереди Кенигсгреца, с центром у Липы, неприятелю удалось незаметным образом утвердиться в Хлуме. Дождь осадил дым к земле: ничего нельзя было видеть. Благодаря этому, противнику удалось проникнуть на нашу позицию у Хлума. Неожиданно обстреливаемые с фланга и с тыла близстоящие войска дрогнули, и, невзирая на все усилия, нельзя было остановить их отступления. Сие последнее сначала исполнено без спешности, но мало-помалу оно становилось быстрее, по мере того, как теснил неприятель, пока наконец все не отступили через мосты на Эльбе или к Пардубицу. Потери еще не определены; но они, наверное, значительны».

Заключения. После погромов эпохи Наполеона это самый страшный и по хорошему соображению, и по результатам. По форме он напоминает Бауцен и Ватерлоо; по результатам — последний, ибо способность к быстрой деморализации при разнице в других свойствах, была одинакова в австрийских войсках 1866 и во французских 1815 г., хотя она происходила и не от одинаковых причин.

Пруссаки явили в этом деле: превосходное сознание обстоятельств минуты наверху, замечательную дерзость и

самоотвержение в войсковых массах. Ни один батальон не был потерян; все сосредоточилось к полю битвы, благодаря распоряжениям свыше и инициативе частных начальников, которые умели брать на себя ответственность, и с изменением обстоятельств изменяли полученные распоряжения, когда дело доходило до обязанности идти на выстрелы. Такие факты, как дерзкое движение 1-й гвардейской дивизии в промежуток между австрийскими войсками, на расстояние не менее трех верст от ближайших подкреплений, останутся вечно поучительными и достойными подражания, как высокое свидетельство и неукротимой энергии, и полной свободы от того методизма, который, уменьшая риск, уменьшает в то же время и приобретаемый успех. Положим, что 1-я гвардейская дивизия была бы приостановлена на Масловедской высоте, дабы выждать прибытие 2-й гвардейской дивизии и не подвергнуться опасности со стороны флангов: благодаря этой остановке, ее могли бы заметить и, выдвинув корпус к Хлуму из резерва, или совершенно ее остановить, или же значительно ослабить последствия ее наступления.

Это наступление нельзя признать основанным на полном знании со стороны пруссаков обстановки предприятия: конечно, они не могли даже и подозревать, что в Хлуме никого, или почти никого, не найдут; но это именно и показывает все значение дерзости на войне. *Лезь вперед, пока не остановят* — вот девиз всякого истинно военного в бою; *а остановили — начинай драться; но не останавливайся* из-за того, что, *может быть*, неприятель принял меры для противодействия. В последнем случае первым и главным неприятелем является собственное воображение, которому не должно да-

вать много хода, ибо и сам того не заметишь, как его призраки примешь за действительность.

Отдавая полную справедливость пруссакам в умение пользоваться счастливыми случайностями, не вследствие дара прозрения, но именно благодаря дерзости, нельзя не признать, что на долю их выпало в бою и в течение всей кампании такое счастье, какое редко сопровождает самые победоносные войска, предводимые даже гениальными полководцами. Не встретить на пути от Краледвора не только вооруженной преграды движению, но даже неприятельских разъездов; найти главный пункт позиции обнаженным именно в ту минуту, когда к нему подходишь, — не раньше и не позже; благодаря этому, беспрепятственно пройти за боевые линии неприятеля и достигнуть почти до самых его резервов: этого не дает никакое искусство, если не помогут благоприятные случайности, являющиеся в виде распоряжений противника. Каких жертв и усилий гения стоило обыкновенно Наполеону разворотить неприятельский центр: сотни орудий сосредоточиваются, тысячи голов летят, пока наконец цель не достигнута; под Кениггрецом первоначальный прорыв центра, сравнительно говоря, ничего не стоил.

Некоторые упрекают пруссаков за риск направления их армий к позиции неприятеля с таких расстояний, на которых не было возможности сохранить между ними связь и, следовательно, единство распоряжений и действий. Этот упрек едва ли можно признать справедливым: *во-первых*, австрийская армия была нравственно подорвана, между тем как прусская в этом отношении не оставляла желать ничего более, благодаря предшествовавшим удачам: *во-вторых*, нет большего риска в подобном направлении сил, когда убежден,

что войско проникнуто безусловною исполнительностью и устремляется по указанному направлению, несмотря ни на какие препятствия, с идеальным совершенством пули или гранаты, останавливаемых тем только, что действительно, *a ne воображаемо*, может их остановить: *в-третых*, пруссаки знали традиционную пассивность австрийских войск, недостаток предприимчивости, им присущий: при этом условии, *с какого бы дальнего расстояния вы ни стали сосредоточивать свои войска к позиции противника, должна прийти наконец минута, когда вы его охватите*. Заблаговременно сосредоточивать свои массы против подобного противника значит даром терять время, принимая те предосторожности, которые теория советует только против неприятеля, способного наступательными возвратами нарушить расчет марша.

Есть другой упрек, по моему мнению, более состоятельный, который можно сделать пруссакам: упрек в том, что преследование в день боя не было поведено так далеко, как это можно и должно было сделать. Разбитую армию гонит ее собственное мнение, а не вооруженная сила. Пруссаки забыли, что Блюхер гнал после Ватерлоо французов почти одними барабанщиками и трубачами; забыли также и то, что «в необыкновенные дни нужно уметь делать и необыкновенные усилия».

Со стороны австрийцев обращают внимание: недостаток упорства в войсках, обнаруженный множеством пленных; истощение от недостатка продовольствия, игольная паника, полный сумбур в распоряжениях, подтверждаемый и тем, что к стороне армии кронпринца не было выслано не только авангардов, которые могли бы ее задержать, несколько кавалерийских частей, которые могли бы о ней своевременно

донести, но даже не были попорчены переправы. Управления общим ходом боя не было: Бенедек, выехавший в первый раз после начала кампании в дело, остался в нем тем, чем был — хорошим корпусным командиром. И в этом смысле он достиг цели: на том пункте, на котором распоряжался, т.е. у Липы, он действительно удержал пруссаков. Говорят, что, с постепенным ослаблением расположения у Хлума, Рамминг три раза предлагал двинуть туда свой корпус, но не получил на это разрешения; говорят также, что Эдельсгейму положительно было запрещено предпринимать что-либо без приказания. Австрийская армия под Кениггрецом представляла тело без души: при таком положении последствия могли быть только более или менее несчастны, но счастливыми никогда не могли выйти.

В заключение этого бледного описания дня, столь многострадального для австрийцев и весть о котором как громом поразила всю западную Европу, считаем необходимым сказать несколько слов о диспозиции. Что она показывает неясное сознание относительной важности пунктов позиции, это уже объяснено. Другая особенность ее не менее поучительна в отрицательном смысле. Разумею параграф, назначающий путь отступления через Голиц на Гогенмаут. Не говоря уже о том, что не совсем удобно говорить об отступлении в документе, который делается известным частным начальникам, по крайней мере до полковых командиров включительно, в этом § поражает и другое обстоятельство: для указания пути отступления выбран пункт, находящийся *не ближе, как верстах в 17 за Кениггрецом, по ту сторону Эльбы*. Спрашивается: кому могло быть полезно подобное указание? С равным основанием и пользой можно было указать и

Ольмюц. При расположении на позиции массы по меньшей мере в 180 000 человек, важно знать не общее направление отступления, а те пути, по которым каждому корпусу непосредственно следует отступать с позиции, в случае неудачи. Частным начальникам нечего и знать этих направлений: довольно, если бы знали их корпусные командиры, ибо и то уже слава Богу, если бы можно было найти отдельный путь для движения каждому из восьми корпусов. Таким образом, пункт об отступлении, внесенный в диспозицию и сочиненный в подобном духе, принес более вреда, чем пользы: на тех, кого ему и знать не следовало, он мог действовать только как дурное предзнаменование; а тем, кто его должен был знать, он не дал никакого полезного указания. К этому еще нужно прибавить, что даже и сделанные распоряжения не исполнялись как следует, так обоз кавалерийского резерва оставался еще на поле сражения с началом его, запрудил переправы и немало способствовал увеличению бедствий отступления.

IX

ОТ КЕНИГГРЕЦА ДО ВЕНЫ

Кениггрецкий погром произвел в западной Европе впечатление тем более сильное, чем меньше его ожидали. Первым удачам пруссаков плохо верили, благодаря австрийским и южно-германским газетам, расписывавшим на все лады подвиги армии Бенедека. Да и трудно было верить, приняв в расчет разницу в боевой опытности противников. По одному из тех странных противоречий, которые ум человеческий вмещает в себе непостижимым образом, даже самые пре-

данные адепты мирно-военной рутины, столь отстаиваемой в спокойное время, не надеялись, чтобы прусская армия, которая кроме этой рутины, по-видимому, ничего не имела, могла одолеть австрийскую армию, имевшую недавний боевой опыт, хотя и не совсем счастливый, но основательный (1859). На то же, что прусская мирная рутина не очень была далека от требований боя¹, что между прусскими военачальниками нашлись люди настолько сильные, что даже и без боевой практики легко стали на точку боевой логики и сразу покончили со всем тем, что в прусских порядках было для боя непригодного; на то, наконец, что у пруссаков недостатка в деньгах² не было, — на все это как-то не обратили внимания.

Первым последствием поражения было то, что Австрия отказывалась наконец от Венецианской области в пользу императора Наполеона. Этим дипломатическим маневром, вероятно, думали достигнуть двух целей: обеспечить себе и посредничество Наполеона в переговорах о мире, и влияние его на Италию в том смысле, чтобы побудить ее отказаться от союза с Пруссией.

Вместе с тем в Вене были приняты меры, показывавшие, что там и не думали о прекращении борьбы, следовательно, не имели еще ясного понятия о состоянии северной армии. Министр финансов уполномочен был выпустить ассигнаций на 200 000 000 гульденов; 7 июля к венграм обратились с

¹ Принимая в расчет национальный характер.

² Монтецуккули говорил, что на войне нужны три вещи: деньги, деньги и деньги... С ним нельзя не согласиться, предполагая, конечно, нравственные и умственные данные войск и начальников удовлетворяющими требованиям боя и войны.

манифестом, выражавшим уверенность, что они, вследствие старинной преданности (?), поспешили добровольно стать под знамена для защиты своего отечества, угрожаемого опасностью. 10-го, подобный же манифест был адресован и к прочим народностям, входящим в состав австрийского государства.

Но эти меры, за исключением первой, не имели ожидаемого успеха. Император Наполеон действительно принял посредничество; но оно не подействовало на первых порах так, как, может быть, рассчитывали. Предложение, сделанное Виктору-Эммануилу со стороны императора французов о прекращении войны, по обсуждении в совете министров, привело к решению продолжать войну, как будто не произошло никакой перемены в отношениях между Австрией и Италией. Венгры вяло отзовались на призыв и вместе с тем отвечали на него просьбой об утверждении оснований, определяющих отношения их к габсбургскому дому; не менее вяло отзывались на призыв и прочие народности.

Предложение о перемирии, сделанное 4-го июля через Габленца, непосредственно из главной австрийской квартиры, также было отклонено пруссаками: и потому, что они были связаны известными обязательствами относительно Италии, и потому еще, что согласиться на перемирие значило дать время австрийцам собраться с силами для возобновления борьбы, за исход которой никто поручиться не может, сколько ни имел бы шансов на своей стороне.

Преследование австрийцев. Недостаток настойчивости в преследовании в день боя и потеря целого дня 4-го июля были великим счастьем для австрийцев. В эти сутки они, несмотря на полное расстройство, все же настолько успели

уйти, что когда, 5-го, пруссаки принялись за преследование, пришлось разыскивать, по каким именно направлениям отступление совершено.

Предметами дальнейших действий пруссаков могли быть или Ольмюц, или Вена; но первый был не страшен, так как действующая австрийская армия надолго была приведена в неспособность переходить в наступление — единственное условие, при котором укрепленный лагерь приобретает активную силу. Тем не менее, так как неизвестно было направление, по которому Бенедек отступил, и так как, несмотря на потерянное время, нельзя было терять надежды увеличить расстройство его армии преследованием, решено дать такое направление прусским силам, при котором было бы одинаково легко стать фронтом к Вене или же к Ольмюцу.

Вследствие этого, 5-го июля, *II армия*, по переправе через Эльбу у Пардубица и севернее, направлена к *Ольмюцу*, оставив VI корпус для обложения Кениггрецца, который попытались, 5-го же, принудить к сдаче бомбардированием из полевых орудий, но безуспешно; *I армия*, по переправе у Пршелауча, к *Брюну*; *эльбская армия*, по переправе у Эльбе-Тейница, к *Иглау*.

Таким образом, три прусские массы приняли за Эльбой расходящееся направление; но эта разброска сил, несмотря на то, что около 15-го она увеличила фронт действий пруссаков верст до 140 (Просниц—Люнденбург—Цнайм), составляла превосходную меру, ибо, не будучи опасною, между тем облегчала движения, продовольствие, а следовательно, и сбережение войск. В искусстве вовремя сосредоточить войска и вовремя их разбросать лежит один из великих залогов на успех в войне.

В тот же день, т.е. 5-го, гвардейская резервная дивизия, прибывшая 3-го вечером к прусской армии, направлена для занятия Праги и вступила туда 8 июля. Туда же направлен и резервный корпус генерала Мюльбе, выступивший из Дрездена 11 июля. С занятием Праги, пруссакам представилась возможность восстановить железнодорожное сообщение с Берлином, через Пардубиц, Прагу, Кралуп, Турнай, Рейхенберг.

Отступление австрийцев. 4 июля перемешанные части австрийских и саксонских войск отступали по направлению на Гогенмаут; 2-я легкая кавалерийская дивизия, II корпус, менее других пострадавший, и впереди его IV шли севернее главной массы, направляясь, согласно диспозиции, тоже на Гогенмаут. Только 5-го, в течение дня, из главной квартиры разослано приказание без подписи, на основании которого главные силы должны были следовать на Гогенмаут, Цвиттату, Моравску Тржебову к Ольмюцу, а II и IV корпуса туда же, но севернее главных сил, составляя, следовательно, относительно их правую колонну.

В ночь с 11-го на 12-е правая колонна достигла наконец Ольмюца в семь переходов, имев на пути одну только дневную. На пути эта колонна, как и главная, не терпела от преследования, благодаря известной уже потере времени пруссаками.

Распределение колонны главных сил, при следовании по указанному направлению, было изменено в том только, что по достижении железной дороги, 7 июля, X корпус решено было отправить по этой последней к Дунаю. Туда же направлены три резервные и первая легкая кавалерийские дивизии; последняя составляла крайний левый фланг движения и от-

ступала на Иглау. Около 12-го и части главной колонны также вступили в ольмюцкий лагерь.

Пруссаки подвигались по указанным направлениям настолько быстро, насколько то позволяли большие массы и необходимость в каждой из них разделения на несколько колонн, из которых весьма немногим приходилось идти по шоссе. Наступление шло беспрепятственно. Только 7-го прусские кавалерийские отряды настигли наконец австрийцев, а 9-го в авангарде II армии произошла незначительная кавалерийская стычка.

6-го, в Пардубиц перенесена главная квартира короля и осталась там до 9-го. 8-го прибыл туда вторично Габленц, для переговоров о перемирии на срок от восьми недель до трех месяцев, с тем, чтобы войска оставались на занимаемых ими местах и на условии сдачи пруссакам Иозефштата и Кралеграда, без гарнизона и военных запасов. Это предложение также было отклонено.

9-го главная квартира короля перенесена в Гогенмаут, II армия достигла Моравской Тржебовы и Цвиттау; I стояла в трех переходах от Брюнна; армия Герварта — в одном переходе перед Иглау. В тот же день в Моравской Тржебове пруссаки перехватили почту, в которой нашли распоряжения Бенедека, и из них впервые узнали, что на Брюнн направлены только X корпус и четыре кавалерийские дивизии, а остальные силы двинуты к Ольмюцу.

Это обстоятельство должно было вызвать, и действительно вызвало, попытку отрезать главные силы австрийской армии от Вены, чем и обусловились дальнейшие движения прусской армии. Предположено поставить в возможно скромом времени I и II армии в промежуток между Ольмюцем и

Веной. Вследствие этого II армия получила приказание идти на Просниц, в обход Ольмюца с юга; 1-я армия, заняв Брюнн, должна была свернуть на юго-восток и достигнуть возможно быстрее Годонина и Люденбурга. Эльбской армии предписано, по достижении Цнайма, повернуть на восток и следовать вдоль реки Тайа, для содействия принцу Фридриху-Карлу в овладении Люденбургом.

10 июля главная квартира перенесена в Цвиттау, где осталась и на следующий день, вследствие прибытия французского посла Бенедетти, явившегося с предложением посредничества императора Наполеона в переговорах о мире.

Между тем, исполняя известные уже приказания, I армия достигла Брюнна 13-го, имея авангарды за ним в направлении на Годонин и Люденбург; в этот же день прибыла в Брюнн и главная квартира короля. Авантурд II армии дошел до Просница 14-го; эльбская армия находилась на марше к Цнайму, которого достигла 15 июля.

15 июля Годонин занят 8-й дивизией (Горна), между тем как у Ольмюца последовал ряд стычек, имевших следствием преграждение австрийцам прямого пути на Вену.

Так как в содействии Герварта I армии не оказалось надобности, то его корпус направлен от Цнайма прямо на Вену, через Голабрюн и Штокерау¹. Только дивизия Этцеля отделена западнее, на Кремс.

Положение австрийцев в Ольмюце и отступление к Вене

Большая часть корпусов австрийской армии прибыла в Ольмюц в весьма плохом положении: за исключением II корпуса, каждый из остальных представлял силу не более как

¹ На Дунае, верстах в 20 выше Вены.

в 10 000—15 000 человек. Бенедек энергически принялся за восстановление их устройства; но для этого необходимо было остаться в покое хотя несколько дней, что имело весьма неблагоприятные последствия.

Вслед за известием о кенигтрецском поражении, из Вены послали графа Менсдорфа для исследования причин неудачи. Неизвестно, открыл ли граф какой-либо положительный пункт обвинения против Бенедека, но только этого последнего сменили, потребовали в Вену и предали там суду.

Главнокомандующим всех австрийских сил назначен эрцгерцог Альбрехт, начальником штаба — генерал Ион. Вместе с тем утверждены некоторые, еще прежде состоявшиеся, назначения: Гондрекура — командиром I корпуса, Вебера — командиром VIII, Зайчека — IV.

13 июля эрцгерцог Альбрехт объявил о вступлении своем в командование всеми сухопутными силами, прибавив между прочим: «Могуче прежнего собирается армия, испытанная в боях и составленная из войск, славных своей храбростью и упорством; эта армия, воодушевленная недавно одержанной победой¹ и жаждой отомстить за незаслуженную неудачу, ждет только случая, чтобы положить конец высокомерию врага. Исполним же дружно и единодушно эту великую задачу, помня, что успех бывает на стороне того, у кого голова и сердце на месте, кто умеет обдумывать хладнокровно и действовать решительно, и что только тот тонет, кто не уверен в себе и сам отчаивается в успехе».

Слова глубоко верные; но из слов они становятся делом там, где их помнят не только в годину бедствий, но и при

¹ В Италии.

мирном воспитании армии... На войне нельзя разом сделатьсь энергическим и упорным, когда в мирное время добивались совершенно обратного.

Одной из первых мер эрцгерцога Альбрехта было приказание Бенедеку немедленно направить к Вене по железной дороге и по обычновенным дорогам всю северную армию. Вследствие этого, часть саксонского корпуса (кроме кавалерии) и III австрийский предположено перевезти по железной дороге, а для прочих войск штабом северной армии составлен маршрут для движения через Кремзир, Годонин, Штампфен и Пресбург в окрестности Вены, куда они должны были прибыть 24 и 25 июля¹. В первом эшелоне назначено идти IV и II корпусам, 16 июля; за ними, во втором эшелоне — VIII и I, 17 июля; VI двинут от Ольмюца на восток, к Вейскирхену, дабы идти оттуда к Пресбургу вдоль Малых Карпатов, долиной реки Бааг. Но, вследствие донесений о приближении неприятеля, движение начали двумя днями ранее предположенного.

По железной дороге успели отправить не более сорока поездов, когда авангард I прусской армии, с занятием Годонина и Люнденбурга, пресек австрийцам это сообщение. Как уже знаем, первый из этих пунктов занят 15 июля Горном, который на следующий день двинулся к Люнденбургу и без сопротивления также занял его; часть бригады Мондля, расположенная в этом пункте, с приближением пруссаков, села на заранее приготовленный поезд и уехала в Пресбург.

16-го большая часть I армии, через Гединг и Люнденбург, направилась к Моряне и, 17-го, по переправе через эту реку,

¹ См. план театра войны.

прервала сообщение с Ольмюцем и по обыкновенным дорогам.

Дела у Тобичау. (См. план № 2-й bis.)

В то же время передовые части II прусской армии наткнулись на войска, выступавшие из Ольмюца.

14 июля двинулся от Ольмюца первый эшелон (II и IV корпуса и 16 эскадронов саксонской кавалерии).

В этот день IV корпус должен был прибыть в Когетейн¹ а II в Тобичау. Обоим этим корпусам назначено следовать по правому берегу Моравы, выдвинув в виде боковых авангардов вправо по одной бригаде и пустив тяжелый обоз по левому берегу Моравы.

IV корпус, следовавший впереди, без всяких случайностей достиг Когетейна.

II корпус, миновав Ольмюц, достиг Тобичау, где и расположился на бивуаке. Бригада Сафрана с двумя саксонскими эскадронами, прикрывавшая марш с правой стороны, дошла до Бискупич, где осталась в виде авангарда, выставив аванпосты к стороне неприятеля.

Еще до полудня получено было донесение о том, что Просниц занят и что в окрестностях этого пункта сосредоточены значительные неприятельские силы. Это были передовые части II прусской армии.

Кавалерийская дивизия этой армии шла в авангарде, в направлении от Моравской Тржебовы на Просниц, выслав вперед, для собственного охранения, 1-й гусарский полк. На нее, кроме охранения, возложена была еще обязанность испортить железную дорогу и телеграф от Ольмюца на Вену.

¹ Верстах в 7 севернее Крезмира.

Командир 1-го гусарского полка, достигнув Просница, 14-го, собирался выставить аванпосты и расположиться на бивуак, когда получил донесение, что у Враговиц открыто несколько неприятельских эскадронов. Гусары двинулись вперед, встретили два саксонских эскадрона бригады Сафрана, высланные на аванпосты, опрокинули их и преследовали до Бискупиц, откуда, наткнувшись на эту бригаду, принуждены были отступить. Саксонцы заняли прежнюю аванпостную линию, в подкрепление которой выдвинут один батальон, поставленный за ней в дивизионных колоннах.

В тот же день, часов около двух пополудни, 1-й прусский кирасирский полк, посланный на Тобичау и Прерай, для порчи железной дороги и телеграфа, потеснил аванпосты, наткнулся на этот австрийский батальон, прорвал одно из дивизионных каре, но был остановлен и возвратился к Проснице, не исполнив своего назначения.

Обо всем этом из штаба II корпуса послали донесение в Ольмюц, с прибавкой, что дальнейший марш вдоль Моравы едва ли будет возможен.

Это имело следствием полную перемену маршрута: II и IV корпусам предписано свернуть влево и, перейдя Малые Карпаты, направиться долиною Ваага к Пресбургу; I и VIII, бывшие еще в Ольмюце, получили приказание следовать через Прерай, в долину Ваага, также к Пресбургу.

На следующий день IV корпус и за ним II продолжали движение по прежнему направлению. Последний, подходя к Кремзиру, услышал за собой в стороне Тобичау канонаду: то были части второго австрийского эшелона, атакованные прусскими войсками кавалерийской дивизии и I корпуса.

15 июля генерал-майору Малотке, командиру 3-й прусской бригады¹, приказано с рассветом двинуться через Просниц и Грубшиц на Тобичау и Траубек, занять эти пункты и переправы и держаться на них до тех пор, пока кавалерийская дивизия не испортит железной дороги у Прерау. От Грубшица уже видно было движение сильных колонн в стороне Буба, в направлении Ольмюц—Тобичау; следовательно, пруссаки шли как раз против фланга этой колонны, состоявшей из войск VIII корпуса. Боковой авангард этого последнего (бригада Роткирха: 25-й и 71-й полки, егерский батальон, эскадрон и четыре батареи) занял позиции у Ракодая и Тобичау, для защиты мостов через речку Блатту, имеющихся у Бискупич, Клопотовиц и Виклицер-Гофа.

Тобичау был занят тремя ротами; лесок севернее этого пункта — двумя; еще севернее, шагах в 1000, на ольмюцском шоссе, стояла батарея. Остальная часть бригады, с тремя батареями, расположена впереди Ракодая.

Бригада Малотки, пройдя Грубшиц, выстроилась в две линии², фронтом к Тобичау, имея батарею на левом фланге; левее последней выстроилась подоспевшая кирасирская бригада дивизии Гартмана.

Для атаки неприятеля отданы следующие приказания: 2-й батальон 44-го полка направлен на Виклицер-Гоф; 3-й на Клопотовиц; 1-й шел за серединой и несколько позади, дабы поддержать, смотря по обстоятельствам, один из передних батальонов.

Кирасирам приказано идти на Ракодая, в случае, если удастся найти переправу у Бискупич; батарее, усиленной

¹ 4-й и 44-й полки, 4-фунтовая батарея.

² 44-й полк в первой линии в ротных колоннах, 4-й — во второй.

вскоре двенадцатью конными орудиями, расположиться на возвышенном берегу по сию сторону Блатты, между Бискупич и Клопотовиц, и содействовать своим огнем наступлению пехоты и кавалерии.

Австрийцы выставили впереди Ракодау три батареи и открыли огонь по прусской артиллерией с расстояния около трех верст. Между тем, 5-й прусский кирасирский полк, найдя мост у Бискупич разрушенным, перешел к Клопотовицам и начал переправляться на восточный берег Блатты; 1-й кирасирский полк оставлен по сию сторону Блатты, у Бискупич; почти в то же время 3-й и 1-й батальоны 44-го полка начали переправу у Виклицер-Гофа, по имеющимся там двум мостам; туда же притянут и 2-й батальон от Клопотовиц, который по переправе и занял место между первыми двумя, построившись, как и они, в две линии ротных колонн, задние роты вместе. За 44-м начал переправу 4-й полк в то время, когда первый двинулся в атаку на лесок, лежащий севернее Тобичау. Батарея, стоявшая севернее леска, наносила довольно сильный урон левому флангу 44-го полка. Но это не особенно помогло австрийцам: слабый отряд их был выбит из леса, отступил за шоссе и расположился во рву его, перестреливаясь с пруссаками, в ожидании подкреплений. С прибытием этих последних австрийцы сделали попытку выбить пруссаков из леса, но не имели удачи, и отступив за шоссе, опять начали перестрелку.

После этого пруссаки, притянув батарею с западного берега Блатты, открыли огонь по австрийцам и затем сами перешли в наступление; австрийцы, уклоняясь от атаки, начали отступать по направлению шоссе, на Вирован. Между тем, в

тылу у пруссаков, Тобичау было занято двумя ротами от 4-го полка, выбившими оттуда австрийцев.

Одновременно с этой атакой 5-й кирасирский полк произвел другую — на позицию у Ракодау, где были расположены главные силы бригады Роткирха. На плато, впереди этого пункта, стояли, как уже известно, три батареи. Полковник Бредов, построив эскадроны своего полка уступами, имея во 2-й линии ландверный уланский полк с одной конной батареей, пошел на Ракодау, покровительствуемый волнистой местностью, так что австрийцы, не заметив его приближения, продолжали стрелять по 1-му кирасирскому полку, оставшемуся за Блаттой. Благодаря этой случайности, а еще более тому, что командир ближайшего прикрытия австрийской батареи, приняв прусских кирасиров за своих, крикнул артиллеристам не стрелять¹, пруссаки наскочили на

¹ Этот факт получен часа через три после дела, когда забранные орудия прибыли в Просниц, от командира батареи, сделавшейся жертвой суеверности начальника прикрытия. Трудно выразить отчаяние и сдержанное бешенство этого бедного батарейного командира, поплатившегося за чужую вину. Штаб генерала Штейнмеца сидел за обедом в то время, когда его ввели: вошел, остановился у дверей; холодный поклон, стиснутые зубы, слезы на глазах. Чувствовалось инстинктивно, что это несчастье, достойное уважения. «Гг. артиллеристы, — сказал генерал Штейнмец, — пригласите вашего австрийского товарища разделить наш обед». Те окружили его, усадили, завели разговор о том, как хорошо австрийская артиллериya стреляет, вспомнили о градлицкой канонаде: оказалось, что взятый батареец в ней участвовал. Стали расспрашивать, какую высоту прицела нужно было брать, чтобы стрелять на столь огромное расстояние. Но все напрасно: австриец то и дело возвращался к тому, что не послушайся он командира прикрытия, его бы не взяли так легко: «а то я скомандовал стрелять — наскочил: “не стрелять! не стрелять! это наши!” Я должен был повиноваться, и вот...» Пруссаки замолкали при этих жалобах и относились к ним с такой деликатностью, какую дай Бог всегда встречать в победителе.

нее без выстрела, охватили с фронта и фланга и взяли 18 орудий почти в комплекте, т.е. с лошадьми и прислугой; кроме того, им попало в руки семь зарядных ящиков, также с полной упряжкой. Успели ускакать только два орудия и несколько зарядных ящиков. Кирасиры принялись заклепывать орудия. В это время против их левого фланга выехал из Ненаковиц один эскадрон; полковник Бредов бросился против него с одним эскадроном и опрокинул в Ненаковиц. После этого кирасиры, убрав свою добычу, быстро ушли к Клопотовицам, так как южнее, у Вирована, была открыта австрийская пехота, которая могла двинуться на выручку орудий, но ей было не до того: четыре батальона бригады Малотки, преследуя австрийцев, достигли Вирована и вскоре овладели им и Ракодая, без особенных усилий и потерь. Прусская батарея немедленно выехала на позицию на высоту левее Вирована и открыла огонь по австрийцам, отступавшим на Буб. Остальные два батальона (4-го полка) с не меньшим успехом действовали на направлении Тобичау—Траубек. Роты, выбившие австрийцев из Тобичау и поддержаные остальными шестью ротами, преследовали противника до Траубека,

Еще не успели пообедать, как австриец встал, сказав, что он не смеет долее задерживать начальника конвоя; но его усадили, попросили не беспокоиться, ибо и начальник конвоя тут, и ему, мол, нужно пообедать. Правда, это частный случай; но он, кажется, рисует достаточно дух общества австрийских артиллеристов. Не знаем, какой репутацией этот офицер пользуется у себя дома, но смело могу сказать, что трудно было вести себя достойнее в беде, нисколько не рисуясь. И потому мы, не обинуясь, позволяем себе назвать его здесь по фамилии: это был капитан Креммер. Сомневаемся, чтобы дошел до него наш рассказ; но если дойдет, пусть он послужит ему хотя слабым удовлетворением на несчастье, которому всякая артиллерийская часть может подвергнуться тем легче, чем честнее она исполняет свой долг.

который заняли без затруднений. Овладение этим пунктом было весьма важно, ибо доставило пруссакам обеспеченные переправы через Моряну и Бечву, по которым можно было провести кавалерию и двинуть ее далее к Прераяу. Дело на некоторое время прекратилось.

Генерал Бонин, бывший при бригаде Малотки, с началом дела послал приказание ближайшим частям своего корпуса идти к Тобичау. Но они предупредили это приказание, сами двинувшись на выстрелы, так что к двум часам, когда возобновилось дело, к Бискупцам подошла целая бригада¹, она выдвинула свою батарею и открыла огонь против австрийской батареи, появившейся впереди Дуба. Канонада продолжалась до тех пор, пока австрийцы, дав время отступить хвосту колонны, не снялись с позиции и не начали отступать к Ольмюцу.

В то же время генерал Гартман с частью своей дивизии² и с ротой фузилеров, посаженной на подводы, направился к Брбовецу, у которого есть брод через Бечву. Перейдя Бечву и оставив фузилеров для защиты этой переправы и команду для порчи железной дороги и телеграфа, он двинулся в промежуток между Рокениц и Длугониц, выстроив в линию пять эскадронов, назначив шестой в прикрытие батареи, поставленной на левом фланге, и два эскадрона оставил в резерве. После непродолжительной канонады линия бросилась в атаку и смяла австрийский батальон. В это время заметили, что по шоссе, ведущем из Рокениц в Прераяу, множество повозок спасались на рысях. Три эскадрона, отряженные в этом на-

¹ Г.-м. Барнеков, 3-й и 43-й полки, батарея.

² Три эскадрона № 2-го гусарского полка, ландверный гусарский полк, эскадрон улан, $\frac{1}{2}$ эскадрона ландверных улан, батарея.

правлении, принялись валить повозки в ров, когда севернее Рокениц снялась с передков австрийская батарея и открыла огонь; западнее Рокениц появились австрийские кирасиры, от Прерая гусары. После удачной стычки к стороне Прерая пруссаки отступили за Бечву, уклоняясь от боя с превосходными силами.

Это арьергардное дело довершило отделение Ольмюца от Вены; войска, не успевшие выступить из первого пункта, были отрезаны. 17 июля пруссаки заняли Прерай; 15-го, если припомнить, войсками принца Фридриха-Карла был занят Гединг, 16-го Люденбург; 17-го весь II корпус стоял уже в окрестностях Дюрнкрута, т.е. верстах в сорока от Вены; IV приближался к Штампфену (см. план № 3-й); III стоял за ними в резерве, у Никольсбурга и Фельдсберга; Герварт подходил к Голлабрюну. Вместе с тем II армии от Просница и Прерая приказано двинуться в резерв I армии, на линию Брюнн—Голич.

18 июля главная квартира короля перенесена в Брюнн.

ПОЛОЖЕНИЕ В ВЕНЕ

Быстрое приближение пруссаков к Вене, произвело там понятное впечатление. Флорисдорфские укрепления, построенные на левом берегу для защиты столицы Австрии, еще не были окончены, значительная часть сил находилась еще в Малых Карпатах; тот недостаток упорства и хладнокровия, который обнаружился на верху армии, теперь проявился и на верху государства и должен был показать тем, до кого это касалось, что он свойство общее, генерическое, а не

составляющее исключительной принадлежности некоторых только личностей.

Флорисдорфские укрепления были видимым признаком того, чего могла ожидать Вена: испуганному воображению граждан этой столицы ужасы вроде бомбардирования, неприятельского занятия, казались неминуемыми; некоторые симптомы в самой столице, и в правительственныех при том сферах, указывали ясно на то, что беды не миновать. Министерства готовились к отъезду; банк, архивы, арсенал переведены в Пешт.

При таких обстоятельствах нет покорности и порабощения, у которых бы не развязался язык: страх жителей столицы отразился следующим обращением городского совета к правительству:

«Цветущие области государства заняты неприятелем. Опасность грозит даже колыбели монархии. Тысячи сынов и братий наших напрасно пролили кровь свою на полях сражений. В такие трудные времена представители Вены не желают входить в рассмотрение причин, вызвавших настоящее серьезное положение дел: они могут только сказать, что это положение составляет не столько последствие неудач в бою, сколько несчастной внешней и внутренней политики, которой следовали в течение столь долгого времени. Теперь следует смотреть вперед и показать себя достойными слов, что “народы Австрии лучше всего показали себя в несчастии”. Представители преданной столицы уверены, что народы Австрии исполнят это; они покажут, что они те же самые, которые неоднократно, в виду многочисленных счастливых противников, не теряли уверенности в себе, а с полной преданностью жертвовали всем для блага отчизны. Но они считают себя вправе надеяться, что, согласно основным принципам, которые

объявлены руководящими идеями управления, будет принята истинно либеральная политика, при содействии советников, которые в народном представительстве видят прочную опору благосостояния Австрийской империи. Да сочтут за благо доверить армию более счастливому вождю. Дай Бог также, чтобы пришли к благому решению поручить заведывание делами таким людям, твердость и политические убеждения которых служили бы народу залогом лучшего будущего. Это возбудило бы в нас ту энергию и веру в себя, которые нам дали бы силу бороться с самыми страшными невзгодами и быстро заживить тяжелые раны самой кровавой войны», и проч.

Самые сильные опасения вызвало воззвание наместника нижней Австрии, который всю свою провинцию призвал к оружию, между тем как значительная ее часть уже занята была пруссаками¹. Отозвавшихся на призыв было мало, а бро-жение получилось сильное, так что пришлось центральному правительству объяснять, что воззвание обнародовано только для сбора волонтеров. Так или иначе, но расчет на силы области, наполовину занятой неприятелем, был по меньшей мере преувеличен. Одна надежда была на Венгрию; но с 1849 г. эта страна заключилась в ту систему апатии и равнодушия к интересам империи, которую можно назвать бунтом на коленях. Не воспользовалась она затруднительным положением центрального правительства для того, чтобы восстать², но и ни малейшего расположения не обнаружила к тому также, чтобы признать австрийские интересы своими интересами. Назначенный

¹ Что значит поусердствовать...

² Попытка вторжения, сделанная генералом Клапкой, с венгерским легионом, в северо-западный угол Венгрии, была встречена полнейшим равнодушием.

в Венгрии усиленный¹ набор встретил такие затруднения, что его пришлось заменить сбором охотников.

Марш австрийских корпусов по долине Вага. 16-го, первый эшелон войск, двигавшихся от Ольмюца к Вене, должен был направить свой марш по трудными горным дорогам в долину Ваг; 18-го он достиг этой реки у Баг-Нейштадтля со страшными усилиями. «Прекрасный дух войск помогал им переносить все трудности; без ропота они собирались с последними силами, и многие из храбрых на самом пути отдали душу Богу». Остановка у Ольмюца принесла свои плоды... Но это еще не все.

В Бааг-Нейштадтле получено приказание штаба северной армии, от 17-го, прибыть к Пресбургу в пять переходов с одной дневкой, следовательно к 24-му. А уже знаем, что 18-го, т.е. в день получения этого приказания, большая часть 1-й прусской армии стояла от Пресбурга не далее, как в полутора или двух небольших переходах, имея против себя одну бригаду X корпуса (Мондля), на позиции у Кальтенбруна и Блуменау (см. план № 3); следовательно, головной эшелон войск, шедших от Ольмюца, мог придти туда по приведенному маршруту гораздо позже пруссаков.

К счастью для австрийцев, вместе с приказанием из Ольмюца получено другое — из Вены — подкрепить возможно скорее бригаду Мондля. Исполнить его выпало на долю II корпусу. Составили новый маршрут, с расчетом прибыть в Пресбург 22-го. Сделано распоряжение по дороге заготовить подводы; но это успели сделать не ближе, как в Тирнау, куда корпус прибыл 20-го. Шедшая в голове его бригада Генрикеца тотчас же отправлена оттуда на подводах в Пресбург,

¹ Который можно озаглавить также и насильтвенным.

куда прибыла в тот же день вечером, в восемь часов. За нею, форсированными маршами, следовали две кавалерийские батареи, под прикрытием двух саксонских эскадронов.

На следующий день по железно-конной дороге от Тирнау перевезены два егерские батальона, назначенные наблюдать горные проходы, ведущие от Моравы к Георгену; пришел уланский полк № 9-й, назначенный для той же цели и расположенный в окрестностях Рацерсдорфа.

21-го же еще один пехотный полк перевезен по той же дороге в Пресбург, между тем как главные силы корпуса были на марше от Тирнау в Вартберг. В ночь с 21-го на 22-е и утром 22-го перевезены по железной дороге от этого последнего пункта бригады Виртемберга и Тома. Остальные части корпуса¹ выступили из Вартберга в два часа пополудни, и к восьми часам, т.е. к началу боя, прибыли наконец к Пресбургу, сделав от Вааг-Нейштадтля в течение трех суток около 90 верст с лишком, а от Ольмюца, в течение недели (15—22 июля) — 200 с лишком верст.

Подобное движение, стоившее жизни, по всей вероятности, не одной сотне людей, и которое не могло быть сделано без страшной суеты и нравственной тревоги, лучше всего показывает, что значит потеря времени на войне.

СОВРЕМЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПРУССАКОВ И БОЙ У ПРЕСБУРГА

21 июля 8-я дивизия достигла Штампфена, авангард ее до Бистерниц, а 7-я расположилась правее Штампфена, впереди Мархегга. За ними, на правом берегу Моравы, стояли осталь-

¹ Бригада Сафрана, артиллерийский резерв, два эскадрона саксонцев.

ные части I армии; передовые посты ее к стороне Вены занимали линию Руссбаха, на Ваграмском поле сражения. Вторая армия занимала Никольсбург, Фельдсберг, Голич. Герварт сосредоточился у Штоккерау. Большая часть сил могли быть сосредоточены к одной из крайних точек расположения в два перехода.

Принц Фридрих-Карл, зная, что переговоры о перемирии значительно подвинулись и приближаются к концу, 22-го приказал произвести только усиленную рекогносцировку к Пресбургу, разрешив дальнейшее наступление только в том случае, если к тому представляется особенно выгодные обстоятельства. Для рекогносцировки были назначены 7-я и 8-я пехотные дивизии и кавалерийская генерала Гана-фон-Вейерна, под командой генерала Франзецкого. Неизвестно, чего собственно имелось в виду добиться этой рекогносцировкой, но направление ее на Пресбург выбрано чрезвычайно удачно.

Пресбург с окрестностями соединяет в себе весьма важное стратегическое и тактическое значение. Он расположен у места, в котором Малые Карпаты упираются в Дунай и тем образуют превосходные позиции для форсирования переправы на южный берег этой реки. Верстах в трех к северу от Дуная, параллельно его течению, от Моравы к Пресбургу ведет один из самых удобных проходов через Малые Карпаты, что делает его, а следовательно, и Пресбург, узлом всяких дорог, ведущих из столицы в северную часть Венгрии. Следовательно, пруссаки, захватив его, отрезали бы большую часть Венгрии от Вены и получили бы возможность пользоваться ее средствами; мало того: они помешали бы соединению че-

тырех¹ или пяти корпусов, бывших на марше от Ольмюца к Пресбургу, с остальными силами Австрии, сосредоточившимися вокруг Вены.

Но для этого нужно было попасть на Пресбург не 22-го, а 19-го или 20-го, чему, сколько можно судить по внешности, представлялась полная возможность. У Пресбурга до 20-го находилась только бригада Мондля с девятью эскадронами и двумя 8-фунтовыми батареями. 21-го, вследствие донесений о появлении пруссаков у Штампфена, Мариенталя и Балленштейна, полковник Мондль расположил свои войска между Кальтенбруном и Блюменау. Утром 22-го, около семи часов, он выдвинул на рекогносцировку два эскадрона улан, в направлении к Нейдорфу. Они опрокинули прусские аванпосты, но наткнулись на 4 прусских эскадрона и были ими опрокинуты; тогда Мондль выдвинул вперед всю свою кавалерию: этим и началось дело.

Мондль расположил три батальона на высотах впереди Блюменау, батальон — на высотах у Кальтенбруна; перед правым флангом, в версте с лишком, занимал передовую позицию еще один батальон; остальные два стояли в резерве у Блюменау.

В открытом промежутке между Кальтенбруном и Блюменау поставлены две батареи, и за ними, в соответственном расстоянии, два уланских полка.

Правый фланг позиции, у горы Гамзен и севернее, обеспечивали три батальона бригады Генрикеца. Остальные части этой бригады составляли ближайший резерв бригады Мондля, верстах в двух за Блюменау. Бригада Вертемберга стояла

¹ I, IV, VI, VIII, а считая со II — пяти.

у Рацерсдорфа и впереди этого пункта; бригада Тома — у Пресбурга; егерский батальон этой бригады — на крайнем правом фланге, у Георгена; бригада Сафрана и корпусный артиллерийский резерв — северо-восточнее Пресбурга. Таким образом, австрийское расположение, считая по прямей линии от Георгена до Кальтенбруна, занимало более 14 верст. Сама позиция Блюменау представляет протяжение около трех верст с лишком.

Франзецкий сообразил план для атаки этой позиции по тому же общему типу, который представляет большинство боевых столкновений пруссаков в эту кампанию: 13-я, 14-я и часть 16-й бригады получили приказание, приблизившись к позиции с фронта, открыть сильную канонаду, а 15-я направлена, в пять часов утра, в обход правого австрийского фланга, от Бистерниц, через гору Гамзен к Пресбургу. Затем, когда обнаружится влияние этого обхода, предполагалось перейти в наступление с фронта.

В пять часов генерал Бозе (командир 15-й бригады), захватив в Бистернице нескольких поселян в проводники, углубился по указанному ему направлению в горы, подвигаясь весьма медленно по крайне трудным дорогам. В шесть с половиною часов головной его отряд наткнулся на австрийские разъезды. Между тем с фронта открыли весьма частую канонаду. Франзецкий, около семи с половиной часов, получил уведомление, что в двенадцать часов начнется перемирие; но, рассчитывая, что ему, может быть, удастся захватить до этого времени Пресбург в свои руки, он решился продолжать дело. Пруссики выдвинули шесть батарей дивизионной артиллерии и вскоре усилили их четырьмя батареями из артиллерийского резерва. Со своей стороны австрийцы

усилили выставленные вначале две батареи еще тремя. Но канонада, открытая на слишком дальнем расстоянии и поддерживаемая слишком торопливо, повела только к большому расходу снарядов, не нанеся противникам особенного вреда. Выдвинуться пруссакам более вперед мешало выступающее положение высот впереди Блюменау и Кальтенбруна, занятых австрийцами.

Франзецкий приказал их атаковать. На Кальтенбрун направлен был один батальон, на Блюменау другой; последнему придано в резерв два батальона. Высоты впереди Блюменау взяты без особенного затруднения, и войска, овладевшие ими, продолжали подвигаться к Блюменау. Кальтенбрун был зажжен около $11\frac{3}{4}$ часов, и к нему подошел по высотам направленный туда прусский батальон, в обхват левого австрийского фланга.

Между тем Бозе достиг наконец горы Гамзен часов около одиннадцати. Австрийский батальон, ее занимавший, был опрокинут, и Бозе продолжал наступление к Пресбургу, несмотря на то, что австрийцы направили против его левого фланга несколько батальонов. Но это движение не повело ни к чему: в двенадцать часов явился австрийский парламентер, с объявлением о заключении перемирия на пять дней. Бой прекратился. Трудно сказать, на чьей стороне осталась бы победа. Пруссаки претендуют, будто они отрезали части II корпуса от Пресбурга; с равным основанием австрийцы могли считать, что бригада Бозе была отрезана, ибо против нее было не менее 14 батальонов, расположенных у Пресбурга и западнее его; кроме того, севернее, бригада Виртемберга, половина которой направлена в обход на Мариенталь, а другая половина осталась у Рацерсдорфа.

Во время отдыха пришла телеграмма, определявшая демаркационную линию. Так как пруссаки стояли впереди ее, то они должны были отойти назад. Только бригаде Бозе разрешено было графом Туном остаться на ночлег на том месте, до которого она дошла.

Во время перемирия, с 23-го по 27-е, корпуса: I, IV, VI, VIII и 2-я легкая кавалерийская дивизия достигли Пресбурга и перешли через Дунай; за ними переправился и II корпус, уничтожив за собой мост на плотах. В полдень 27-го, с получением известия о продолжении перемирия еще на пять дней, II корпус снова занял Пресбург.

Уже известно, что французский посол при берлинском дворе, Бенедетти, прибыл в Цвиттау и оттуда сопровождал главную квартиру короля до Брюнна и Никольсбурга, употребляя все усилия к тому, чтобы склонить и победителей и побежденных к миру. С той же целью отправился в Италию и принц Наполеон.

Пруссия поставила необходимым этому условием присоединение к ней Эльбских герцогств, выключение Австрии из Германского Союза и уничтожение чересполосности прусских владений. Вместе с тем требовали такой демаркационной линии, на время перемирия, которая весьма стеснила бы австрийцев, на что последние не согласились. 15-го Бенедетти отправился в Вену, куда в то же время присланы были из Парижа условия перемирия, на которые, по мнению императора французов, Австрия могла согласиться.

Положение Пруссии было щекотливо в особенности потому, что можно было опасаться вооруженного вмешательства Франции. Поэтому стало необходимым, для пользы дела, поступиться, хотя и немного, некоторыми из требований. В то

же время и надежды Австрии на вооруженное вмешательство французов рушились; а между тем наступление прусских армий к Вене грозило весьма близкой опасностью. Благодаря совокупному влиянию этих обстоятельств, Бенедетти удалось наконец устроить известное уже пятидневное перемирие, данное со стороны пруссаков для того преимущественно, чтобы им воспользоваться для переговоров о мире. 22-го в Никольсбург прибыли уполномоченные австрийские с этой целью, и начались переговоры, приведшие наконец к миру, на условиях, весьма благоприятных для Пруссии, и принятые за основание дальнейших переговоров, которые предполагалось открыть в Праге. Эти условия были: 1) уступка Венеции Италии; 2) выход Австрии из Германского Союза и признание того устройства, которое прусский король за благорассудит дать территории, лежащей к северу от Майна; 3) уступка Эльбских герцогств; 4) уплата 40 000 000 талеров контрибуции (вычитая из этой суммы 15 000 000 за Эльбские герцогства и 5 000 000 за пребывание прусских войск в австрийских провинциях до окончательного исполнения мирных условий); 5) Пруссия гарантирует Саксонии неприкосновенность ее владений. Последнее условие было далеко не по нутру пруссакам, которым сильно хотелось полного присоединения Саксонии, как земли завоеванной; но, волей-неволей, пришлось принять его. Эта уступка вызвана была, по всей вероятности, преимущественно давлением со стороны Франции.

Конференция, собравшаяся несколько времени спустя в Праге, установила подробности мирных условий 23 августа, трактат о котором ратифицирован 30-го. Саксония сохранила независимость внешнюю, но должна была принять прусские

гарнизоны в Дрездене и Кенигштейне. В общем результате Пруссия, кроме контрибуции около 60 000 000 талеров, приобрела около 1300 квадратных миль, с 4 с лишком миллионами жителей, и сделала весьма решительный шаг к объединению Германии.

X

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представив посильный очерк австро-пруссского столкновения, позволяю себе вопрос: в чем были причины столь быстрого и громадного успеха пруссаков и какая доля в числе этих причин принадлежит игольчатому ружью, которое, в воображении многих, сделало все? Припомнив, с одной стороны, однородность состава прусской армии, высокий уровень ее умственного и в особенности нравственного развития в военном смысле; с другой — недостаток всего этого в австрийской армии, кажется, можно с полной уверенностью сказать, что не игольчатое ружье было причиной неудач последней, *а те люди, у которых оно было в руках*, и в особенности те, которые руководили прусской армией.

Человек — существо престранное в своем неудержимом стремлении к тому, чтобы, при всяком удобном случае, сотворить себе какого-либо кумира и приписывать этому последнему то, что он сам сделал. Для уяснения этого позволим себе такое сравнение: дрались два человека, один в красной, другой в белой рубашке; красный побил белого, и посторонний зритель выводит в большей части случаев заключение, что это вышло не потому, что побивший храбрее, ловчее, сильнее, а потому, что на нем красная рубашка.

ка... Все толкуют о действительности прусского ружья, но весьма немногим приходит в голову потолковать о спокойствии, толковитости, самоотвержении, чувстве долга прусского солдата: неужели это второстепенное, а то главное? Неужели кто-нибудь может серьезно остановиться на том странном выводе, что достаточно было иметь австрийцам ружья, заряжаемые с казны, и тогда они побили бы пруссаков? Могут сказать, что хорошее оружие, внушая к себе более доверия в солдате, уже тем самым поднимает и его нравственную сторону. Совершенно так, и не я, конечно, буду восставать против этого влияния; но вопрос не в этом, а в том: может ли человек забитый, *неуверенный прежде всего в самом себе*, получить разом эту веру, благодаря хорошему ружью? Думаю, никто не станет спорить с тем, что *подобное оружие может усилить существующую уже веру солдата в себя, но не может разом вызвать ее там, где ее нет*. Кажется, прежде чем хлопотать о том, чтобы солдат думал, что его ружье лучше неприятельского, разумнее похлопотать о том, чтобы он себя-то самого считал выше неприятеля: если этого последнего нет, самое совершенное оружие не поможет.

Посмотрим же с этой точки на причины неудачи австрийцев, и они нам представлятся совершенно в другом свете. В военное время должен быть бит тот, кого били в мирное время, если только он встретится с небитым; в военное время не может быть в себе уверен тот, в ком эта вера систематически была подрываема в мирное время обращением, основанным на произволе, а не на законе — в ком, вследствие этой же причины, нет особенного развития чувства долга, нет особенного расположения считать общее дело

своим до такой степени, чтобы, не задумываясь, положить за него жизнь свою. Следовательно, хлопотать о совершенном оружии мало, одному все приписывать странно; нужнее хлопотать о том, чтобы человек был по возможности совершенным. И — странное дело! — все, мало-мальски читавшие военные сочинения или знающие их понаслышке, с охотой повторяют знаменитый принцип: победа зависит на $\frac{3}{4}$ от нравственных причин и на $\frac{1}{4}$ от материальных. А дойдет дело до его применения к частному факту, нравственная сторона забывается, и успех целиком ставят в зависимость от оружия, от пудры, от кос, от штиблет — одним словом, от красной рубашки. Это так было и, к несчастию, так есть. Припомним, что заметили и чему подражали из системы Фридриха; посмотрим, в чем стараются подражать пруссакам теперь — и мы должны будем убедиться в грустной неопровергимости этого факта. Возьмем тех же австрийцев, которые теперь деятельно принялись за реформы: у пруссаков четыре роты, и они отказались от разделения батальона на шесть рот, несмотря на то, что, при нынешней сложности образования солдата, роты должны быть слабее, следовательно, их нужно иметь больше, а не меньше в батальоне. У пруссаков существует разделение на дивизии, и они восстановили его, уничтожив после кампании 1859 г. У пруссаков офицеры образованы, и они засадили своих офицеров чуть не в школу, не сознавая того, что человек занимается там только, где ему *выгодно* быть и *совестно* не быть образованным, где это может доставить ему ход, расширить и материальное благосостояние, и доставить положение более высокое и почетное. Скажут, может быть, что это и имеется в виду: на словах, пожалуй, но на деле едва

ли; ибо причины, утвердившие в Австрии производства по протекции, посильнее сознания интересов армии. Может быть, и случится несколько счастливых исключений, особенно на первых порах, пока кровавые и унизительные неудачи свежи еще в памяти; но ведь исключения не опровергают, а подтверждают правило. И кто же учителя в деле этого казенного образования? Штаб-офицеры, которые и сами немного знают и сами воспитаны в тех понятиях, что без образования обойтись можно.

Пруссаки, действительно, заслуживают подражания, но только не во внешней организации, не во внешней формалистике, не в педантизме, которые составляют всегда продукт известной только национальности, и, как такие, не могут быть применены к другой национальности: они заслуживают подражания в тех идеях, которые скрываются за этой формалистикой, за педантизмом, за организацией. Ибо только последние, т.е. идеи, вечно истинны и безусловно применимы ко всякой национальности, но должны у каждой из них быть осуществляемы в форме, соответствующей особенностям этой национальности. Найдется ли на всем свете хоть один человек, который бы не согласился с тем, что всякий обязан жертвовать собой для отстаивания интересов родины, что только начав службу с солдата, можно уразуметь механизм службы и научиться управлять себе подобными в те торжественные минуты, когда от человека требуется самая высшая и самая доблестная жертва — жертва жизнью? Найдется ли хоть один, который бы не согласился с тем, что в войске на строжайшей справедливости все должно быть основано: отношения между степенями военной иерархии, производство и проч.,

и проч.; что если вы хотите, чтобы ваши войска делали как следует свое боевое дело, то необходимо и в мирное время учить их этому делу, а не чему-то постороннему, не имеющему ничего общего с обстановкой и требованиями боя; что побои ослабляют энергию человека, а не способствуют ее развитию, что только накормленный солдат может работать как следует, и проч., и проч.?.. Нет, едва ли найдется; а попробуйте сделать попытку применения — и отпор готов: что применимо в Пруссии, то неприменимо в Австрии... Как будто есть логика, особая для всякой национальности; как будто австриец, когда его подвергают телесному наказанию, страдает менее, чем страдал бы пруссак при соответствующей операции...

И наоборот: когда зайдет дело о позаимствовании какой-нибудь формы, внешнего осуществления одной из этих мыслей, совершенно забывается, что прусская форма имеет смысл в применении только к прусскому человеку, и начинают гнуть и ломать, для чего же? для того, чтобы по внешности только стать похожими на пруссаков. Иногда это и достигается — жертвой забвения сущности дела. Упускают при этом из виду одно, что человек только тогда охотно работает, тогда только помнит цель своего дела, когда его при исполнении этого дела ничто не теснит, ни материально, ни нравственно. А это достигается только строгим соображением с его нравственными и физическими особенностями¹.

¹ До чего это трудно дается, примером может служить недавно вышедшая превосходная брошюра «l'Armee francale en 1867», принадлежащая перу одного из лучших французских генералов. В одном месте он советует о том, что французский солдат не очень аккуратен в соблюдении правил военного приличия, не замечая, что человек с характером более или менее живым — а таково большин-

Если обратимся к начальственному кадру той и другой армий, то нас поразит то же самое явление, которое отмечено уже в отношении к солдату. В прусской армии не было гениальных начальников: делались в течение кампании ошибки весьма крупные, вроде медленного наступления 1-й армии, вроде остановки после Кенигсброка, и т. п.; но зато все начальники проникнуты безусловною любовью к своему ремеслу — в духе, а не в форме его; все посвящают мирные досуги его теоретическому изучению; все проникнуты чувством долга, безусловной исполнительностью и отличаются полной свободой от страха ответственности. Эти качества имели следствием тот результат, что даже и соображения не вполне безукоризненные увенчались громадным успехом. Этого мало: настойчивость в работе и во всесторонней отделке всякого дела повела к тому, что пруссаки вышли на войну приготовленными во всех отношениях: войска в комплекте; всякие припасы в изобилии; материальная часть в полном порядке. Пруссаки понимают великую истину римлян: «живи в мире, готовься к войне», и застать

ство французов — не способен именно к соблюдению формалистики, и что для подобных натур ее должно стараться соображать на возможно более широких и нестеснительных основаниях. Если это упустить из виду, то, пожалуй, мелочная формалистика будет, а дело пропадет. Виктор-Эммануил, которому французский солдат не отдал однажды чести, превосходно заметил, в ответ на извинение французского генерала, que le soldat français ne sait pas saluer son officier: — Qui, mais il sait mourir pour lui. Противоположение этих двух вещей чрезвычайно характеристично, и если, в зависимости от характера нации, первое более или менее исключает второе, то, кажется, не трудно понять, что чему должно быть предпочтено. Замечательно то, что автор упоминаемой брошюры вместе с тем настаивает, что во всякой армии все должно быть соображено с национальными вопросами.

их врасплох трудно, может быть, даже невозможно. Хотя и говорят, что Австрия первой начала готовиться к войне, но это неверно: война застала ее врасплох, и вернее сказать, что она первая подала только повод к тому, чтобы ее можно было обвинить в приготовлениях к войне. Об австрийских начальниках, за редкими исключениями, всего этого далеко сказать нельзя; нельзя также поставить им и в вину того, что они не представляют перечисленных качеств, ибо мирные порядки в Австрии не способствуют, но препятствуют развитию этих качеств, вследствие чего они проявляются только в тех личностях, которые, благодаря врожденной силе, не могут быть вполне испорчены системой. Одним словом, эти люди хороши не благодаря системе, а, так сказать, назло ей. К числу их бесспорно должно прежде всех причислить Габленца, который так осязательно показал, что если пруссаки били других, то, конечно, благодаря не игольчатому ружью. Из остальных людей вроде Эдельсгейма, вероятно, показали бы себя несколько иначе, если бы не были связаны по рукам и по ногам. Одним словом, здесь тоже выступает, во всей его громадной важности, вопрос системы мирного воспитания войск, принимая это слово в обширном смысле. При одной системе врожденные способности развиваются, крепнут, всплывают наверх; при другой они глухнут, а иногда и намеренно даже уничтожаются.

И ко всему этому нужно прибавить еще, что одна из самых влиятельных на войне данных — именно данная случайностей — была неизменно в пользу пруссаков. Правда, их исполнительность и дерзкий порыв вперед давали им большие шансы на преодоление враждебных случайностей и на то, чтобы пользоваться теми, которые были им благо-

приятны; но иногда и с порывом попадают впросак, и если этого ни разу не случилось, то благодаря уже не качествам прусской армии, а именно невероятному счастью.

Австро-прусско^е столкновение подняло и другой вопрос — о том, какие изменения должны произойти в военном искусстве. Разлагается он на следующие отделы: 1) в какие отношения стало теперь холодное и огнестрельное оружие? 2) в какой мере уменьшилось теперь значение кавалерии на полях сражений?

В настоящее время многие толкуют, что штык потерял почти всякое значение; что скорострельное оружие дает возможность достигнуть издали того, чего можно было прежде достигнуть только штыковой свалкой. Основывается это мнение на том, что «как ни порывались австрийцы сойтись на штык, но это им ни разу не удалось». На это замечу следующее: воображать, будто на готовые к бою войска можно бросаться в штыки, не подготовив атаки огнем — как это делали австрийцы, — по меньшей мере странно. Порываться и иметь *действительное* желание сойтись на штык — далеко не одно и то же.

Ни одна австрийская часть не была вполне уничтожена прусскими залпами: что же мешало тем, которые оставались, довести дело до штыка? Мешал недостаток энергии, а не действительность прусского ружья; мешало то, что не было в австрийской армии людей настолько решительных, чтобы довести до конца атаку. Не знаю, в состоянии ли были пруссаки встретить штык штыком; но должен заметить, что они все же показали, более нежели австрийцы, желание сходиться на штык, ибо в большей части случаев им, а не их противникам приходилось атаковать.

Огонь и штык не исключают, но дополняют друг друга; первый прокладывает дорогу второму, и воображать, что можно атаковать без подготовки огнем, так же ошибочно, как и воображать, будто одним огнем можно сбить противника с позиции.

В этом смысле действительность прусского огня не представляет ничего нового, и если она поразила такой неожиданностью, то не вследствие новизны, а вследствие легкости, с какой человек забывает прошлые уроки. Кому неизвестно страшное влияние английских залпов, последуемых атакой в штыки, на французскую армию¹, прошедшую сквозь школу революции, предводимую начальниками, которых выработали великие кампании 1796, 1800, 1805 гг., представлявшую, следовательно, гораздо более задатков на успех, чем австрийская армия 1866 г.? А между тем этот факт никому в голову не приходит теперь, несмотря на аналогию с тем, что было в 1866 г. К этому нужно прибавить, что там даже и разницы в вооружении никакой не было; но она была: *в умении людей стрелять, в полном спокойствии и отсутствии суеты в их рядах*. Следовательно, успех огня лежит в воспитании людей более, нежели в оружии.

Делать какие-либо выводы о мнимом преобладании огня над штыком по последней войне тем более странно, что противники не были одинаково вооружены. Предполагая же эту одинаковость, станет ясно, что придем к тому, что было и что будет, т.е. за перестрелкой, как бы она ни была быстра и убийственна, должно кончить штыком, если про-

¹ В войну на Пиренейском полуострове.

тивник мало-мальски упорен и если мы желаем достигнуть цели.

Итак, усовершенствованное огнестрельное оружие не только не может исключить холодного, но даже и не изменит своей прежней роли — оружия подготовительного.

Влияние его будет другое: оно потребует еще большей гибкости строя, покажет несостоятельность в этом отношении каких-либо закаменелых норм; покажет необходимость возможно полного развития сметливости и находчивости всякого военного человека, до последнего чина¹; покажет, что нужно стрелять редко, да метко — редко не в буквальном смысле, а в смысле выбора минуты для стрельбы, покажет, наконец, всю важность сбережения патронов и такого обучения стрельбе, которое не допускало бы и мысли о суете и отдавало бы огонь сомкнутого строя в руки начальника. Воображать, будто пруссаки стреляли часто — крайне ошибочно; они стреляли толково, т.е. учащали стрельбу по целям близким и большим, и вовсе не стреляли, если стрелять в этих обстоятельствах было нельзя: вот в чем была их сила. И что они стреляли не часто, доказательством служит то, что во всю кампанию они израсходовали средним счетом *не более семи патронов на человека!* Вот что значит спокойствие людей, достигаемое рациональным их воспитанием и образованием в мирное время! Австрийцы, по всей вероятности, выпустили гораздо больше патронов, т.е. стреляли скорее пруссаков, а сделали меньше. В чем же разгадка? Кажется, видеть не трудно тому, кто мало-мальски понимает дело.

¹ Ибо при средствах *быстро* наносить вред нужно быть способным *быстро* принимать и меры противодействия.

Сказанное о мнимом уменьшении значения штыка применяется вполне и к видимому уменьшению значения кавалерии на полях сражений, или, как выражаются некоторые, к тому, что теперь тактика кавалерии будто бы «на воздухе».

Только забвение боевых условий могло внушить подобную мысль. Говорят, что теперь кавалерия не может врубиться в пехоту. Условимся относительно того, в *какую* пехоту? Если во вполне устроенную, сохранившую хладнокровие и недоступную чувство страха, наводимому кавалерийским ураганом, то это ведь и прежде было. Рассуждающим вышеприведенным образом не мешало бы вспомнить, что и в период гладкостенного оружия кавалерия никогда или почти никогда не выходила победительницей из подобных положений, и в то же время достигала невероятных успехов против потрясенных пехотных частей. Следовательно, вопрос в том только, может или не может кавалерия взять теперь *расстроенную* пехоту, другими словами: настолько лиально, и скорострельное ружье усилило нравственную упругость пехоты, что она впредь никогда не будет приходить в расстройство, не будет теряться, ошалевать? Вопрос, поставленный подобным образом, носит ответ в самом себе: *усовершенствованное оружие несколько усиливает человека, но оно не изменяет его натуры*, и в руках неспокойного или способного ошалевать оно принесет более вреда, чем пользы, ибо в то время, когда при прежнем оружии ошалевший человек выпускал десять патронов на ветер, при нынешнем он выпустит их 30, 40.

При таком положении едва ли кто оспорит ту простую вещь, что кавалерийская атака против расстроенной пехот-

ной части будет иметь столько же шансов на успех теперь, сколько она их имела и прежде; следовательно, все приводится опять к тому же вечному и самому трудному началу кавалерийского искусства — к *выбору мгновенья для атаки*. Есть люди, одаренные этой способностью, — кавалерия делает чудеса; нет их — и она гибнет без славы и без пользы. И так как подобные люди чрезвычайно редки, кавалерия видную роль и играет редко. Дело тут в людях, а не в оружии.

Все это так, может быть, скажут; но кавалерии никогда уже не дойти до Росбаха, Гоген-Фридберга, Праги. Если в ней явятся когда-нибудь Зейдлицы, Циттены, Варнери, явятся опять и громкие дела. Об этих делах много толкуют, зная их по названиям больше, чем по сущности. Стоит несколько внимательнее к ним приглядеться, и увидят, что и тут кавалерия обязана была своим успехом исключительно уловлению минуты и такой обстановке, при которой успеху не помешало бы никакое усовершенствованное оружие. Действительно: под Россбахом — атака на походную колонну; под Прагой — атака во фланг и в тыл; под Гоген-Фридбергом — атака батальонов, занимавшихся переменой фронта.

И потому плохо сделает пехота, которая понадеется на усовершенствованное оружие и забудет, что прежде всего она должна надеяться на самое себя. Представим себе пехотную часть, привыкшую думать, что, благодаря ружью, она никогда к себе не подпустит кавалерии; представим на нее атаку кавалерийской части, решившейся ворваться, несмотря ни на какие потери: какое впечатление произведет на пехоту, когда она увидит, что пули не остановили врага?

Впечатление самой страшной парализующей неожиданности, за которой, кроме гибели, ничего не будет. Как бы ни было совершенно оружие огнестрельное, пехота не должна забывать, что как против пехоты, так и против кавалерии она должна быть готова ко встрече на дистанцию штыка, и только подобная пехота может быть действительно страшна кавалерии.

Средство приготовить таким образом пехоту и кавалерию одно: сквозные суворовские атаки, и если его можно было забывать при прежнем оружии, то при нынешнем едва ли это будет расчетливо и безопасно.

Тем не менее, совершенно верно, что теперь кавалерия может подвергнуться при малейшей неловкости начальников гораздо большим потерям, чем то было прежде, что обусловливается, впрочем, нарезом гораздо более, нежели заряжанием с казны. Но это показывает только, что начальники должны быть ловчее¹ и что основное свойство кавалерии — быстрота движения — должно быть развито до возможной степени. Ибо только быстрота движения может дать возможность кавалерии уничтожать пространство, на котором она терпит от огня, и сходиться на ту дистанцию, на которой шансы равны — на дистанцию шашки, пики. Итак, влияние усовершенствования оружия на кавалерию, разумно понимаемое, будет заключаться в том, в чем оно всегда заключалось относительно всех родов оружия: оно

¹ Рассказывают об одном командире австрийского кавалерийского полка, который большую часть кениггрецкого дня стоял под выстрелами и не понес почти никаких потерь, благодаря тому, что как только замечал, что снаряды начинали близко ложиться к его части, тотчас же переводил ее шагов на сто вперед или назад.

поведет к уяснению ее свойств, но никогда не поведет к уничтожению или уменьшению ее значения. На войне, как и во всем, уничтожается только то, что слабо, не верит в себя и до такой степени проникается своим ничтожеством, что, даже не побывав в опасности, приходит в ужас от нее, считает ее неодолимой, одним словом — само себя бьет в собственном воображении тогда еще, когда неприятель и не думал бить. Опасность от огня увеличилась для кавалерии; но ведь она увеличилась также и для пехоты: неужели из этого следует, что и пехоте нет более места на полях сражений? Пехота возвращает вред, ей наносимый; но разве она не покровительствует этим самым и нашей кавалерии?

Итак: *развитие безумного бесстрашения в людях; развитие быстроты лошади и облегчение выюка до возможного предела; полное освобождение от педантизма в обучении людей, в выездке лошадей и в уставных требованиях; развитие одиночной ловкости и умения метко и сильно рубить и колоть*¹ — вот что вызывается усовершенствованным огнестрельным оружием, и горе той кавалерии, которая не поймет этого...

Относительно артиллерии кампания 1866 г. имела то значение, что утвердила за нарезной системой бесспорное

¹ Ни одна из регулярных кавалерий не имеет почти никакого понятия об этом деле; ему нельзя научить ни посредством фехтования, ни посредством рубки по воздуху, а исключительно только посредством рубки чучел, и притом в намеченную черту, и посредством ударов пикой в заранее определенную точку.

Некоторые из прусских драгунских полков давали себе труд заниматься стрельбой перед атакой в конном строю: вело это к тому, к чему всегда будет вести стрельба с коня — к пусканию пуль на ветер.

превосходство, принимая, конечно, в расчет всю сумму качеств, а не некоторые из них. Картечное действие нарезной артиллерии слабо; но зато дальность и действительность стрельбы гранатой и картечной гранатою представляют такое превосходство перед соответствующими видами стрельбы из гладкостенных орудий, что последние не имеют почти никаких шансов на успешную борьбу с первыми.

Относительно полевой артиллерии выяснился еще и другой вопрос: она *получила наконец возможность быть однообразной*. Сколько можно судить, это, после увеличения дальности и действительности стрельбы, самый громадный шаг, сделанный артиллерией с принятием нарезной системы орудий.

Факты последней войны не обнаружили никакой разницы между действительностью 4 и 6-фунтового калибра с прусской, 4 и 8-фунтового — с австрийской стороны. Следовательно, в интересах подвижности, однообразия материальной части и снабжения, можно и должно ограничиться в полевой артиллерии одним 4-фунтовым калибром.

Иначе и быть не могло, ибо при нарезной системе *увеличение калибра не ведет к увеличению дальности и действительности стрельбы в ощутимой мере¹*. Произошло это оттого, что в продолговатом снаряде представилась возможность достигнуть такого выгодного отношения между поверхностью снаряда и его весом, о каком в сферическом снаряде нельзя было и думать. Достаточно сказать, что в нашей 4-фунтовой нарезной гранате на единицу поверхно-

¹ При тех условиях, конечно, при которых случается стрелять в бою, а не на мирных полигонах.

сти приходится столько металла, сколько приходится его в 140-фунтовом сферическом ядре.

Защитники необходимости иметь батарейную нарезную артиллерию опираются в особенности на ее сильное разрывное действие, которое *может* понадобиться для разрушения земляных насыпей. Рассуждение мирно-военное, ибо в нем не принятые основные характеристические черты современной полевой войны: быстрота и неожиданность на каждом шагу; первая требует *возможной подвижности всей материальной части* (а можно ли считать подвижным, например, орудие, которое весит 40 пудов, в сравнении с 4-фунтовым, весящим всего 20?); вторая, т.е. неожиданность, ставит вас на каждом шагу в необходимость употреблять *не то, что лучше, а то, что под рукою*. Поэтому-то закон простоты во всем касающемя войсковой организации и считается основным законом; поэтому-то и глубоко верна в применении не только к военным, но и ко всем практическим предметам французская поговорка: «Лучшее — враг хорошего». Этого, к несчастию, никак не хотят понять мирные организаторы и, думая сделать добро армии, усложняя материальную часть, только затрудняют ее, следовательно делают вред.

Говорят, что батарейные нарезные орудия могут разрушать даже бруствера: опять мирное воззрение, ибо в нем упущено из виду, что выигрыш времени на войне — самое важное, и что лучше взять бруствер штурмом, нежели уничтожать его подобным образом. Это выгоднее во всех отношениях: и скорее, да и меньше будет потерь в людях. На основании аргументов, приводимых в пользу батарейной нарезной артиллерии, можно требовать, чтоб возились ору-

дия всех калибров при армии: это было бы еще лучше; но это не было бы хорошо, так что в конце концов стремление к разнообразию калибров в полевой артиллерию в настоящее время объясняется не столько ясным сознанием нужд и польз армии, сколько рутинным желанием сохранить во что бы то ни стало привычное разделение артиллерию на батарейную и на легкую.

Опасение большего, сравнительно с прежним, расхода снарядов, вследствие увеличившихся дальностей стрельбы, совершенно не оправдалось: *в продолжение всей кампании прусская артиллерия не израсходовала даже того комплекта снарядов, который возится непосредственно при батареях*¹. Если и могло возникнуть подобное опасение, то в мнении только тех, которые не знают, что большой расход снарядов обусловливается не столько дальностью дистанций, на которые орудия могут стрелять, сколько неспокойным состоянием духа прислуки и офицеров.

Особенной разницы в действительности между австрийской и прусской артиллерией не было замечено, что объясняется опять тем, что приходилось стрелять не с заранее отмеренных расстояний, как делают в большей части случаев на мирных опытах и упражнениях.

На организацию артиллерию введение нарезных орудий окажет, вероятно, еще то влияние, что сделает необходимым увеличение конского и личного состава, в особенности первого. На образовании нарезная система отразится тем, что,

¹ За всю кампанию из каждого орудия произведено выстрелов, средним счетом: в 1-й армии из 4-фунтовых 87, 6-фунтовых 50, 12-фунтовых 9, во 2-й армии из 4-фунтовых 44, 6-фунтовых 24, 12-фунтовых 17.

вероятно, вполне вытеснит стрельбу с отмеренных расстояний, так как, при точности стрельбы из нарезных орудий, в ежегодной пристрелке их нет надобности; а между тем, с принятием ударных трубок для гранат, умение определить расстояние, на котором снаряды падают от цели, приобрело громадное значение. При отмеренных расстояниях, потребность следить за первыми падениями снарядов возбуждается далеко не в той степени, как при стрельбе с расстояний не отмеренных.

Пруссаки остались не совсем довольны своей артиллерией. В этом есть доля правды, но значительно меньшая, чем может показаться с первого взгляда. Говорили, что артиллерия не так метко стреляла, как ожидали: во-первых, ей приходилось стрелять обыкновенно с слишком дальних позиций, как при атаке высот¹ бывает в большей части случаев; во-вторых, приходилось стрелять с неотмеренных расстояний. Другой упрек едва ли не более имеет основания: прусская артиллерия слишком хлопочет о прикрытии и боится попадать в плен, что вполне обнаружилось на действии гвардейского артиллерийского резерва под Хлумом. В свою очередь, артиллеристы жалуются, что пехота не давала им довольно времени пострелять, скоро, по их мнению, бросаясь в атаку: дай Бог, чтобы всякая пехота достойна была подобного упрека!

Атаки прусской пехоты везде удавались — лучшее доказательство, что она давала артиллерию подготовлять их настолько, сколько то было нужно для дела. Подготовка бо-

¹ Ибо чем ближе подъезжать к командующей высоте, тем в худшее положение становишься относительно артиллерии неприятеля; иногда даже и совершенно прекращается возможность действовать.

лее продолжительная могла бы повести к тому только, что увеличила бы потери пехоты от неприятельской канонады.

Значение инженерных войск обнаружилось довольно рельефно, хотя и в не очень больших, по объему, фактах: батареи у Хлума и Липы принесли ощутительную пользу австрийцам, и если, несмотря на некоторую невыгоду расположения, не принесли пользы батареи, расположенные восточнее Хлума, то причиной этому было то, что их совсем и не занимали, отступив с самого начала боя от диспозиции. Притом же инженерным войскам дано было применение самое ограниченное: австрийские начальники как будто забыли, что назначение этих войск не только *возводить*, но и *разрушать*. Уже известно, что в этом последнем смысле инженеры и тонеры вовсе не принесли пользы австрийцам. Саксонцы это помнили лучше, и такие меры, как разрушение моста у Неханица, были им весьма полезны.

Нынешняя война, по-видимому, обнаружила бесполезность не одних слабых, а даже и сильно укрепленных пунктов, но только по-видимому. Делая подобные выводы, опять забывают ту простую вещь, что значение всякого неодушевленного предмета определяется не столько его собственными свойствами, сколько свойствами человека, который этим предметом пользуется. Ни одна крепость, ни один театр войны сами себя защищать не могут: странно говорить, что они не годятся, когда человек не сумел ими воспользоваться. Но даже, несмотря на это последнее обстоятельство, должно признать, что если пруссаки рано остановили преследование 4 июля, то, вероятно, благодаря Кениггрецу; что если они так поздно восстановили сообщение по железной дороге с Берлином, то опять благодаря тому же Кениггрецу.

Обход крепости не доказывает ее полного ничтожества, ибо вполне обусловливается силами обходящей армии и числом удобных дорог, идущих мимо крепости. Понятно, что двухсоттысячная армия может не обратить внимания на крепость с десятитысячным гарнизоном; понятно также, что значение этой крепости умаляется с увеличением числа дорог, мимо нее ведущих к предмету действий, более важно-му, чем она сама; понятно наконец, что даже и укрепленный лагерь не может иметь особенного значения, если из него нельзя ожидать перехода в наступление. Все это показывает не ничтожество крепостей, а зависимость их, как и всего на войне, от единственной живой силы, т.е. от армии и от личностей. Армия не поколеблена, личности упорны и пред-приимчивы — всякая материальная преграда обращается в трудноодолимую; армия нравственно подорвана, личности под гнетом страха ответственности — и материальные пре-грады обращаются в ничто, даже хуже, ибо служат не нам, а неприятелю¹.

Но даже несмотря на то, что австрийская армия была подорвана, можно сказать, мгновенно, крепости не остались без влияния на военные операции. В особенности оно отразилось на путях, которые так же редки в наше время, как были редки, например, обыкновенные хорошие доро-ги в XVIII столетии²: разумею, железные дороги на театре войны.

¹ Как и случилось с Кениггрецом в день 4 июля, когда он явился не прикрытием, а преградой для австрийских войск.

² Эта редкость, в сочетании с незначительной численностью ар-мий, и была главной причиной громадного значения даже небольших крепостей в XVIII столетии.

Железные дороги. Железные дороги в эту кампанию вполне удержали на театре войны значение, которое им уже приписывали давно: они остались *коммуникационными* только, но не *стали операционными* линиями, т.е. такими, по которым подвозится к армии и увозится от нее все неспособное сражаться¹, но отнюдь не такими, по которым могла бы направляться к неприятелю вооруженная сила.

Делу сосредоточения войск они принесли значительные услуги до начала войны, т.е. пока противники были в собственных пределах; но затем пришлось во всю почти кампанию не только ходить войскам, но и получать все необходимое по обычным дорогам. Только к концу кампании пруссакам удалось устроить кружное железнодорожное сообщение Рейхенберг—Турнау—Прага—Пардубиц—Брюнн. Но до какой степени и оно было ненадежно, доказательством может служить случай, произшедший с этим сообщением уже по заключении перемирия: комендант Терезиенштадта, соблюдавший спокойствие в продолжение кампании, сделал вылазку уже по заключении перемирия и уничтожил один из мостов между Кралупом и Турнау, после чего о восстановлении сообщения раньше недели или двух нельзя было бы и думать, предполагая продолжение военных действий.

Этот случай вполне показал капитальную слабость железных дорог: именно ту, что *они*, обеспечивая до некоторой степени от случайностей правильность сообщений, сами подвержены случайностям.

¹ Т. е. припасы разного рода, рекрутты и т.п.; а увозятся пленные, забранное оружие и т.п.

Итак, в Европе по крайней мере, железные дороги могут быть коммуникационными, но не операционными линиями. Пример Америки в этом случае не идет к делу, как по множеству там железных дорог, так и потому в особенности, что они *не преграждаются крепостями внутри территории Соединенных Штатов*.

Некоторые, основываясь на том, что железные дороги могут служить путями для фланговых и отступательных движений¹, утверждают, будто в таких случаях они обращаются в операционные линии. Едва ли это верно, ибо помянутые движения, по крайней мере в момент их исполнения, имеют целью не бой, а уклонение от боя, следовательно, пути, по которым они исполняются, сохраняют вполне характер коммуникационных линий.

Обращаясь к передвижению войск по железным дорогам в собственной стране, нельзя не заметить громадной важности этого средства сообщения и настойчивой необходимости возможно основательнее ознакомить с ним войска. От этого получится двойная выгода: 1) нужда в быстром передвижении не застанет врасплох; 2) получится верное, а не преувеличенное понятие о степени ускорения передвижения. В настоящее время весьма многие ожидают от железных дорог гораздо более, нежели они дать могут: за этим таится в будущем много ошибочных расчетов и грустных разочарований.

Как бы то ни было, безусловные расчеты в применении ко всем вообще линиям железных дорог совершенно невозможны: на иной есть, по-видимому, все средства для самой

¹ Сил, находящихся не под непосредственным натиском неприятеля.

безостановочной перевозки (достаточный подвижной и личный состав, два рельсовых пути и пр.), но нет по дороге достаточно воды, и все расчеты рушатся в прах. Поэтому и необходимо ознакомиться с перевозкою значительных масс войск *из практики*, не безусловно полагаясь на одни умозрительные расчеты. Перевозка прусского гвардейского корпуса показала это довольно осознательно: на расстоянии в 400 верст она потребовала без малого десять дней, т.е. передвижение было ускорено не более, как в два с половиной раза только против обыкновенного походного движения на показанное расстояние. Результат этот весьма далек от теоретических выводов относительно возможного ускорения движения значительных масс при помощи железных дорог.

Этот пример наводит и на другое заключение: *перевозкой по железным дорогам достигается в особенности сопредоточение значительных масс пехоты; кавалерию же и артиллерию при малейшей возможности предпочтительнее вести обыкновенным образом*, в особенности если расстояния не очень велики.

Телеграфы. О военно-походных телеграфах можно сказать, что сказано о железных дорогах: в деле передачи приказаний они были более коммуникационным, нежели оперативным средством, ибо служили для связи главных квартир с постоянными линиями гораздо более, чем для передачи приказаний в войска.

И это опять понятно, вследствие того же свойства, присущего телеграфам даже в большей мере, нежели железным дорогам: сокращая расстояния, обеспечивая сообщения от случайностей, сами они им подвержены в сильной степени. На войне трудно вверяться средству, которое так чувстви-

тельно, что первый не только злонамеренный, но даже просто невнимательный человек легко может его повредить. Поэтому в прусской армии предпочитали придерживаться в деле передачи операционных приказаний старого, сравнительно медленного, но верного средства — через ординарцев.

Итак, в этом отношении война не изменила свойств перечисленных элементов, хотя и показала, какую громадную пользу приносят они в руках людей, которые заблаговременно подумали о том, чтобы войско с ними освоилось.

Мы не перечислили и малой доли тех усовершенствований, которые будут вызваны быстрыми успехами огнестрельного поражения в различных родах оружия, но, кажется, достаточно обнаружили, что эти успехи не умалят, а увеличивают значение человека, как главного орудия на войне: ибо большие трудности в бою могут быть воздвигнуты только умом и побеждены только тем же умом, настойчивостью, энергию, и ничем более. В настоящее время, к несчастию, слишком сильно начинает распространяться мысль, будто человек может заменить себя машиной — опасная мысль, которая может повести к тому, к чему она уже повела раз. Пользу свою она может принести только в руках человека, у которого голова и сердце в порядке.

Поэтому будет великой ошибкой, если, увлекшись усовершенствованиями в оружии, забудут, что *лучшее* оружие требует и *лучшего* человека, т.е. более развитого, более упругого, поставленного в возможно лучшие материальные условия в содержании и особенно в снаряжении. Последнее положительно тяжело во всех европейских армиях: один

тот факт, что теперь почти везде принято за правило снимать перед атакою ранцы, ясно на это указывает. Тяжесть снаряжения в особенности ощутительна теперь, когда та *быстрота*, которая прежде составляла особенность действий людей гениальных (Наполеон, Суворов и пр.), начинает обращаться как бы в метод, ибо все понимают громадные преимущества, ею даваемые, и стараются прибегать к ней.

Поэтому на облегчение ноши солдата должно быть обращено особенное внимание. Некоторые из прусских офицеров склонялись после кампании в пользу того мнения, что можно бы отменить ранцы, и едва ли такое мнение позволительно отнести сразу к числу парадоксальных. В пользу его говорит тот факт, что некоторые полки, потерявшие свои ранцы под Траутенау, не ощущали от недостатка их особенного лишения в продолжение остальной части кампании. Сколько можно судить, вообще в снаряжении солдата следовало бы избегать предметов, которые, не принося ему никакой непосредственной пользы, играют только одну роль — роль чехлов для скучного его имущества. В пользу попытки отменить ранцы немалое свидетельство представляют также и наши последние действия в западном крае, в продолжение которых отряды ходили без ранцев, несмотря на то, что отправлялись в экспедиции иногда на довольно продолжительное время. Мне кажется, что лишняя пара сапог, сухари, одна или две перемены белья и еще некоторые мелочи — вовсе не такие громоздкие и дорогие вещи, чтобы для них была надобность в особом чемодане, который сам по себе весит довольно много¹ и, главное, располагает к усложнению солдатского сна-

¹ В тяжести, которую приходится иногда тащить по 40 верст в день, и лишний золотник много значит.

ряжения прибавкой к нему вещей, которые по мирному рассуждению как будто и необходимы, а по военному положению никуда не годны. Отмена ранца поставила бы и солдата в невозможность таскать с собою всякую ненужную дрянь, к чему он расположен в весьма сильной степени, — факт, известный всякому, кто близко с ним возился.

Обратимся к прусской армии и укажем на некоторые особенности ее, не вошедшие в предшествующее изложение. В начале было сказано, что прусский солдат несет лишения бодро и с самоотвержением; но молодость и непривычка к продолжительным маршрутам берут свое, что и отражается большим процентом убыли. Во II армии, напр., из 125 000, начавших войну, дошли к Дунаю около 95 000. Так как потеря этой армии в делах не превосходит 9000, то и оказывается, что 21 000 осталась в тылу... Вся же кампания продолжалась с 27 июня по 22-е июля, т.е. без малого месяц. Даже и допуская, что часть этой цифры пошла на обеспечение тыла, все же остаток представит довольно сильный процент.

Отличительную черту образа действий пруссаков в эту кампанию составляет страсть к охватываниям, стратегическим и тактическим. До такой степени были чаемы эти охватывания, что они располагают думать, не возведен ли у пруссаков подобный обзор действий на степень лучшего. Против австрийцев он был действительно таковым; вопрос в том, следовательно, будет ли он изменен с переменой противника. Правда, прусские военачальники понимают прекрасно, что нужно «менять тактику каждые десять лет»¹:

¹ Выражение Наполеона I, который первый это сказал, и, однако же, допустил тактике своих войск обратиться в рутину, за что и был наказан англичанами на Пиренейском полуострове и в 1815 г.

но человек так наклонен считать за лучшее то, что ему раз удалось...

Прусская армия непривычна к бивуачной жизни и не любит ее. При малейшей возможности предпочитались квартиры; случалось, что отряды, выдвинутые с квартир на позицию, в ожидании неприятеля, верст на 14, возвращались ночью опять на эти квартиры. Бивуачные сноровки, вроде возведения шалашей, неизвестны пруссакам; только к концу кампании они начали получать к этим сноровкам некоторый навык. Австрийцы, напротив, чрезвычайно ловки в бивуачных возведениях: на оставленных ими бивуачных местах случалось встречать чуть не целые соломенные города, устроенные с замечательным искусством. Шалаша их, обыкновенно общие на целую часть, в длину иногда шагов до 30 или 40, представляют навесы аршина в полтора вышины, состоящие или из одной наклонной стены, подпертой стойками, или же из вертикальной и потолка. Несколько жердей служат остовом подобной постройки. Солома для нее — исключительный материал: ей связывают жерди, ей кроют, и она же заменяет шарниры для дверей в шалашах начальников. Как ни хороши подобные постройки, но, не говоря уже об истреблении хлеба, они и тем не легки, что отнимают слишком много времени от отдыха солдата, следовательно, едва ли возможны при мало-мальски продолжительных, хотя бы и не форсированных, движениях. Это прямо указывает на великую пользу и необходимость в войсках переносных шатров французского образца, при которых солдат, по приходе на ночлег, получает кров через две,

много три минуты. Принятие их будет одним из крупных гигиенических улучшений¹.

Порядок сторожевой службы у пруссаков представляется особенность, заслуживающую подражания: непосредственно за цепью, на каждой из дорог, ведущих со стороны неприятеля, располагается *опрашивающий пост*, из 4 или из 5 человек, которые по очереди препровождают немедленно на пикет одиночных людей, подходящих со стороны неприятеля. Пары цепи, стоящие не на дорогах, никого не подпускают, направляя к опрашивающим постам. Благодаря этому, перед цепью труднее может произойти то опасное скопление людей неприятельских, которое нарочно иногда было устраиваемо для того, чтобы неожиданно снять цепь.

В гибкости уставных форм противники были одинаково равны: не терялись войска от того, если не только 3-й батальон попадал, например, правее 1-го или 2-го, но даже если в одном и том же батальоне и роты приходились не по порядку номеров: не терялись потому, что были так приучены и в мирное время.

Заключаю очерк кампании тем, что не раз говорил, и не раз, вероятно, должен буду еще сказать: усовершенствованное вооружение, хороший план, знание войсками техники дела, значат, конечно, очень много, но значат не более, как нули, когда левее их стоит единица: они увеличивают *количественное, но не качественное* значение ее; сами же по себе ничего не значат. Эта единица в военном деле, как во всем и всегда, человек. Там, где он энергичен, где он не находится под нравственным гнетом известного склада отношений, или

¹ У нас они приняты.

под умственным — известных теорий — дело пойдет хорошо; если техника и хорошее оружие есть — пойдет притом и легко; если то и другое не вполне удовлетворительно — *пойдет труднее, с большими потерями, но все же пойдет*.

Там же, где человек привык всего бояться, где его энергия притуплена, нравственная самостоятельность преследуется как нечто вредное, там он по необходимости будет бояться и неприятеля: не настолько, может быть, чтобы бегать от него при первой стычке, но настолько, чтобы носить вечно в себе язву нравственного убеждения в невозможности его победить.

При таком состоянии нравственной стороны никакое совершенство оружия и техники не поможет, ибо то и другое помогает преодолевать препятствия на пути к известной цели, но не учит задаваться этой последней решительно и безвозвратно. Последнему выучить нельзя: последнее дается только выработкой личной энергии солдат и начальников; без нее усовершенствованное оружие будет более вредно, нежели полезно, ибо поведет только к трате патронов, более быстрой и бесполковой, чем при прежнем оружии; совершенство в технике будет более вредно, нежели полезно, ибо она, уча преодолевать препятствия, в то же время показывает и всю их силу, т.е. людям нерешительным доставляет только благовидные предлоги к оправданию недостатка решимости. Мало того: она ведет к истощению сил армии, ибо упражнения в формах действия поведут к изысканию формы совершеннейшей, т.е. практически нелепой¹; понимание важности хорошо соображеного плана — к беспрерывным изменениям раз принятого, т.е. к невозмож-

¹ Бригадный строй с беспрерывной сменой линий обратился в такую форму у австрийцев.

ности на чем-либо остановиться¹. Австрийцы приготовили себе превосходно возможность действовать по нескольким направлениям — и ни одним не воспользовались именно вследствие недостатка решительности, находящего себе такое удобное оправдание в стремлении к лучшему, которое, как уже известно, всегда враг *хорошего*. Пруссаки решались иногда неловко, но решались не колеблясь — и благодаря преимущественно этому остались победителями.

ИСТОЧНИКИ

- 1) C. von Winterfeld. Geschichte der Preussischen Feldzüge von 1866. Potsdam. 1867.
- 2) W. Rustow. Der Krieg von 1866 in Deutschland und Italien politisch-militärisch beschrieben 4 abtheilungen. Zurich. 1866.
- 3) Gv. G. Preussens Feldzug 1866 vom militärischen Standpunkt. Berlin. 1866.
- 4) A. Borbstaedt. Preussens Feldzüge gegen Oesterreich und dessen Yerlündete im Jahre 1866. Berlin. 1866.
- Fr. Hoffmann. Preussens Krieg für Deutschlands Einheit. Berlin. 1867.
- 6) Georg Hiltl. Der Böhmisches Krieg. Bielefeld und Leipzig. 1867.
- 7) Feldzug der Nordarmee und ihre Kämpfe vom 23 Iuni bis 22 Iuli 1866. Wien. 1866.
- 8) Die Theilnahme der II Armee unter den Ober-Commando S-r Kon. Hoheit des Kronprinzen von Preussen am Feldzüge von 1866. Berlin. 1866.

¹ Начало кампании, решившее все, носит именно этот характер.

9) Fr. von Zychlinski. Antheil des 2 Magdeburg. Infant Regim. № 27 an dem Gefecht bei Münchengrätz und an der Schlacht von Königgrätz. Halle. 1866.

10) Rud. Broecker. Erinnerung an die Thatigkeit der 11 Infanterie Division und ihrer Artillerie wahrend des Feldzuges 1866. Berlin. 1867.

11) Mr. Hozier. Der Feldzug in Böhmen und Mähren, Berichte und Schilderungen des Correspondenten der Times im Haupt quartier der ersteu Armee. Berlin. 1866.

12) Der Krieg im Jahr 1866, kritische Bemerkungen über die Feldzüge in Böhmen, Italien und am Main.

13) Oesterreichs System als die einzige wahre Ursache seiner Niederlage vom militärischen Standpunkt. Leipzig. 1866.

14) Oesterreichische militär. Zeitschrift v. V. Streffleur. Wien. 1866—1867.

Всеми этими источниками составитель мог воспользоваться только благодаря обязательности Ф.А. Фельдмана, взявшего на себя труд их перевода.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ К ВОЙНЕ.....	3
II. СИЛЫ ПРОТИВНИКОВ	31
Замечания о духе армии и о характере ее образования.....	42
Образование, воспитание и тактические понятия.....	49
Обучение стрельбе	54
Заблаговременные приготовления к войне	58
Приведение войск на военное положение и разделение на армии.....	63
Численность прусской армии	74
Характеристика личностей	79
Силы Австрии	93
Заметки об образовании армии.....	98
Состав австрийской армии.....	106
Характеристика личностей	115
Инструкция Бенедека.....	119
Инструкция эрцгерцога Альбрехта	125
III. ОЧЕРК ТЕАТРА ВОЙНЫ	130

IV. ПЛАНЫ ОБЕИХ СТОРОН	136
V. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ	141
Арьергардное дело у Мюнхенгреца, 28 июня	153
Бой у Гичина, 29 июня	160
Прибытие саксонцев на поле сражения около 6 $\frac{1}{2}$ часов	164
VI. НАСТУПЛЕНИЕ ПРУССАКОВ С ВОСТОКА.....	172
Фланговое движение Рамминга от Опочно к Скалицу	175
Бой у Находа	178
Современное положение других частей прусской и австрийской армии	190
Дела 28 июня.....	196
Дело у Швейншеделя	207
VII. ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ ПЕРЕД БИТВОЙ ПРИ КЕНИГГРЕЦЕ	212
VIII. КЕНИГГРЕЦСКАЯ БИТВА.....	225
От начала дела до прибытия 2-й армии	225
Движение к Масловеду IV и II корпусов	231
Наступление армии кронпринца к полю сражения и последовавшие затем действия.....	237
Бой у Хлума и Розберица.....	245
IX. ОТ КЕНИГГРЕЦА ДО ВЕНЫ	259
Положение в Вене	275
Современные движения пруссаков и бой у Пресбурга.....	279
X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	286
ИСТОЧНИКИ	315

Научно-популярное издание
Огнем и мечом

Драгомиров Михаил Иванович

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. 1866 ГОД

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Дизайн обложки *Е.А. Забелина*

Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.11.2010. Формат 84 × 108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ № 1209.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 948-40-71, (499) 948-40-72, 948-40-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 948-40-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

Кто объединит Германию – дряхлеющая Австро-Венгерская империя или молодое и агрессивное Прусское королевство?

В 1866 году ответ на этот вопрос дали пушки и винтовки. Пруссаки вместе с итальянцами наголову разбили австрийцев и определили всю последующую историю Европы.

Представителем России при Прусской ставке был Михаил Иванович Драгомиров – видный военный педагог, теоретик и историк. По следам событий он в 1872 году опубликовал книгу «Очерки Австро-прусской войны 1866 года», которая в России не переиздавалась больше ста лет.

ISBN 978-5-9533-5203-1

9 785953 352031

